В этом номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

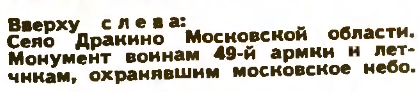
5·1978

В 35 километрах от Тбилиси 9 мая 1975 года был открыт памятник погибшим землякам, установленный на средства местных предприятий и колхозов. Авторы монумента скульптор Мераб Бердзенишвили и архитектор Гурам Бакрадзе.

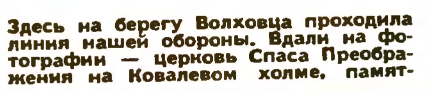

Вверху слева:
Село Дракино Московской области. Монумент воинам 49-й армии и летчикам, охранявшим московское небо.

Памятник героям-панфиловцам у разъезда Дубосеково под Москвой.

Внизу:
Село Тимановка Винницкой области. Памятник погибшим солдатам.

Здесь на берегу Волховца проходила линия нашей обороны. Вдали на фотографии — церковь Спаса Преображения на Ковалевом холме, памятник XIV века, полностью разрушенный во время войны и восстановленный несколько лет назад. О реставрации фресок этой церкви читайте в этом номере очерк В. Зыбковца «Спасенное для людей».

онумент в честь города-героя Мосвы, открытый 9 мая 1977 года на утузовском проспекте столицы.

НАУКА И РЕЛИГИЯ 5·78

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания девятнадцатый

НАША ОБЛОЖКА

Множество памятников прошедшей войны на Советской земле. Стоят они на центральных площадях городов и деревень, в школьных и заводских дворах, у сельских дорог и шумных магистралей, на известных курганах и холмах без названия, в горах и чистом поле... Вот уже тридцать с лишним лет ставят их люди там, где в боях с фашизмом решалась судьба Родины, где погибли во спасение ее тысячи или пал один, смертью своей тоже приблизивший нашу Победу. Их ставят земляки погибших и однополчане; города, области и республики; родственники и соседи; школьники и студенты, товарищи по мирному труду.

Они разные, эти памятники. Мемориальные комплексы и торжественные монументы, созданные знаменитыми художниками. Простые обелиски со звездой. Гранитные плиты с барельефами и высеченными именами. Скромные надгробья. Винтовка и каска на могиле солдата. Родник на горной дороге, со скамеечкой для отдыха, кружкой и надписью: «Пейте, путники, в память о нашем сыне!»

Разные, они все одинаково прекрасны, потому что в них выражены святые людские чувства — память, любовь, благодарность. «Мы вас не забыли! — говорят они. — Мы помним! Знаем цену вашему подвигу. Родина спасена, она живет, она вечно пребудет, пока рождает таких, как вы, сыновей».

Мы никого не забудем! Никого, кто пал в той страшной войне. Поиск возвращает из забвения новые имена и события, и много еще появится на нашей земле скромных и торжественных символов благодарной памяти, что вечно будет жить в сердце народа.

На второй странице обложки — несколько памятников, сооруженных в последние годы.

Франсиско Гойя занимает особое место в испанском искусстве и испанской культуре: не будет преувеличением сказать, что это самый крупный художник, которого дала Испания за триста лет, прошедшие после «золотого века» испанского искусства, отмеченного именами Эль Греко и Веласкеса, Сервантеса и Кальдерона. Гойя намного опередил и поиски своих современников...

Об искусстве этого художника читайте статью А. Матвеева «Сон разума рождает чудовищ...»

Репродукция одного из творений Гойи помещена на третьей странице обложки.

«Час настал!» Офорт из серии «Капричос».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Адрес редакции: 109004. Москва, Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны 297-02-51, 297-10-89.

Рукописи и фото не возвращаются.

Н. АЛЕКСАНДРОВА

ГРУШИ НАД ДНЕПРОМ

БЫЛЬ

Каждую весну я приезжаю в это зеленое, утопающее в садах село. Именно весной. Голубеет небо. Чуть розовые яблони в бутонах и раскрытых шапках цветов. Кисейным облаком покрыты груши.... Воздух в эти дни какой-то особенный, пропитан запахом проснувшейся земли.

Останавливаюсь я всегда у Марфы Никитичны. Знаю, она ждет меня. Ее белая хатенка осела, да и завалинку подправить бы не мешало. Но Марфа Никитична ничего не хочет менять.

— Пусть все останется, как сделал Петро.

И сад она выходила в память о муже и сыновьях, без вести пропавших на фронтах Великой Отечественной.

Свела нас с Марфой Никитичной все та же страшная война.

Был октябрь 1943-го. Мы готовились к форсированию Днепра. Знали, что начнется вот-вот. Но когда? Ночью я вышла из землянки. Белесая луна висела в небе. «Странная какая-то луна», — подумала я. И тут кто-то крепко сжал мои плечи.

— Испугалась, Анка? Вот... проститься пришел. Мы ведь раньше вас пойдем.

Ох, как не хотелось, чтобы он убрал свои сильные руки с моих плеч...

— Ракета! — крикнул вдруг Грицко. — Десант уже там. Теперь наш черед. Ну, Анка...

Он махнул рукой и убежал. А я так и осталась, будто завороженная, еще чувствуя тепло его рук. И тут до меня дошел смысл слов Грицка. Значит, наши захватили плацдарм. Я бросилась в землянку за санитарной сумкой.

Форсировать реку всегда трудно. И страшно. А Днепр — он был бесконечно широк. Казалось, никогда не успокоится эта взбесившаяся от разрывов вода и не будет ей ни конца, ни края. Наши лодки, плоты, понтоны — все было словно игрушечным, мы плыли медленно, будто в страшном сне, когда никак не можешь проснуться.

Наконец переправились через Днепр и мы. И вот уже взобрались на косогор, подошли к селу. Только успели развернуть медпункт, как появились первые раненые. И сразу я увидела Игнатенко, командира орудия моего Грицка.

— Иван!

— В живот угодило, — прохрипел он. — Видно, не жилец я.

— Что ты, что ты! — успокаивала его я, а сама думала: «Как там Грицко?»

— Жив твой, — прошептал Иван. — Наше орудие в садочке, на уступе...

Бой за село все разгорался. Раненые прибывали и прибывали. Повязки, шины, жгуты, снова повязки... Руки готовы были отвалиться, болела спина.

Наконец гитлеровцы отошли. Наступила короткая передышка. Совсем короткая, потому что сейчас санитары пойдут на поиски раненых, которые еще остались на поле боя. Но немного времени у меня было, и я побежала искать «садочек на уступе», как сказал Иван.

Нашла. Действительно, над самой рекой примостилась хатенка, окруженная фруктовым садом и алыми мальвами. Около дома стояла пожилая женщина. В руках она держала миску, полную золотистых груш. Она угощала моего Грицка и заряжающего Тишу. Ребята взяли по груше и пошли к орудию. Вдруг над головой просвистело. Я услышала жуткий треск, невольно съежилась и зажмурила глаза. А когда через мгновенье подняла голову — ни Тиши, ни Грицка не увидела. В том месте, где стояло орудие, была воронка и над ней вился легкий дымок.

Я бросилась туда. Грицко и Тиша лежали рядом. Шальной снаряд сделал свое дело.

Когда я пришла в себя, то увидела рядом ту пожилую женщину. Она гладила меня по голове. Я не плакала. Не было слез. Внутри все окаменело. Женщина сказала:

— Давай, дочка, похороним их.

Она принесла лопаты. Так, с грушами в руках, и похоронили мы наших ребят здесь же, в саду.

...В первую же послевоенную весну я поехала к Марфе Никитичне. Встретила она меня как родную. Уж и не знала, куда посадить, чем угостить. А потом мы пошли на могилку.

Первое, что я увидела, — были два стройных молодых деревца, которые поднялись над могильным холмиком. Груша?! Ум отказывался верить: проросли груши, которые выбрали в тот скорбный час Грицко и Тиша. Возможно ли?

— Видишь, милая, живое-то, оно сильное... — тихо проговорила Марфа Никитична.

Мы долго стояли у могилы, думая каждая о своем. Я — о своей первой любви. Марфа Никитична, наверное, о сыновьях, о муже, об одинокой старости.

С тех пор не раз приезжала я к Марфе Никитичне с бывшими однополчанами. Вспоминали и Ивана, и Грицка, и Тишу. Только уж очень горько мне бывало в те минуты: как будто виновата я перед ними за то, что осталась живой. Но особенно остро чувствую я это, подходя к двум грушам. Нынче они стали могучими, ветвистыми деревьями. И каждую весну их усыпают легкие, как крылья бабочек, соцветия. Но ни разу они не дали плода. Почему? Может, потому, что эти деревья — памятник оборвавшимся судьбам? А жизнь — не прерванная на полуслове фраза, она находит себя в продолжении.

Я СТАНУ ТОБОЙ ДЛЯ ЖИВЫХ...

Майя МЕРДЕНОВА

● В небольшом городке Северной Осетии Алагире каждый расскажет вам о Чабахан Басиевой, хотя ее нет среди живых больше 35 лет. Имя этой девушки стало легендарным. С тех пор как я узнала ее историю, она не выходит у меня из головы. И я часто задумываюсь, почему так происходит: человека давно нет на земле, а образ его, его дела продолжают сохранять власть над душами, умами людей. И я снова и снова возвращаюсь мыслью к тому, что рассказали мне люди в Алагире о жизни и смерти Чабахан.

Чабахан Басиева перед войной.

Она родилась в маленьком горном ауле с коротким названием Цей, в семье дружной и работящей, старшая сестра четырех братьев, единственная и всеми любимая. Отец — Михаил Николаевич был человек для своего времени удивительный. Родитель его — дед Чабахан, содержал огромную семью. Ему очень хотелось обучить грамоте хотя бы старшего сына Михаила, он даже решился продать наследственную ценность — разрисованные рога тура, но вырученных денег не хватило на дорогу до Владикавказа, не то что на учебу. Однако Михаил все же выучился грамоте — сам. И не просто выучился — овладел в совершенстве русским письмом, пристрастился к книгам. А когда обзавелся собственной семьей, в его небогатом доме из года в год росла своя библиотека — были в ней и Пушкин, и Толстой, и Достоевский, и Лермонтов, и любимый осетинский поэт Коста Хетагуров... Видимо, полной духовной жизнью жил Михаил Николаевич. Был у него и период увлечения толстовством — тогда горец покинул свой затерянный в горах аул и направился в Ясную Поляну, чтобы взглянуть на своего кумира «хоть одним «глазком». И ему посчастливилось видеть и слышать Толстого.

Потом наступил период критического переосмысления толстовства — бурные события революции, ворвавшиеся в жизнь, постоянные духовные искания превратили толстовца в атеиста. А в 20-х годах весь аул знал, что Михаил Басиев выписывает из Москвы газету «Безбожник». Это очень волновало односельчан, они даже на сходе советовались, как избежать им божьего наказания. Решили на всякий случай не пускать скот Басиевых в общее стадо. Но Михаил Николаевич не сердился на земляков. «Они бедны и темны,— объяснял он своим детям,— вот новая жизнь войдет в свои права, разберутся люди, где правда». Он помогал, как мог, своим неграмотным соседям, писал для них письма, прошения, был добр и великодушен. И детей своих учил доброте и любви. В доме Басиевых много спорили, думали о смысле жизни, о том, чем ценен человек на земле, обсуждали книги, читали стихи. Советская власть дала возможность всем учиться — и дети Басиевых овладевали знаниями жадно и радостно. И даже мать — Тамара вечерами старательно выводила буквы в тетрадке с косыми линейками — и тоже выучилась грамоте. Словом, не хлебом единым жила эта семья.

Пришло время — и все пятеро молодых Басиевых выпорхнули из родного гнезда, чтобы учиться дальше, в городе. Уехала и Чабахан, поступила в Орджоникидзевский педагогический институт на отделение русского языка и литературы. Лишь на каникулах появлялась она теперь в родном доме.

Какое же это было прекрасное, веселое время — каникулы в родном ауле.

...И брат собирал на застолье мужчин,
И пахли все взгорья, как мамин фытчин *,
А в доме, я знаю, шутили тепло,
Что, мол, Чабахан украшает село.
Как белочка, мол, Чабахан весела,
Как розочка, мол, Чабахан расцвела,
Одно неизвестно — кому суждена.

Так написал в поэме, посвященной Чабахан, осетинский поэт Даут Дарчиев — бывший боец Особого партизанского соединения.

Каждый день открывала Чабахан для себя мудрую красоту и глубокий смысл всего, что окружало ее в родном краю. А вокруг, на каждой улице, в каждом доме, происходило столько интересного, значительного: люди работали для себя и были уверены в будущем своих детей. И Чабахан решила, что после учебы непременно снова вернется сюда, она будет учительницей и научит детей всему, что знает сама, откроет им красоту русской литературы. И аульный мальчишка, чей отец едва грамоту знает, будет читать Толстого, Некрасова, и благодаря русскому языку познакомится и с Шекспиром, и с ее любимым Гёте. Она заранее радовалась тому, сколько прекрасного откроется ее маленьким землякам, которые выучат русский язык. А потом, мечтала Чабахан, они выучат и немецкий, вот как она, это совсем нетрудно, и будут читать в подлиннике слова великого поэта:

* Фытчин — осетинский пирог с мясом.

Последний вывод мудрости людской:
Лишь тот достоин чести и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!

Но главное — она научит ребят думать, размышлять, чтобы они сами поняли, что достойно любви, а что заслуживает ненависти и презрения. Сама Чабахан уже твердо знала это.

Она взялась за работу со всем жаром и энергией молодости. Эта самостоятельная трудовая жизнь Чабахан началась в 1941-м, ей было тогда 24 года. В том же 41-м приняли в партию, она стала членом бюро Алагирского райкома комсомола. Она поспевала всюду. Устраивала диспуты о последней книге, о смысле жизни или о любви, вечера поэзии, состязания эрудитов, хотя эрудитов в ту пору в Алагире было не так уж много.

— Не длиннее ли у этой Чабахан сутки, чем у нас? — спрашивали люди.— А уж энергии ей наверняка отпущено больше, чем нам, даром, что на вид такая хрупкая, на лице глаза одни видны.

Когда пришла страшная война, оборвалась горячая, разнообразная вереница увлекательных занятий. Наступили другие заботы...

Враг приближался к Алагиру, скоро настали черные дни — немцы пришли в городок.

Фашисты хотели доказать миру, что народам Северного Кавказа нравится нацистский порядок, что они обрадовались их приходу. Им надо было, чтобы это подтвердили публично хотя бы несколько представителей здешних народностей, и желательно, чтобы это были люди интеллигентные, пользующиеся уважением и доверием народа. Оккупанты в Алагире решили, что для их пропагандистских целей как нельзя лучше подходит Чабахан — осетинка, знающая немецкий, образованная и имеющая авторитет у местных жителей. К тому же они были уверены, что красивая девушка, понимающая толк в литературе, искусстве, изберет сотрудничество, если альтернативой ему будет смерть. А предлагали ей всего лишь работать в созданной оккупантами газете. Что стоит ей, Чабахан Басиевой, поклоннице Гёте и Шиллера, воздать хвалу великой немецкой нации?

Сам барон фон Кассен — «специалист по Кавказу» — вел переговоры с Чабахан: «Мы — интеллигентные люди, значит, найдем общий язык»... Раз, другой, третий его лимузин подкатывал к дому Чабахан и увозил ее на очередное собеседование. Но «общего языка» никак не получалось. И тогда в последний раз увезли Чабахан из дому, забрав одновременно 70-летнюю мать и младшего брата, которого оккупация застала дома случайно: комсомолец, лейтенант Красной Армии Тасолтан Басиев получил после тяжелого ранения разрешение долечиваться дома—болезнь и не позволила вовремя скрыться. Расчет «интеллигента» фон Кассена был на то, что страдания родных сделают Чабахан уступчивее. Но он не знал, что в этой семье честь превыше всего, а Чабахан хорошо знала, что не нужна ее матери жизнь, купленная ценой предательства. Не нужна была такая жизнь и ее брату.

Вскоре фон Кассен распорядился пытать и Чабахан.

Их казнили вместе—Чабахан, ее мать Тамару и брата Тасолтана. Это было в конце декабря 1942 года, незадолго до изгнания фашистских войск с Северного Кавказа.

...Каждый раз, думая о жизни и смерти Чабахан Басиевой, я спрашиваю себя: могла ли она поступить иначе? Спасти свою жизнь, даже нет, не свою, ради себя она не поступилась бы ничем, но вот ради матери? Ради брата? Нет, иначе ничего быть не могло. Так воспитали ее советская действительность и ее семья.

А что дал ее подвиг? Не велика ли цена? Уже тогда, в 1942-м, весть о героической гибели Чабахан всколыхнула ее земляков-осетин, зажгла жаждой мести немало сердец, укрепила волю, силу духа. Для меня нет сомнения в том, что ее подвиг приблизил нашу победу над врагом, слившись с тысячами других подвигов, сделал ее реальной.

Нравственный свет этого подвига дошел и до наших дней. Сегодня учительница Чабахан Басиева продолжает учить. Высоким нравственным идеалам. Гражданственности. Благородству. Преданности своей Родине.

Первой, кто подробно мне рассказал о Чабахан, была пионервожатая Алагирской школы-интерната Залина Цагараева, совсем молоденькая девушка с синими глазами и толстыми косами, только что окончившая десятилетку —ту самую, в которой училась Чабахан. Совсем маленькие воспитанники интерната — приготовишки — называют ее мамой. А старшие не дают покоя вопросами. «А ведь я, — жалуется Залина,— и сама-то еще мало знаю». Но одно Залина знает твердо: она будет учительницей. «Как Чабахан,— говорит она.— Чабахан все любили, она была нужна людям. Мне тоже хочется быть хоть немного похожей на нашу Чабахан. Она была очень счастливая». «Но ведь она погибла так рано и так страшно,— говорю я Залине,— можно ли назвать счастливой жизнь, которая оборвалась так трагически?» Но Залина убеждена, что Чабахан была счастливой. И сама хочет хоть в чем-то быть похожей на Чабахан — энергичную, образованную, преданную своему делу, стране, не испугавшуюся смерти. Что ж, Чабахан — прекрасный пример для тех, кто раздумывает о смысле жизни, выбирает жизненные ориентиры. И в синеглазой Залине я увидела частичку живой Чабахан.

Мы шли по улице, где жила Чабахан, и Залина показала мне табличку — улица называется именем Чабахан Басиевой. Носит имя героини и средняя школа № 1, где она работала. Здесь бережно и с гордостью хранят память о ней. В вестибюле висит большой портрет Чабахан. Вожатая школы Фатима Кучиева рассказала мне, что пионеры их дружины дежурят у могилы Чабахан,— она за городом, там, где казнили Басиевых. Возле могилы или у памятника Чабахан, что стоит возле интерната, принимают алагирских ребят в пионеры и комсомол.

Учительница истории Кима Кацабеевна Теджеева рассказала мне, как создавался в школе музей Чабахан. Дети разыскивали тех, кто знал ее, работал с нею, собирали воспоминания. Появились в музее личные вещи Чабахан, ее фотографии, письма. Много помогли ребятам подруги Чабахан—учительницы Варвара Егоровна Бедеева и Мария Владимировна Рамонова. Дочь Варвары Егоровны Земфира Цахилова — актриса одного из московских театров сыграла роль Чабахан в фильме «Последний снег».

«В нашем доме,— рассказывала Земфира,— своего рода культ Чабахан, моя мама может сколько угодно рассказывать о своей подруге. Казалось бы, мне легко было сыграть Чабахан, а вышло совсем наоборот. Боялась строгого суда мамы, боялась, что покажу Чабахан не такой замечательной девушкой, какой была она в жизни, не хватит таланта. Но и мама, и односельчане, кажется, остались довольны».

Есть уголок, посвященный Чабахан Басиевой, и в краеведческом музее Алагира. Здесь всех привлекает фотография, где она вместе с братом Тасолтаном, тем самым, с которым вместе погибла. Снялись перед самой войной. Молодые, красивые, счастливые лица. А рядом фотография другая — на ней то ужасное, что увидели люди, когда откопали ров, в который наспех зарыли казненных Басиевых фашисты.

Директор музея Борис Григорьевич Сопоев показал мне Указ Президиума Верховного Совета СССР: «За мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., наградить... Орденом Отечественной войны I-й степени Басиеву Чабахан Михайловну (посмертно)...»

Мне хотелось как можно больше услышать о Чабахан, добавить к ее образу еще черточку, просто поговорить о ней. Поэтому, узнав, что в Москве живут два ее брата, я напросилась в гости к одному из них — Измаилу Михайловичу. Встретил меня высокий, совершенно седой человек, очень похожий на портрет своей сестры, приветливый и по-особому гостеприимный, как все осетины, где бы они ни жили. Измаил Михайлович прошел войну, немало повидал на своем веку, но когда речь заходит о сестре, он волнуется. Чувствуется, что у этого мужественного человека слезы где-то очень близко.

— Чабахан жива для нас всех, для меня, моей жены, моих детей, и если они выросли честными и бескорыстными — это и благодаря Чабахан, если в моем доме любят книгу — это от нее, от сестры. Все ее любили, и свет ее души сохранился надолго и служит добру. Она могла спастись, скрыться из города, бежать в горы, найти там себе приют на время. Но не по ней это было — скрываться, бежать, и наверняка она думала, что в Алагире сможет быть чем-то полезной. Да ведь известно, что не сидела Чабахан сложа руки, держала связь с партизанами...

Вспомнили мы с Измаилом Михайловичем и поэму Дарчиева. Брат Чабахан читал мне ее и по-осетински и по-русски — поэму перевел поэт Марк Максимов, тоже бывший партизан. Еще одно признание в любви Чабахан, еще один плач по ней, еще одна клятва верности ее памяти.

...Ах, девочка, полно.
Оборвана нить.
— Но я ведь бессмертна, меня не убить.
— Прощай, Чабахан!
Остаюсь за двоих.
Я — ПАМЯТЬ.
Я стану тобой —
Для живых.

Чабахан Басиева причислена к тем, чьей памяти мы поклоняемся сегодня, чья жизнь — образец служения Родине, людям. Эта память для нас священна.

г. Орджоникидзе

РУБЕЖ СЛАВЫ

Я с вами
равный среди равных,
Я камнем стал,
но я — живу.
И вы,
принявшие Москву
В наследство
от сограждан ратных,
. . . .
Не забывайте ни на час,
Что я
смотрю на вас
из камня.

М. Максимов

● «Майскими короткими ночами, отгремев, закончились бои...» — слова этой песни вновь звучат сегодня в нашем доме, потому что нет ни одной семьи, которая не была бы причастна к одному из самых светлых праздников — Дню Победы.

Время неумолимо отдаляет тот майский день 1945 года, когда побежденный враг вынужден был подписать акт о безоговорочной капитуляции. Уже выросли новые поколения, не знающие войны. Но с каждым годом мы все глубже осознаем величие подвига народа, разгромившего чудовищную военно-политическую систему — фашизм.

Эта победа складывалась и стала возможной благодаря тысячам и тысячам побед, одержанных на фронте и в тылу. Правда, в первые послевоенные годы мы не всегда могли ставить памятники, достойные солдатского подвига. Нужно было поднимать из руин разрушенные го-

рода и села, восстанавливать фабрики и заводы, строить машины, добывать уголь, выплавлять сталь, освобождать от мин и снарядов поля, чтобы сеять хлеб. Но мы знали, что придет время, когда страна сможет в полной мере увековечить память тех, кто ценой своей жизни отстоял нашу свободу и независимость.

...На высоком холме поднялись величественные фигуры воинов — защитников столицы. Здесь, вблизи деревни Нелидово, у разъезда Дубосеково, 28 бойцов из дивизии генерала И. В. Панфилова приняли удар 50 вражеских танков. Солдат вел в бой политрук Василий Клочков. Это ему принадлежат слова, с которыми он шагнул в бессмертие: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!»

Вспомним, как это произошло. Утро 16 ноября 1941 года началось налетами вражеской авиации. Особенно ожесточенно фашисты бомбили позиции наших войск у разъезда Дубосеково. Именно здесь враг решил прорваться к Волоколамскому шоссе, а там — прямой путь на Москву.

...Вначале в наступление пошли автоматчики, но атака была успешно отбита. Тогда двинулись танки. «Ну, друзья, — сказал Клочков, — двадцать танков — не так уж много: меньше, чем по одному на брата». «Не так много», — согласились с политруком русский Иван Шадрин, украинец Григорий Петренко, казах Аскар Комберганов...

Четыре часа длилось сражение. К полудню на перепаханном снарядами поле дымилось 14 танков. Но к исходу дня на горстку оставшихся в живых бойцов в атаку пошло еще 30 танков. И тогда, сжимая в руке последнюю связку гранат, поднялся политрук...

Битва под Москвой занимает особое место в сражениях Великой Отечественной войны. Именно здесь Красная Армия впервые нанесла крупнейшее поражение главной группировке гитлеровских войск.

Выдающуюся роль в обороне Москвы сыграла дивизия генерала Панфилова. Она сдержала наступление пяти гитлеровских дивизий, уничтожив свыше 30 тысяч солдат и офицеров противника и большое число танков. И не случайно, создавая монумент, скульпторы Н. С. Любимов, А. Г. Постол, В. А. Федоров и архитекторы В. Н. Датюк, Ю. Г. Кривущенко, И. И. Степанов и С. П. Хаджибаронов воплотили в камне не только великий подвиг 28 героев, но и всех воинов дивизии, ныне Режицкой гвардейской мотострелковой ордена Ленина краснознаменной ордена Суворова дивизии имени Героя Советского Союза генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова. Воздвигнутый близ деревни Нелидово монумент героям-панфиловцам, как и все памятники, все обелиски огромного мемориального комплекса «Рубеж Славы», который сооружается вокруг Москвы под девизом «Никто не забыт, ничто не забыто», увековечивает память тех, кто во имя будущего стоял насмерть у стен столицы.

В. ЕВСЕЕВ

Ной Моисеевич Рудой — врач. В годы войны — старший врач полка. После тяжелого ранения был демобилизован в звании капитана медицинской службы. Работал в сельской больнице. Сейчас он доктор медицинских наук, профессор, руководит отделением в одном из крупных медицинских учреждений. Стихи его публиковались в разных изданиях.

☆ ВЕТЕРАНУ ВОЙНЫ ☆

Который уж год, как спокоен
Тревожно гудевший набат,
А ты все стоишь перед строем
Погибших на фронте солдат.
Их взгляд проницательный, строгий
Ответа правдивого ждет,
Какою пошел ты дорогой, —
Прямой ли дороги в обход,
О долге забыв и о чести,
Иль был прямодушен и прост:
С врагом враждовал не из мести
И шел на противника в рост?
Как долго бы ни был спокоен
Тревожно гудевший набат,
Ты будешь стоять перед строем
Ушедших в бессмертье солдат.

☆

В стенах больничных я тружусь
Не день, не год, а четверть века,
И удивляюсь. И горжусь
Долготерпеньем человека.
Суметь в безрадостную пору,
В стенах унылых взаперти,
Боль пересиля, обрести
И утешенье, и опору,
Через себя перешагнуть
И выстоять?!
Кто может, право,
О человеческая суть,
Понять — ты из какого сплава?

☆

Я вспоминаю прошлое свое,
Как светлое и чистое жилье,
И ничего роднее нет вокруг
Прикосновенья материнских рук.
И не дано постигнуть до конца
Немого обожания отца.

Я вспоминаю прошлое свое,
Как порохом пропахшее жнивье...
Здесь ничего не срезано серпом, —
Все грубо смято вражьим сапогом.
Где сверстников — товарищей моих
Унес войны остервенелый вихрь.

Я вспоминаю прошлое свое,
Где что ни день, то новое жилье,
Но люди, в муках выдержку храня,
С такой надеждой смотрят на меня...
И горько сознавать мне, что врачу
Еще не все на свете по плечу.

Я вглядываюсь в глубь ушедших лет
И вижу каждый шаг и каждый след,
Пусть оступался я не раз в пути,
Но мне с него — до смерти не сойти.
Ведь как она в дальнейшем ни сложись,
У нас одна — единственная жизнь.

☆

Он трудился больше полувека,
Не щадя ни времени, ни сил.
Постигая душу человека,
Мысли на бумагу заносил.
Не было числа его твореньям,
А остался в памяти людской
Не поэмой, не стихотвореньем,
Лишь одной-единственной строкой.
Даже ты, что судишь очень строго,
Согласись, что и одна строка —
Это много, это очень много,
Если остается на века.

☆ ОБЕЛИСКИ ☆

Все будто начинается сначала,
Весною оживает вся земля:
Леса уже не смотрят одичало,
И травы наступают на поля,
И небо глубже кажется и чище,
Омытое весеннею грозой...
Весною оживают и кладбища, —
Живые к мертвым тянутся весной.
А ты, солдат, в бою давно убитый,
Однополчанин, ты нас, друг, прости,
Гранитные и мраморные плиты
Мы так и не поставили в пути.
И матери твоей не разобраться,
Где ты прошел,
в последний раз прошел.
Не оттого ли у могил, у братских
Седых голов поникший частокол.

☆

Я вернулся к родным пепелищам,
Где еще не рассеялся дым,
Где ни света, ни крова, ни пищи,
Но ведь я к ним вернулся живым.
Пуля насмерть меня не сразила,
И когда отгремели бои,
Я принес вам уверенность силы,
Пепелища родные мои.

Так я думал тогда — в сорок пятом.
А теперь — на десятке шестом
Мог ли тем я остаться солдатом,
Что вернулся в разрушенный дом?
Не разъели ли мирные годы,
Что порою военных страшней,
И фундамент, и стены, и своды
Сокровенной надежды моей?
И могу ли спокойно и смело
Я признаться себе и другим,
Что былое во мне уцелело
И достанется внукам моим?

☆

В. Александров из города Балашиха Московской области пишет: «Дорогая редакция! Расскажите об ордене святого Георгия. Я слышал, что эта награда была очень почетной в царской России, да и сейчас некоторые пожилые люди с гордостью говорят о себе, что они — георгиевские кавалеры». В ответ на это письмо мы публикуем статью нашего читателя ленинградца В. Буркова.

В. БУРКОВ

БЕЗ ОРЕОЛА СВЯТОСТИ

Необычна судьба этой награды. Основанный в честь христианского «великомученика», орден святого Георгия вошел в историю как символ мужества и воинской доблести. Чтобы представить, как это произошло, необходим краткий экскурс в далекое прошлое.

Культ Победоносца Георгия возник в V—VI веках. Именно тогда в Константинополе и Риме были возведены в его честь храмы, а спустя четыре столетия агиограф византиец Симеон Метафраст составил мартирологию этого христианского мученика. По сказанию, Георгий происходил из знатного каппадикийского рода, был крупным военачальником. Во время гонений на христиан при императоре Диоклетиане сложил с себя воинский сан и стал проповедником христианства, за что был подвергнут тяжким мучениям и обезглавлен в 303 году в Никомедии (ныне город Измит в Турции). Среди приписанных ему подвигов есть и легенда об освобождении им царевны Аи от злого змея (дракона).

Особенно популярным стал культ Победоносца во времена крестовых походов. Он считался покровителем старейшего английского кавалерского ордена «Подвязки». В то время почти во всех западноевропейских государствах существовали специальные духовные общества и военно-религиозные рыцарские ордена святого Георгия.

На Руси после введения в 988 году христианства князь Ярослав Владимирович (Ярослав Мудрый) был наречен Георгием. В честь великомученика были построены храмы в ряде древнерусских городов, в том числе и в столице — Киеве: «Заложи Ярослав церковь святой Софии и посем церкви Георгия монастырь». Изображения Георгия появились и на великокняжеской печати и монетах. Впоследствии Победоносца Георгия стали считать покровителем российского государства.

Конный воин с копьем или мечом встречается на печатях сына Дмитрия Донского — Василия (к договорным грамотам 1390 и 1401 гг.), печатях Василия Темного и на монетах великого княжества Московского того времени, а также на старом гербе Москвы, государственной печати и государственном гербе России, монетах Ивана III, Василия Ивановича и Ивана Грозного — вплоть до Алексея Михайловича Романова. Кстати, на некоторых золотых монетах XVI—XVII веков, жалованных за ратные подвиги, также изображен воин, поражающий дракона. Иностранцы, приезжавшие на Русь из Западной Европы, считали, что «русский всадник» — это изображение Георгия Победоносца. В XVII веке в иностранной трактовке Георгий Победоносец был символом освобождения русской земли от татаро-монгольского ига. Русское правительство признало такое объяснение центрального изображения на государственной печати и гербе только в 1730 году.

Новый военный орден с девизом «За службу и храбрость» был введен с 26 ноября 1769 года при императрице Екатерине II. Сама процедура его учреждения, описанная в «Камер-фурьерском журнале 1769 года», — яркий пример социально-религиозной направленности всей царской наградной системы:

«26-го числа в четверг, поутру, в 11 часу съехались ко двору российские знатные обоего пола персоны и господа чужестранные министры, собирались в парадные покои, куда в 12 часу ее императорское величество, в орденской одежде, с его императорским высочеством прибыть соизволила... По окончании литургии началось посвящение ордена следующим образом: духовные персоны, по выходе из святого алтаря, стали посреди церкви, как для благодарственного молебствования бывает, потом вынесен и поставлен был двумя гоф-фурьерами стол, на котором знаки ордена, на золотом блюде, положены были... по прочтении статута, проповедь говорил синодальный член Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандрит Платон, а потом отправлялось посвящение ордена с прочтением особливой молитвы и креплением святою водою знаков оного».

Орден предназначался для награждения воинских чинов «за храбрость, ревность и усердие к воинской службе и для поощрения в военном искусстве». Это была очень высокая награда. Недаром в статуте говорилось: «Сей орден никогда не снимать». По своей значимости он шел сразу за орденом Андрея Первозванного[1].

Орден святого Георгия имел четыре степени: I — крест на ленте с тремя черными и двумя желтыми полосками (георгиевская лента) через правое плечо и звезда на левой стороне груди; II — крест на шее и звезда, III — крест на шее, IV — крест на груди.

Вот как выглядели орденские знаки:

«крест большой золотой, с белою с обеих сторон финифтью (эмалью), по краям с золотою каймою. В середине креста изображен на финифти же герб Московского царства, то есть в красном поле святой Георгий, вооруженный серебряными латами, с золотою сверх оных висящею епанчою, имеющий на главе златую диадему, сидящий на серебряном коне, на котором седло и вся сбруя золотые, и поражающий золотым копьем черного змия в подошве щита. На задней стороне, в середине, в белом поле вензелевое святого Ге-

[1] Подробнее об этом ордене см.: Ф. Одиноков. Из греков в варяги. «Наука и религия», 1971, № 10.

оргия имя; звезда — золотая четырехугольная, в центре которой на черном фоне по окружности золотыми буквами нанесена надпись: «За службу и храбрость», а в самой середине на желтом фоне вензель св. Георгия — «СГ».

Георгиевской кавалерской думе был дарован в Чесме, близ Петербурга (сейчас Московский район Ленинграда) при церкви Иоанна Крестителя, особый дом, где помещались управление орденом, архив, печать и орденская казна. О тесной связи орденской организации с русской православной церковью свидетельствует и специальный церемониал орденского праздника, который происходил ежегодно 26 ноября. У дверей придворного собора императора и императрицу встречали санкт-петербургский митрополит, члены синода и придворное духовенство. Затем в Георгиевском зале Зимнего дворца совершался молебен с возглашением многолетия всему императорскому дому и всероссийскому воинству, после чего митрополит окроплял «святой» водой «августейших особ» и находящиеся в зале знамена и штандарты.

Классовая сущность ордена ярко выражалась в его статуте, где наряду с высокопарным заявлением о том, что «ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны не дают права быть пожалованы сим орденом», соседствует указание, что «получать сей орден могут только штаб- и обер-офицеры, чины генеральские». А как известно, генералами и офицерами в Российской империи были, как правило, лишь выходцы из дворянских семей.

За все время существования ордена крест I степени получили всего 24 человека. В основном это были коронованные особы российские и иностранные, высокопоставленные военные чины. Среди последних были выдающиеся полководцы, такие, как первый кавалер ордена I степени П. А. Румянцев (за победу под Кагулом), А. В. Суворов, М. И. Кутузов, М. Б. Барклай-де-Толли.

За всю историю России полных кавалеров ордена святого Георгия, то есть имеющих награды всех степеней, было всего четверо — М. И. Кутузов, М. Б. Барклай-де-Толли, И. И. Дибич и И. Ф. Паскевич. Имена первых двух полководцев хорошо известны, два других добились этой чести только благодаря «усердию» перед Николаем I.

Ловкий царедворец И. И. Дибич-Забалканский дал всего одно сражение и взял одну крепость в войне с турками, но зато заслужил расположение императора донесением об открытии заговора декабристов, а также обещанием подавить восстание в Польше. Таковы же «заслуги» и «светлейшего» князя Варшавского, графа Эриванского, генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича, судившего декабристов и подавившего польское восстание 1831 года.

Царизм и православная церковь, с одной стороны, преследовали «иноверцев», а с другой — стремились использовать в своей колонизаторской политике феодальную верхушку мусульманских народов. И вот появился указ от 9 августа 1844 года: «О помещении на орденах, жалуемых мусульманам,

Вверху — орден Славы 1-й, 2-й и 3-й степени.

Внизу — георгиевский крест I степени.

вместо изображения святого Георгия на кресте, императорского орла».

В 1849 году по проекту архитектора К. А. Тона был выстроен Большой Кремлевский дворец. Среди его парадных залов был и Георгиевский. Здесь на специальные мраморные плиты заносились имена георгиевских кавалеров. В их числе есть и те, благодаря кому черно-желтые цвета орденской ленты стали символом воинской доблести и славы. Это прославленные герои Отечественной войны 1812 года П. И. Багратион, Д. С. Дохтуров, А. П. Ермолов, М. И. Платов, Н. Н. Раевский и другие.

С 1869 года к ордену святого Георгия было причислено золотое оружие с георгиевским темляком (лентой) и георгиевским крестом на эфесе, опять только для офицеров. Кроме этого, существовали особые георгиевские отличия — знамена и трубы, которыми награждались целые воинские части, отличившиеся в боях.

Знамена впервые были пожалованы Таврическому, Московскому, Смоленскому и Архангельскому полкам за кампанию 1799 года, а трубы — гренадерскому Московскому и драгунскому Стародубскому за турецкую войну 1810 года. В 1819 году был учрежден также георгиевский кормовой флаг — высшая награда за воинскую доблесть боевых кораблей русского военно-морского флота. Впервые им был награжден линейный корабль «Азов» за героизм, проявленный его экипажем под командованием М. П. Лазарева в Наваринском морском сражении 1827 года.

Особым и единственным за всю историю существования Георгиевского ордена был случай присвоения его целому полку. 3 декабря 1774 года 3-й Кирасирский полк (впоследствии 13-й Драгунский.— **В. Б.**) стал именоваться «Кирасирским Военного ордена святого великомученика и Победоносца Георгия полком», где все штаб- и обер-офицеры были кавалеры этого ордена, а командиром с 6 марта 1775 года стал первый кавалер ордена Георгия I степени генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев.

Своеобразным продолжением ордена святого Георгия являлись пять боевых золотых офицерских крестов на георгиевских лентах, учрежденных в 1789—1810 годах. Они предназначались для офицеров, представленных к наградам, но не получивших «георгия» IV степени или «владимира» IV степени. Учреждение этих наград, с одной стороны, диктовалось расцветом русского военного искусства, но, с другой, отражало классовый принцип награждения.

За все время существования дореволюционной наградной системы ни разу ни один представитель нижних чинов не был награжден орденским знаком. Для унтер-офицеров, солдат и матросов были введены специальные знаки отличия, в том числе «Знак отличия военного ордена» — серебряный крест на георгиевской ленте. Его получили 6783 русских воина, отважно сражавшихся в Отечественную войну 1812 года. Эта награда, как и медаль «За храбрость», освобождала от телесных наказаний, давала право на незначительную пенсию. Но не эти скудные преимущества определяли огромную значимость наград. Они были подлинным свидетельством воинского мужества и отваги.

В 1856 году «Знак отличия военного ордена» был разделен на четыре степени: I и II — золотые кресты, а III и IV — серебряные, с 1913 года его стали называть георгиевским крестом.

В 1913 году была переименована в георгиевскую и подчинена ордену номерная медаль «За храбрость» на георгиевской ленте. Она предназначалась для награждения нижних чинов за мужество и храбрость, проявленные в военное и мирное время, а также для лиц, не принадлежащих к составу армии и флота, но проявивших отвагу в военное время.

После Февральской революции 1917 года буржуазно-помещичье Временное правительство не внесло радикальных изменений в российскую наградную систему, был несколько видоизменен внешний вид орденских знаков, в том числе и георгиевских наград. Так, на медали профиль Николая II был заменен изображением Георгия Победоносца, а в устав ордена было внесено разрешение награждать солдат знаком ордена IV степени и офицеров (по решению общего собрания личного состава подразделения) — георгиевским крестом всех четырех степеней.

Сразу после Октябрьской революции был издан декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» (10 (23) ноября 1917 г.), по которому упразднялись все царские ордена и медали.

Однако в биографиях и биографических справках советских изданий о выдающихся советских военачальниках встречаются порой строки об их награждении георгиевскими крестами и медалями. Легендарные герои гражданской войны С. М. Буденный (полный георгиевский кавалер — четыре георгиевских креста и четыре медали), В. И. Чапаев, В. К. Блюхер были отмечены этой наградой. Георгиевскими крестами была отмечена храбрость и будущих маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского и многих других будущих военачальников Советской Армии.

Продолжая боевые традиции вековой русской славы, Советское правительство 8 ноября 1943 года учредило для награждения воинов рядового и сержантского состава сухопутных войск, а в авиации — лиц, имеющих звание «младший лейтенант» и проявивших мужество и бесстрашие, орден Славы трех степеней. Желто-черная расцветка ленты нового советского ордена была выбрана художником Н. И. Москалевым не случайно. Она подтвердила традиционные цвета российской воинской доблести. Газета «Красная Звезда» писала: «Учрежденный орден Славы является как бы преемником старого солдатского Георгия». Интересен тот факт, что среди награжденных орденом Славы были кавалеры георгиевских крестов времен первой мировой войны. Так продолжилась воинская русская традиция.

История ордена — яркий пример того, как земное содержание переросло рамки религиозной формы и сломало ее. Посетители панорамы «Бородинская битва», видя мозаичное изображение Георгия Победоносца на фасаде здания, не связывают его с образом христианского великомученика. Всадник с копьем, полностью утратив социально-религиозное содержание, превратился для нашего современника в образ мужественного воина, способного отстоять свою землю от врагов.

Ленинград

СПАСЕННОЕ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

В. ЗЫБКОВЕЦ
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

А. П. Греков у щита с фрагментом фрески.

В. Б. Грекова за сбором фресок.

Восхищен работами мастерской Александра Петровича Грекова. Уверен, что тысячи людей вместе со мной скажут ему большое спасибо за все, что он сделал, делает и будет делать по реставрации древнего русского искусства.

Академик И. Петровский (Из «Книги отзывов мастерской реставрации фресок». Новгород. Кремль, Лихудовский корпус)

У М. Дудина прочитал я как-то: «Удивительными людьми держится мир, его история, его культура. Удивительные люди встречаются не часто, но все-таки встречаются, и от общения с ними, от их присутствия в нашей жизни хочется жить, делать, верить, тратить себя полней и целесообразней, вглядываться внимательнее в души людей, находить в них искры творческого начала и приобщить их к общему свету».

Я вспомнил эти слова августовским пасмурным новгородским утром, когда меня познакомили с художником-реставратором Александром Петровичем Грековым. Мы с ним ходили долго по Новгороду (Александр Петрович «выхаживал» какие-то свои дела), и он мне все рассказывал, рассказывал, часто переспрашивал: «Вы поняли?» — и пригласил:

— Приходите в мастерскую завтра после обеда. С утра я обычно разговорами не занимаюсь. Знаете ли, на свежую голову работается лучше.

И начертил в моем блокноте схему — как найти в путанице строений новгородского Кремля его мастерскую.

1.

Это самая героическая, самая вдохновенная и самая нужная работа реставраторов, которую я когда-либо видел. Эта работа не только высокого технического мастерства, но и работа, за которой чувствуется моральная сила.

Академик Д. Лихачев (Из «Книги отзывов...»)

Я шел через Кремлевские ворота, мимо новгородской Софии, сворачивал в арку под часозвоней, а там к старинным палатам с высоким деревянным крыльцом. Под крыльцом массивная дверь с табличкой: «Мастерская А. П. Грекова».

Огромная сводчатая комната, залитая светом мощных светиль-

Так выглядит сегодня храм Спаса Преображения на Ковалеве. На стенах видна штраба.

ников, длинные широкие столы с размещенными на них цветными фрагментами фресок, вдоль стен стеллажи со щитами, где уже собраны детали композиций, лотки с еще беспризорными кусочками. На стенах — восстановленные фрески и копии с них. Тут трудно разобраться, что есть что,— с такой точностью сделаны копии.

Слева у двери, на стене небольшой стенд-музей —фотографии церкви Спаса Преображения на Ковалевом холме, сделанные до и после войны. Рядом с фотографиями — пробитая осколком каска, снарядные гильзы, оболочки мин, то, что было обнаружено при расчистке завалов Спаса на Ковалеве.

...В августе 1941 года фашистские полчища захватили Новгород, но дальше продвинуться не смогли. Линия фронта проходила вдоль Волховца — на одном берегу наши, на другом, в городе, — фашисты. 29 месяцев стояли друг против друга две силы. Еще и сейчас в округе находят полузасыпанные линии окопов.

Советские пушки не стреляли по городу — всем частям был дан строжайший приказ: «По Новгороду не стрелять: беречь его памятники!» Фашистов же древние храмы — Никола на Липне, Успение на Волотове, Михаил на Сковородке, Спас Нередицы, Спас на Ковалеве, находившиеся на нашей линии обороны, — интересовали лишь постольку, поскольку служили ориентирами для их артиллерии.

29 месяцев методично, три раза в день по этим древнерусским постройкам били пушки, стреляли минометы. Стоявшие на холмах болотистого берега Волховца храмы превратились в груды разбитого кирпича и штукатурки.

А сегодня сотни тысяч туристов видят восстановленные храмы и среди них Спас на Ковалеве. Я подъехал к нему под вечер. При закатном солнце он возвышался на холме, будто девушка в белом свадебном одеянии.

Храм восстановлен, но память о войне осталась. По стене его вьется штраба — выдолбленная в каменной кладке линия, обозначающая уровень, до которого разрушили памятник фашистские снаряды. Штрабу сделали каменщики по рекомендации А. П. Грекова.

Большую и сложную жизнь прожил этот человек. Девятилетним в 1918 году взяли его с собой родители в эмиграцию. Константинополь, Париж. Учеба в иезуитском колледже, откуда вынесено уважение к труду и в то же время непримиримость и отвращение к религиозному ханжеству. Участие в войне с фашистами в рядах французской армии, плен, концлагерь.

— Жили мы по-разному, — вспоминает Александр Петрович, — от крайней бедности до вполне приличного существования, когда после войны я имел свою радиомастерскую. Вернулся на Родину в 1948 году не потому, что бедствовал, а потому, что трудно русскому человеку жить вне России, вне Родины.

И не думал он — русский солдат французской армии, что спустя много лет после капитуляции фашистской Германии снова встретится с их варварством и будет возвращать к жизни разрушенное ими.

— Как вы стали реставратором?

— Специального образования я не получил, хотя два года посещал в Париже заочную художественную школу. К искусству тянуло меня с раннего детства, но живописца из меня не вышло.

Родился я в семье петербургского инженера путей сообщения. Увлечением, страстью моего отца были русские древности. Он собирал старинные вышивки, иконы, раскапывал курганы.

Тетя моя, Наталья Петровна Грекова, училась живописи у Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина, который был другом нашей семьи и часто гостил у нас, в Саратовской губернии, когда мы летом жили в деревне. Именно здесь он написал некоторые свои произведения, в том числе и портрет Наташи Грековой.

Тетя же, занимаясь живописью, много внимания уделяла и реставрационным работам, восстанавливала собранные отцом древнерусские иконы. Помню, как меня поражало возникшее вдруг из черноты светлое лицо святого или богоматери. До сих пор помню запахи мастерской; часто я помогал растирать и смешивать краски.

После возвращения на Родину я получил возможность заняться реставрацией живописи. В 1965 году, во время работы в Ярославле, познакомился с Валентиной Борисовной, которая стала мне женой, другом, помощником. И уже вместе с ней в том же году мы занялись спасением фресок Спаса на Ковалеве, я стал руководителем «ковалевской» бригады.

— Валентина Борисовна, а как вы стали реставратором?

— Еще на искусствоведческом отделении Московского университета учитель мой Михаил Андреевич Ильин натолкнул меня на необычную для будущего искусствоведа мысль: «Важнее сохранить памятник искусства или архитектуры, чем рассказывать о его ценности». Отчасти он был прав. Ведь если картина, фреска, скульптура или здание будут существовать, то рано или поздно найдется человек, который сможет толково рассказать о них другим — отстаивала я для себя неожиданное увлечение реставрацией.

И вот с 1958 года я занялась методикой и технологией реставрации монументальной живописи. Мне очень не хватало технических знаний. Свойства вяжущих веществ, законы теплового расширения различных материалов, теория упругости и вязкости металлов...

Спустя пять лет моя новая профессия привела меня к Спасу на Ковалеве. Вначале мы думали собрать и сохранить некоторые куски живописи с нижних неразрушенных частей стен. Никто даже предположить не мог, что работа примет такие огромные масштабы — восстановить все возможное из росписи этой церкви.

Но сначала нужно было разобрать завал — 250 кубометров кирпича и штукатурки, найти среди них и аккуратно извлечь кусочки фресок.

И начался тяжелейший труд. Почти под открытым небом, в дождь и снег, порой при фонарях разбирали завал. Вначале применили методику археологов — разбили всю площадь завала на метровые квадраты и послойно вынимали кусочки разбитых фресок. Но этот метод не оправдал себя — в одном слое, на одном квадрате попадались фрески и с разных частей свода, и со стен.

Нужна была другая методика. И она была найдена. Конечно, фрески в завале перемешаны, но наверняка сначала падали куски фресок сверху—с барабана храма и верхних частей его стен, а затем уже обваливалась штукатурка с живописью середины и низа стен. Александр Петрович разбил новую сетку с учетом возможного падения фресок.

По его расчетам, здесь должны были находиться остатки композиции «Не рыдай мене, мати, во гробе сущу», здесь — «Преображения». Работа заметно продвинулась — новая методика оправдала себя. Было извлечено 500 ящиков фрагментов фресковой живописи общим объемом 10 кубических метров — более миллиона цветных кусочков.

Теперь предстояло другое дело — собирать композиции, подбирая кусочки по цвету, оттенку, по структуре левкаса, порой по следу от кисти, оставшемуся на краске, по линиям излома, закреплять собранное, составлять из небольших фрагментов части и це-

Храм Спаса на Ковалеве до войны.

лые сюжеты. И делать копии, точные, научно достоверные.

...Я приходил сюда каждый день, как на работу, садился за стол, мне давали лотки-ящики с низкими стенками — с уже разобранными по цвету, структуре, толщине фрагментами фресок, и я пытался подобрать, состыковать кусочки вдребезги разбитой красоты. Было до слез обидно — за несколько дней работы, кропотливой, напряженной, до цветных шариков в глазах, мне не удалось подобрать ни одной пары кусочков. А их миллионы...

При участии своих добровольных помощников — студентов из Москвы, Минска, Волгограда, школьников Новгорода Грековы уже 12 лет осуществляют эту труднейшую работу. Собрано около 150 квадратных метров древних фресок — это почти две трети из того, что вообще удастся собрать.

Но стоит ли, как говорится, овчинка выделки! Нужно ли затрачивать титанический труд для того, чтобы возродить религиозные сюжеты фресковой живописи XIV века?

2.

Гибель Волотовских и Ковалевских фресок была великим несчастьем для русской культуры вообще. Теперь Грековы виртуозным трудом воскрешают эти фрески. В этом их заслуга. Многие тысячи людей в будущих поколениях увидят шедевры русской живописи.

Член-корреспондент
А. Арциховский
(Из «Книги отзывов...»)

Давно ушли в небытие строители храмов и дворцов, иконописцы и создатели фресок. Имена лишь немногих из них сохранило время. Славя бога и господина, они не оставили потомкам собственных имен. Но некоторых мы знаем. Феофан Грек, замечательный живописец, творчество которого во многом связано с древним Новгородом. Феофановская школа господствовала в новгородской живописи XIV века, но рядом с ней существовали и другие течения. Новгород чутко реагировал на все новшества — в политике, идеологии, искусстве.

Фрески же церкви Спаса на Ковалеве, построенной в 1345 году и расписанной в 1380 году, резко выделяются в новгородской живописи своими южнославянскими чертами.

Ковалевская живопись не составляла единой живописной и идейной системы. Композиции и единичные фигуры располагались как бы случайно и несколько асимметрично. Мастера, расписывавшие храм, словно поставили задачу: иконами украсить его стены. Вот что писал о фресках этого храма в книге «Из истории мирового искусства. Древнерусские мозаики и фрески XI—XV веков» известный советский искусствовед В. Н. Лазарев:

Росписи ковалевской церкви сочетают в себе в несколько эклектической форме отголоски феофановской живописи и новые приемы иконописной техники. В этом отношении особенно показательны чисто иконописный прием наложения бликов в виде коротких тонких линий и ряд характерных для южнославянского искусства черт, явственно дающих себя знать как в цвете фресок, так и в стиле... Чем более углубляешься в эти росписи, тем более они убеждают, что их авторы, составляющие артель и притом артель не особенно дружную, отправлялись от каких-то иноземных образцов или же были иноземными мастерами, приглашенными в Новгород.

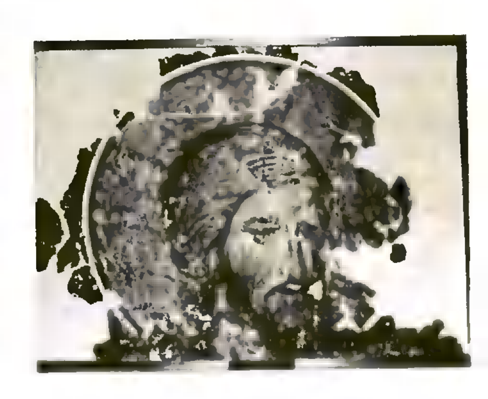
Зачем же новгородцы пригласили к себе живописцев, искусство которых так отличалось от того, что им было привычно и понятно? Стремление к новизне? Нет, все гораздо сложнее; не случайно появилась в Новгороде эта артель. На то были глубокие внутренние причины.

Конец 70-х — начало 80-х годов XIV века в Новгороде известны широким размахом ереси стригольников. Она зародилась в ремесленной среде и существенно подрывала устои официальной церкви. Но не только церкви. Учения стригольников, содержавшего в себе и социальный про-

«Мученица» Елена.

Спас во гробу из композиции «Не рыдай мене, мати, во гробе сущу» (копия).

тест, опасалось и боярство. Вот почему заказчики ковалевской церкви решили обратиться к мастерам, не связанным с новгородской ересью. Еще раз В. Н. Лазарев:

И ее общий аскетический замысел, использовавшийся в акцентировке сцен «страстей», надписи на свитках святых и изображение большого числа отшельников и монахов, являющихся стойкими борцами за иконопочитание, и многое другое, — все это говорит о нарастании в ковалевских росписях аскетически-догматических черт, пришедших на смену тому свободному пониманию религиозного образа, которое так характерно, например, для Волотовского мастера.

Ковалевскую роспись можно в какой-то мере рассматривать как своеобразную реакцию на ересь стригольников. Отсюда использование афонской традиции, внесенной в новгородскую почву либо сербскими мастерами, либо обучавшимися в одном из сербских монастырей русскими художниками.

— Действительно, — дополняет мнение В. Н. Лазарева Александр Петрович, — появление в Новгороде мастеров, техникой и манерой письма отличных от живописной традиции новгородской школы, вероятнее всего объясняется политическим и религиозным движением в Новгородской республике. Несомненно, художники, расписавшие Спас на Ковалеве, были русскими. Вероятнее всего, они восприняли сербскую манеру письма во время учебы и работы на Афоне.

Трудно рассуждать о живописи, когда большая и лучшая часть ее утеряна. В 1380 году храм был расписан в один летний сезон. Для того чтобы сделать роспись без малого в 500 квадратных метров, требовалась большая и хорошо натренированная артель. И в самом деле, при изучении технической стороны работ обращает на себя внимание точность наложения мазков, мастерские и почти всегда верные удары кисти хотя и разных, но талантливых мастеров. Я сейчас четко могу выделить почерк шести ведущих художников и нескольких подмастерьев и учеников.

Внутренность храма имела вид необычайно спокойный, почти интимный. Несомненно, его слабая освещенность отразилась на характере живописи. Мы как-то зажгли одну свечу в нашей мастерской, но даже в ее слабом, колеблющемся свете фрески глядились достаточно отчетливо. Больше того, они звучали таинственно-волнующе, фигуры и лики святых как бы сошли со стен и словно бы присутствовали среди нас. На этот поразительный эффект, конечно же, и рассчитывали живописцы.

Но не только в световом эффекте достоинство росписей храма. Обратите внимание на композицию «Борис и Глеб» (это древнерусские князья, ставшие «святыми» русской православной церкви), нам удалось восстановить ее почти полностью. Посмотрите, сколько экспрессии в ее образах, как изыскан колорит...

Пурпурный плащ Глеба и зеленый Бориса с желтыми двуглавыми византийскими орлами в кругах; из-под откинутых пол видны их голубоватые и желтоватые подкладки; кафтаны расшиты причудливым орнаментом — зеленый у Глеба и пурпурный у Бориса. Прекрасна рука Бориса на рукоятке меча с ее огромным треугольным желтым топазом и рука Глеба, охватившая крест.

Богатый неповторяющийся орнамент заполнял все свободное от композиции пространство, подобно празднично расшитому полотенцу.

Я обращаюсь к Валентине Борисовне и прошу рассказать о некоторых композициях росписи.

— К сожалению, ковалевские фрески до войны специалистами почти не изучались. Поэтому о них сохранилось так мало документов. Перед началом реставрационных работ мне удалось собрать все или почти все, но, повторяю, нашла я очень мало. И если сейчас можно говорить о живописи этого храма, то только по тем фрагментам, которые нам удалось восстановить.

Живопись Спаса на Ковалеве, с одной стороны, условна, религиозна, с другой — воспринимается очень реалистично. Мы видим в ней земных людей, и в этом отличие ковалевских фресок от других памятников Новгорода. Даже в героях Феофана, при всем его могучем таланте, очень много сверхчеловеческого. Как ни величественны, как ни велики духовно персонажи Спаса на Ковалеве, все-таки это люди.

В то же время ни один из ковалевских авторов не впадает в умиленную слащавость в художественной трактовке этих человеческих образов. Вот серия мучеников — «Константин и Елена», «Зеленая мученица» — даже если убрать отличающие их атрибуты, оставив одни лики, все равно определишь социальную принадлежность этих людей: где знатные, а где попроще. Хотя все они — мученики, борцы за религиозную идею. Безусловно, нужно великое мастерство, чтобы в пределах иконописной условности дать четкую характеристику изображаемого лица. А вот фигура «Спаса» в «Преображении». Трудно преподнести ее выразительнее. Она как бы одновременно и стоит и парит, что возможно для преображенного Христа. В его лице чувствуется уже

Грековы со своими помощниками.

момент отрешенности от земного бытия. В то же время он явился пророкам в своем земном обличье.

Удивительно, но здесь отсутствует изображение физического страдания. В ковалевской росписи идея христианства нашла точное художественное выражение для обозначения идеи — смерть не есть смерть. Приход мессии в мир поборол смерть как таковую. Еще раз хочу подчеркнуть: хотя сюжеты ковалевской росписи религиозны, но герои их — люди с земными мыслями, страданиями, переживаниями.

Для фресок Спаса на Ковалеве характерны мощь сцен трагического плана, таких, например, как оплакивание снятого с креста Иисуса, положение его во гроб. Они психологически выразительны, хотя термин «психологический» для средневековой живописи не очень-то подходит. Но трудно найти другое слово, которое смогло бы более точно показать проникновение в душевную настроенность образа.

Вот богоматерь. Эта женщина, безусловно, обладала и огромной духовной силой, и пониманием той идеи, за которую погиб ее сын. Ее лицо почти спокойно; оно печально, но это спокойная печаль. Идея поддерживает ее и в горе.

Средневековый художник был скован в своей работе традициями, обязанностью соблюдать вероучительный канон. Не нужно забывать, что сами мастера были людьми верующими, идеи христианства составляли для них основу духовной жизни. Они сопереживали чувствам и мыслям своих героев, жили в религиозной атмосфере, участвовали в богословских спорах. Все это переплеталось с поисками более яркой живописной выразительности. Но выразительность и точность образов берут начало в реальных чувствах и переживаниях людей.

3.

Я потрясен, буквально потрясен титаническим, хочется даже сказать сверхчеловеческим трудом такой малочисленной, малолюдной, но самоотверженной группы реставраторов А. П. Грекова. Не говоря уже о возвращении Новгороду и мировому искусству такого первоклассного памятника, как росписи Ковалева, это вообще войдет в историю европейской культуры как проявление высочайшей человеческой воли и уважения к древней культуре народа. Только таким подвигом можно воспитывать всех тех, кто еще по близорукости, безграмотности и бескультурью думает, что без этого можно обойтись, что культура народа сводится к материальному благополучию.

Г. Вагнер, доктор искусствоведения, старший научный сотрудник Института археологии АН СССР
(Из «Книги отзывов...»)

Несколько лет продолжалось разрушение ковалевских фресок. По ним били снаряды, сыпал на них снег, лил дождь, их морозил холод, иссушало солнце. Даже сохранившиеся кусочки на самом деле не целые: в несильную лупу заметны десятки мелких, паутинных трещин. Фрески больны опасной болезнью — черной плесенью, излечить которую необычайно сложно.

Из-за долгого воздействия воды они подверглись еще одной напасти — засолению. В сухом помещении крупные, средние и мелкие кристаллы соли пронзают фрески, разрушая красочный слой. Обычный метод борьбы с этой бедой — вымачивание в нескольких водах. Очевидно, на помощь ковалевским росписям придется привлечь специалистов — химиков, микробиологов.

Сами Грековы успешно решили проблему размещения фресок на стенах восстановленной церкви; вначале следует укрепить их на специальных щитах, чтобы избежать контакта собранных фресок с кладкой. Щиты эти можно закрепить, не страшась за судьбу живописи.

Поиски реставраторов увенчались успехом. Был подобран материал, способный устоять против коррозии и имеющий тот же коэффициент температурного расширения, что и фрески. Их щит был рекомендован реставраторам на специальном всесоюзном конкурсе и успешно вошел в их практику.

Но все-таки выставлять фрески в церкви нельзя. Так считают Грековы. Так считает и член-корреспондент АН СССР Валентин Лаврентьевич Янин, начальник Новгородской археологической экспедиции, которая оказывает Грековым постоянную помощь.

Где же выход? Александр Петрович предлагает следующее: в церкви поместить копии фресок, а оригиналы хранить в помещении со специальным микроклиматом, где возможно их сохранение, изучение и реставрация.

Такое решение кажется сейчас наиболее разумным.

Я прощался с Валентиной Борисовной и Александром Петровичем Грековыми, традиционно желая им здоровья и творческих успехов. Я восхищался их мастерством, волей и работоспособностью. Их подвижничеством, а лучше сказать подвигом, совершаемым во имя высокой, благородной цели.

ЛЕТОПИСЬ ИЗ МЕТАЛЛА И КАМНЯ

Недалеко от Чебоксар в деревне Изедеркино установлен памятник чувашской женщине, матери восьми бесстрашных воинов Татьяне Николаевне Николаевой. На ее долю выпало величайшее человеческое испытание — пятеро сыновей не вернулись с полей сражений Великой Отечественной войны. Один из них посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза. Другой повторил подвиг Александра Матросова, закрыв грудью вражескую амбразуру. Односельчане высоко оценили подвиг матери, женщины-труженицы, одной из первых колхозниц чувашского края, воспитавшей мужественных солдат.

Беспримерным и бессмертным подвигам советских воинов в Великой Отечественной войне посвящены многие памятники, воздвигнутые по всей нашей стране: на площадях больших городов и в малых населенных пунктах, на лесных опушках и в степи, у шоссейных магистралей и проселочных дорог.

Ветераны войны и молодежь города-героя Новороссийска решили увековечить память об отважных моряках миноносца «Ташкент».

Лидер эскадренных миноносцев «Ташкент» был одним из самых быстроходных кораблей Черноморского флота. В годы Великой Отечественной войны он вел обстрел вражеских укреплений, прикрывал десанты советских моряков, вывозил из осажденных городов раненых, женщин, детей. Фашисты торпедировали его с моря, бомбили с воздуха. Но всякий раз героический экипаж на ходу ремонтировал корабль.

Однако в 1942 году «Ташкент» затонул в Цемесской бухте во время массированного налета вражеской авиации. Скоро здесь встанет монумент морякам легендарного корабля.

В эти майские дни по всей стране возле памятников славы проходят митинги, встречи с ветеранами войны и труда. Сюда приходят люди, чтобы отдать дань памяти защитникам Родины, павшим в боях за свободу и счастье, мир и прогресс.

ОБЛАГОРАЖИВАЮЩАЯ СИЛА ТРУДА

Т. САМСОНОВА, кандидат философских наук

НАШ ВЕК — век стремительного развития человеческих возможностей — и физических, и интеллектуальных. На службу человеку приходят достижения науки и техники; все больше освобождается человеческая энергия, ранее поглощавшаяся необходимостью добывать средства к существованию. Однако новые возможности создают новые трудности. Перед человечеством встают новые тревожные вопросы. Не оскудеют ли те творческие силы человека, которые до сих пор подстегивала нужда? Не обеднит ли бурное развитие науки и техники духовный мир человека? Если многое за человека научится делать машина, не поблекнут ли человеческие чувства, не ослабеет ли его воля, не стандартизируется ли его мышление? Все эти вопросы привлекают внимание церкви, и вот какие она дает на них ответы: человек не может справиться с силами научно-технической цивилизации; эти силы разрушают мир его духовных ценностей. Отсюда — крик отчаяния, призывы уйти от суетного мира, посвятить себя богу. Совершенно очевидно, однако, что призывы такого рода не в состоянии разрешить реальные проблемы. Действенным фактором решения реальных противоречий современной цивилизации является формирование нового человека — строителя коммунистического общества, воспитание и совершенствование в нем именно таких качеств, благодаря которым жизнь, свобода, счастье каждого становятся самоцелью общества, чтобы при этом личность не только не теряла своей общественной ценности, а осваивала ее максимально: человек живет для людей, а люди и общество стараются сохранить в нем человека.

Разумеется, процесс воспитания у личности нравственной зрелости, развитие ее нравственных сил, нравственной устойчивости требуют времени, особых усилий, ясности цели, задач, путей и средств. Человек не может быть нравственным без потребности и умения жить высокими и благородными идеалами, без всего того, что определяется как духовность, духовное начало. Уместно вспомнить, как, полемизируя с вульгарным материализмом, Энгельс писал: «И если данного человека делает идеалистом только то обстоятельство, что он «следует идеальным стремлениям» и что он признает влияние на него «идеальных сил», то всякий мало-мальски нормально развитой человек — идеалист от природы, и непонятным остается одно: как вообще могут быть на свете материалисты?» [1].

Между тем до сих пор среди верующих бытует мнение, что материалисты — противники духовного начала в человеке и что только религия в состоянии придать внутренним силам личности одухотворенность, стремление к возвышенному, к красоте, к нравственности. Церковь постоянно стремится внушить людям представление о материализме как о вульгарном практицизме, который исключает одухотворенность личности, духовное богатство и т. п. Порой рассуждения такого рода имеют под собой некоторую почву — это связано с издержками влияния научно-технического прогресса на развитие современного человека. Однако мы сами достаточно критично относимся к этим издержкам, постоянно ищем и находим пути преодоления обеднения внутреннего мира современных людей.

Да, человек живет не хлебом единым. Ему мало удовлетворить свои материальные потребности, ему необходимо найти полное выражение свой личности. Весь вопрос — как? Известно, что в нашем обществе человек самовыражается, проявляется прежде всего в труде. Однако это само по себе еще не решает стоящей перед отдельным человеком и всем обществом проблемы. Автоматически труд не становится еще источником развития духовных сил личности. Это происходит только в том случае, если трудовому воспитанию уделяется самое серьезное внимание.

При социализме труд является единственным источником существования, он — необходимость, обязанность для каждого члена общества. И тем не менее не так уж редко некоторые молодые, а иногда и не очень молодые люди ухитряются жить за счет близких, за счет их труда. Нужно ли доказывать, что, даже если материальные возможности семьи позволяют это, в нравственном отношении тунеядство разлагает человека, опустошает, деформирует его личность. Возмущаться, читать мораль — в данном случае бесплодно. Видимо, умение и желание трудиться, уважение и любовь к трудовому образу жизни необходимо воспитывать с самых малых лет. Причем в обществе, где материальный достаток высок, такая необходимость значительно возрастает.

Отношение к труду — важнейший элемент духовной жизни. И дело далеко не исчерпывается тем, чтобы с детских лет заставить человека трудиться, выполнять какие-либо задания. Физический труд, преодоление лишений и препятствий и т. п. сами по себе автоматически еще не становятся ос-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 290.

новой идейного воспитания, не способствуют духовной закалке человека. «Воспитательная роль труда зависит от того, как он отражается в духовной жизни — как преломляется в мыслях и чувствах, насколько глубоко затрагивает волевую сферу»[2], — писал В. А. Сухомлинский.

Мы часто видим, как родители, школа и общественность стараются «нагрузить» детей разного рода поручениями, занятиями, мероприятиями — таким образом, чтобы у них не было ни минуты свободного времени. Это порой и выдается за трудовое воспитание. Ребенок все время занят — то в школе, то приготовлением уроков, то кружковой работой, то спортом, у него нет времени оглянуться, посмотреть на себя, обдумать, что он делает, для чего и как. Между тем, как в свое время отмечал Сухомлинский, на развитие ребенка пагубно влияет «отсутствие умного труда, равно как и бездумная загрузка человека любым физическим трудом — лишь бы не допустить безделья»[3].

Мне вспоминается, как в одной школе по плану трудового воспитания дети должны были работать по озеленению пришкольного участка. Саженцы деревьев привезли в субботу вечером, и, значит, ребятам необходимо было выйти на работу в воскресенье. Классная руководительница 9-го класса, которой предстояло объяснить это учащимся, не нашла ничего лучше, как выставить вот какой аргумент: надо, чтобы план мероприятия был выполнен,— приходите и быстренько уйдете. И это не было случайной оплошностью — почти все так называемые «мероприятия» плана трудового воспитания в этой школе проводились бездумно, для показа, их суть и смысл от детей ускользали. Само собой разумеется, такое воспитание мало что давало учащимся этой школы.

Труд не может быть для детей скучным обязательным мероприятием. Вот если необходимость труда понятна, если школьники трудятся с охотой, по собственной инициативе, тогда они испытывают чувство радости, удовлетворения—важнейшее условие выработки правильного отношения к делу. И наоборот: бездумная, безынициативная, плохо организованная работа развращает, отупляет, делает человека равнодушным.

Главной точкой приложения сил в процессе трудового воспитания в школе является учеба, важно раскрыть перед детьми цели учебного процесса, пробудить интерес, выработать навыки и умение учиться, внушить представление об умственной деятельности как о важной и сложной работе, которая не только требует большого напряжения, дисциплины, воли, но и приносит огромную радость. При хорошей организации дела ученье включает в себя все, что необходимо для формирования трудового образа жизни: высокую, благородную цель, целенаправленное напряжение духовных, физических, волевых усилий человека, умение добиваться заранее планируемого результата.

Некоторым кажется, что трудовое воспитание школьников в основном проходит не на уроках в классе, а в мастерских, в поле, на пришкольном участке, в помощи семье по хозяйству и т. д. Разумеется, все это весьма полезно для воспитания личности, но не только этим, даже, в первую очередь, не этим определяется процесс воспитания правильного отношения к жизни, к самому себе, к своему будущему труду. Правда, есть еще семьи, где детей стремятся уберечь даже от домашнего труда на том основании, что в школе дети устают. Конечно, так поступать крайне вредно, можно сказать, безответственно. У ребенка непременно должны быть по дому свои посильные обязанности. И все же главный труд — это ученье в школе, школьная учеба — главное направление в трудовом воспитании, хотя следует заметить, что заставить ребенка трудиться физически гораздо легче, чем приохотить к труду умственному.

Учеба позволяет воспитывать у школьника все необходимые качества труженика — умение ставить перед собой цель и добиваться ее, умение правильно организовать процесс труда, умение преодолевать препятствия, не поддаваться унынию при встрече с трудностями, умение трудиться осмысленно, творчески, увлеченно, систематически и последовательно.

Очень важно стремиться к тому, чтобы ребенок хорошо осознал общественную пользу своего дела, чтобы он приучился своим делом приносить кому-то пользу и радость, быть для кого-то нужным. Такое отношение приподнимает работу в ее социальном значении, делает труд важнейшим фактором формирования социальной и нравственной зрелости личности. Такой труд соединяет в себе общественную необходимость и пользу и в то же время выступает важнейшим условием и средством самовыражения, самоутверждения личности, сферой многогранных направлений духовной жизни человека. «Мы глубоко верим в облагораживающую силу труда,— писал В. А. Сухомлинский.— Если ребенок вложил частицу своей души в труд для людей и нашел в этом труде личную радость, он уже не может стать злым, недобрым человеком»[4].

Хорошо организованный труд, общественные и личные цели которого ясны человеку, приносит удовлетворение, является источником радости, сам порождает духовные ценности. Увлеченность трудом придает человеческим помыслам, влечениям, страстям характер полнокровности, одухотворенности, глубокой содержательности.

Трудовое воспитание в школе связано не только с тем, как организован учебный процесс, но и со всей атмосферой школьной жизни. Тут даже мелочи имеют большое значение.

На родительском собрании учительница возмущается: третьеклассники часто опаздывают в школу, при этом их родители, чтобы выгородить своих детей, придумывают разного рода оправдания, обманывают учителей, и дети знают об этом обмане. Родители пристыжены, но, уходя, они заглядывают в график, где отмечаются опоздания учащихся. И что же они там видят: оказывается, ни одно опоздание не отмечено — учительница не хочет, чтобы ее класс плохо выглядел. А ведь дети знают, что они опаздывают, и тоже заглядывают в график. Все призывы учительницы сразу потеряли свой смысл.

Правильное отношение к труду, составляющее основу духовных сил личности, можно воспитать

[2] В. А. Сухомлинский. Духовный мир школьника. М., 1961, стр. 27.
[3] В. А. Сухомлинский. Этюды о коммунистическом воспитании. «Народное образование», 1967, № 8.
[4] В. А. Сухомлинский. Воспитание личности в советской школе. Киев, 1965, стр. 76.

только путем поощрения его творчества, его самостоятельности, инициативы. Между тем взрослые люди довольно часто стремятся лишь к тому, чтобы воспитать у детей привычку к послушанию.

Много лет назад замечательный польский педагог Януш Корчак с горечью писал: «Все современное воспитание направлено на то, чтобы ребенок был удобен, последовательно, шаг за шагом, стремится усыпить, подавить, истребить все, что является волей и свободой ребенка, стойкостью его духа, силой его требований и намерений»[5].

В младшем возрасте дети, как правило, открыты и добру и злу, очень активны. Сидишь, скажем, во втором классе на уроке чтения и удивляешься, в каком хорошем темпе проходит урок. Каждый заданный учителем вопрос вызывает лес рук. Ребята нетерпеливы, полны желания ответить правильно, прочесть с выражением. К сожалению, такая активность далеко не всегда удерживается к пятому, шестому классу. А почему? Только ли в том дело, что учиться стало труднее? Нет. Чаще всего причина в другом — родители и учителя не смогли поддержать детское творчество, опереться на самостоятельность, а где-то и сами подавили инициативу...

На урок географии пятиклассница принесла собранную ею летом коллекцию камней. С трепетом ожидала девочка, когда учительница покажет ее всему классу. Но вот урок окончен, а сказать о коллекции учительница забыла. На недоуменный вопрос девочки, почему собранные ею камни не показали классу, учительница, не желая признаться в своей оплошности, раздраженно отвечает:

— Хочешь принести пользу, подари коллекцию школе.

Детям был преподан урок равнодушия и черствости, их мысли, их чувству был нанесен удар. Учитель забыл, что воспитывают не только знания, которым он учит, но и он сам, его личность, его чуткость, его такт и т. п.

В условиях научно-технической революции развитие у человека нравственных начал приобретает особое значение. Еще мудрецы древности замечали, что многознание и ум — далеко не адекватные вещи. Однако опыт убеждает в том, что даже человек умный, обладающий широкими познаниями в областях науки и техники, вовсе не обязательно будет нравственным, и даже знание философии, истории, литературы не каждого делает таким. Наука и техника, став в наше время непосредственной производительной силой, нравственность заменить не могут. Поэтому так важно иметь в виду, что обучение в школе только тогда становится средством нравственного формирования, когда вся жизнь учащегося человека организована как серьезный трудовой процесс. Плохо, если этот процесс будет связан исключительно с зубрежкой, с ненужным натаскиванием в знаниях; он должен быть организован как процесс творческий, радостный, процесс поиска и открытий, процесс, который позволяет полно раскрыться человеческой личности.

Сухомлинский как-то писал: «Ребенок, никогда не познавший радости труда в учении, не переживавший гордости от того, что трудности преодолены,— это несчастный человек. Несчастный человек — большая беда для нашего общества, несчастный ребенок — во со крат бóльшая беда. Я далек от умиления детством; мне не дает покоя то, что уже в годы детства человек нередко становится лодырем, который ненавидит труд, с презрением относится даже к мысли о том, чтобы трудиться в полную меру своих сил. Но почему ребенок становится лодырем? Потому, дорогие товарищи педагоги, что он не знает **счастья труда.** Дайте ему это счастье, научите дорожить им—и он будет дорожить своей честью, будет любить труд.

Дать детям радость труда, радость успеха в учении, пробудить в их сердцах чувство гордости, собственного достоинства — это первая заповедь воспитания. В наших школах не должно быть несчастных детей — детей, душу которых гложет мысль, что они ни на что не способны. Успех в учении— единственный источник внутренних сил ребенка, рождающих энергию для преодоления трудностей, желание учиться»[6].

В современных условиях связь знаний и нравственности приобрела очень сложный характер. В сравнительно недалеком прошлом, для того чтобы прожить жизнь достойно, человеку вовсе не обязательно было обладать разносторонними и основательными знаниями. Практическая мораль покоилась на строгих, иногда довольно суровых принципах порядочности, честности, житейской мудрости, справедливости и совести. Круг житейских добродетелей был довольно узок, и церковь активно занималась их воспитанием, создавая иллюзию, что только ей под силу подобная задача.

Достаточно наивно в этой связи сегодня, встречаясь с нарушением моральных правил, пытаться, как кое-кто делает, найти причину этого в отсутствии веры, патриархальных отношений в семье, абсолютного авторитета. Современное богословие идет еще дальше — пытается «научно» обосновать безнравственную природу атеизма, атеистического мировоззрения. Логика такова — нравственные начала, духовный мир личности должны обладать такими принципами, которые никогда, ни при каких условиях не могут быть нарушены. Истоком этих принципов, обладающим силой абсолютного требования, может быть только бог. Святость его авторитета — залог нравственной устойчивости личности.

Между тем атеизм вовсе не отменяет потребности человека в безусловных, бесспорных принципах нравственности. Духовная зрелость человека немыслима без опоры на нравственные императивы. Однако их истоки современный человек ищет и находит не в боге, а в своей способности овладеть всем духовным и нравственным богатством человечества, в развитии у себя совести, максимально воплотившейся в чувстве порядочности и человечности. Основания своей духовности, святости и незыблемости своих моральных принципов он ищет не в потусторонней силе, а в опыте человечества, в своей убежденности в том, что подлинно нравственная личность способна менять обстоятельства, если это сообразуется с ее представлениями о добре, справедливости и благородстве.

[5] Я. Корчак. Избранные педагогические произведения. М., 1966, стр. 18.
[6] В. А. Сухомлинский. Сердце отдаю детям. Киев, 1969, стр. 143.

ВСЕ НАЧАЛОСЬ СО СВЕЖЕЙ ГАЗЕТЫ

Елена ЛОСОТО

Печатное слово — книга, журнал, газета — и слово, звучащее по радио, с экрана телевизора, — все это по современной терминологии мы называем средствами массовой информации и пропаганды. Неоценимо их значение в коммунистическом воспитании советских людей, в большом и сложном деле формирования нового человека.

Вот почему пресса, радио, телевидение, имеющие поистине необозримую, стомиллионную аудиторию, прочно вошли в арсенал массовых, действенных средств атеистического воспитания. На печатной странице, по радио, по телевидению слово пропагандистов атеизма приходит в каждый дом — и к тем, кто не всегда пойдет в клуб на атеистическую лекцию, но кому она больше всего нужна, на кого в первую очередь рассчитана, — к людям верующим. Одного прочитанная неспеша, в спокойной домашней обстановке газетная статья, радио- или телевизионная передача заставит задуматься над тем, во что привык верить, не раздумывая. Другому — заронит сомнение в истинности, полезности, гуманности религиозных наставлений. А третьему — поможет завершить освобождение от религиозных иллюзий.

Наш журнал постоянно рассказывает об опыте тех газет, радиостудий, телевизионных центров, которые умело и интересно ведут атеистическую тему. А каждый год в майском номере, к Дню печати и Дню радио, мы традиционно помещаем целую подборку таких материалов. Вот и в этом номере читатель найдет очерк журналистки Елены Лосото «Все началось со свежей газеты», корреспонденции и заметки об атеистической теме на страницах ленинградской молодежной газеты «Смена» и газеты Полоцкого района Витебской области «Стяг коммунизма», о челябинском радиожурнале «Колокол», о клубе читателей журнала «Наука и религия» в подмосковном селе Пушкино.

ИМЯ Петра Степановича Безносикова стало особенно известно в годы Великой Отечественной войны — заголовки типа «По почину Петра Безносикова» в газетах тех лет появлялись довольно часто. Но с печатью жизнь этого человека была тесно связана гораздо раньше, с конца двадцатых — начала тридцатых годов. И с первых же шагов его деятельность носила четко выраженный атеистический характер. Такие люди, как Безносиков, не могли не заниматься атеистической пропагандой, потому что освобождение от религиозных предрассудков, от суеверий было велением времени и злобой дня. Активность рабочих и сельских корреспондентов была глубоко атеистична еще и потому, что она опиралась на веру в неисчерпаемые возможности человека, в его способности здесь, на земле, построить жизнь справедливую, честную, умную.

Петр Безносиков и другие участники рабселькоровского движения были убеждены в том, что печать способна воспитывать в человеке доброту, стремление помочь слабым, ответственность за все происходящее на земле...

Рассказ о судьбе Петра Безносикова невольно становится рассказом о воздействии советской печати на рядового человека и об обратном воздействии — человека на печать, а также о том, как это взаимное влияние сказывается на общественной мысли и на общенародных деяниях.

П. С. Безносиков профессиональным журналистом никогда не был, да и жил далековато от тех мест, где выпускаются ведущие газеты и журналы, однако его жизнь вполне можно проследить по его домашнему архиву, который в основном состоит из газетных вырезок. Когда мы встретились, Петр Степанович показал мне эти вырезки и письма от людей, которые приветствовали и поддерживали начатое им дело.

Этот богатый архив, который мог бы помочь любому историческому музею сделать интересную экспозицию к Дню печати, хранится пока что по месту жительства его обладателя — в деревне Песковка Кировской области.

Петру Степановичу идет седьмой десяток, но он рассказывает о далеком прошлом с такой яркостью, как будто случилось все это совсем недавно.

Вот отец вернулся с первой мировой войны. Все в доме спали, и отец заиграл на гармошке. Петя проснулся радостный: как все в семье, он был музыкальным. А отец вскоре слег: он вернулся больной тифом. Пока болел, жена и дети каждый вечер ему пели и играли на балалайке и гармошке: от музыки у отца прибавлялось сил. Потом он говорил: от песен выздоровел.

В гражданскую отец опять ушел на фронт. Песковку заняли колчаковцы. Однажды они ворвались в дом Безносиковых, и через Петю перешагнули кованые сапоги. Дети боялись за мать: про то, что она шила из красных тряпочек бантики и ленточки для красноармейцев, известно было многим. Но колчаковцы взяли только самовар и швейную машинку да увели телушку со двора.

После ухода Колчака в Песковке хоронили пятьдесят казненных жителей села. Мать посадила сына на плечи: «Смотри, Петенька, что натворили белогвардейцы!»

Следующее яркое воспоминание — из более поздних лет. Перевели Петю из октябрят в пионеры. Красного ситцу достать было невозможно, и мать опустила свое подвенечное платье, бережно хранимое и уцелевшее даже после нашествия колчаковских мародеров, в брусничный отвар. Платье стало красным, и мать вырезала клин на пионерский галстук. С этим галстуком Петя лег спать, положив его на подушку. Долго еще этот галстук из материнского подвенечного платья он будет хранить и всюду возить с собой. Уже в годы войны, когда Петя стал командиром на Дальнем Востоке и в его части случился пожар, галстук сгорел вместе с другими ценностями: ручкой с золотым пером и письмом Николая Островского (писатель отвечал на признание Безносикова в том, что книга «Как закалялась сталь» сильно повлияла на его судьбу).

...Старшие братья ушли из дому на Урал, на металлургические заводы. Подросток Петя работал вместе с отцом на строительстве железной дороги, они вдвоем и содержали оставшуюся семью. Однажды Петя попросил: «Пусти, отец, в город, а то без грамоты пропаду». Отец долго курил и думал, потом устало ответил: «Ладно, сынок, иди, один доработаю».

В городе жилось тогда, пожалуй, хуже, чем в деревне. Когда Безносиков поступил в ФЗУ, еще не отменены были хлебные карточки, а у него эту карточку украли, поэтому он стоял перед уроками в дверях класса и спрашивал у ребят, нет ли кусочка хлеба. Но учился он, несмотря на пропажу карточки, хорошо и за это был даже премирован поездкой в Ленинград.

Приехал потрясенный, все рассказывал про Зимний дворец, про стеклянные трубочки, через которые царь пил вино, а статуэтки на столе у царя называл «порнографическими» и возмущался, что царь ими любовался. К восприятию искусства он был не слишком подготовлен, да и где ему было к этому подготовиться?

После ФЗУ он вернулся в родную Песковку, стал работать избачом-библиотекарем, организовал «публичное радиослушание»: установил в открытом окне батарейный радиоприемник, повесил репродуктор на стену, а на крыше поставил мачты из жердей. «И на простые жерди поймалась Москва!» Но многие в Песковке репродуктора боялись, полагая, что из него говорит леший.

Примерно к тому же времени относятся и его первые журналистские опыты: в стенгазете он рисовал карикатуры и писал маленькие фельетоны в стихах. И стенгазета, и радио были для того времени важными орудиями просветительства. Что касается радио, то оно уже само по себе было сильным средством атеистической пропаганды в деревне. Чтобы заниматься тогда этим делом, требовалось настоящее мужество — немало людей, живших вокруг Безносикова, ожидали для него кары небесной за то, что он осмелился вступить в союз с «нечистыми силами».

Репродуктор, однако, мирно висел на стене и вещал о всевозможных событиях. Постепенно к нему привыкли.

Стенгазета, которую он выпускал примерно в те же годы, высмеивала тех, кто плохо работает, кто суеверен и издевается над своими близкими (теперь бы мы сказали: неправильно ведет себя в быту). Стишки и карикатуры Безносикова нельзя назвать произведениями искусства, да он на это, естественно, и не претендовал, но вполне можно назвать ударами по невежеству, отсталости и безнравственности. Каждый выпуск стенгазеты вызывал громадный интерес, она писала о том, что происходило со знакомыми всем людьми, судила их поступки и разъясняла, что хорошо, а что нет.

Эта просветительская деятельность была отнюдь не безопасна: враги Безносикова подкараулили его однажды в лесу, но он носил кавказский ремешок с бляхами, и эти бляхи, висящие на боку, выручили — в сумерках они походили на оружие. Нападение не состоялось.

Кто пережил войну — тот больше всего вспоминает именно военные годы.

Что грянет такая война, Безносиков не предполагал. Служба его в армии, в тридцатые годы, протекала на редкость мирно. Когда комиссар полка узнал, что солдат Безносиков умеет играть на гармошке, он с облегчением вручил ему баян, который давно уже лежал без дела. Через полгода Безносиков смог ездить с баяном по частям и развлекать бойцов. А тут приехали на гастроли артисты московского ансамбля и научили его нотам. Он «совсем окреп».

Вскоре появились звуковые фильмы. Песни из них и стали основой его репертуара. Выходят люди с сеанса, а Бесносиков уж песню из нового кинофильма играет.

Но пришла пора других песен. «Вставай, страна огромная...» Безносиков получил взвод (в Приморском крае он был обязан подготовить взвод к боям и вместе с ним надеялся попасть на фронт). Обучить солдат он стремился как можно скорее и даже — для скорейшего обучения — ввел материальный стимул: поскольку сам был некурящим, особо отличившимся отдавал свой табачный паек.

Жил Безносиков в землянке с другом Сашей Зинченко. По вечерам, когда бойцы укладывались спать, друзья-командиры читали газеты. Однажды перед сном Безносиков раскрыл свежую «Комсомольскую правду» и через несколько минут потрясенно воскликнул:

— Послушай, Саша, что я тебе прочту!

Он перечитал статью вслух и после этого всю ночь не спал, а утром, до побудки, написал в газету письмо:

«...Меня до глубины души взволновал рассказ о том, как немцы — врачи по названию, но звери и гады по существу — насильственно брали у колхозников кровь для своих солдат. Я не мог без негодования читать о том, как эти звери четыре раза брали кровь у двухлетней девочки Нади и, больше того, вырезали у нее десять кружочков кожи для заклейки ран фашистских псов...

В ответ на это зверство я решил выделить из своего заработка средства и на них лично воспитывать одного ребенка, осиротевшего или полуосиротевшего в ходе этой жестокой войны.

Я убедительно прошу вырвавшуюся из фашистского плена гражданку Ирину Ивановну Кузьмину, мать несчастной двухлетней девочки Нади, у которой немцы выкачивали кровь и вырезали кожу, откликнуться на это мое письмо и сообщить мне через «Комсомольскую правду» свой адрес. Я обязуюсь ежемесячно переводить деньги на воспитание ее доченьки Нади, если она выжила после таких страшных мучений, до ее восемнадцатилетия, до совершеннолетия.

Пусть Ирина Ивановна Кузьмина со своей дочерью поедет в поселок Песковку Омутнинского района Кировской бласти, к моей матери, которая живет по улице Прокофьева, д. № 6. Моя мама, Клавдия Савиновна Безносикова, — ласковая старушка, и у нее исстрадавшимся от фашистских зверств Кузьминым будет неплохо. Моя мама будет воспитывать Наденьку, а я буду высылать деньги на ее воспитание.

Если же девочки Нади нет в живых, я согласен принять на воспитание любого другого ребенка, осиротевшего в результате зверств немецких фашистов...»

Письмо было опубликовано, набрано крупным шрифтом и снабжено заметным заголовком — его непременно видел каждый, кто открывал газету. Искали Кузьминых, чтобы передать им предложение Петра Степановича, а он уже откладывал ежемесячно более четверти заработка в «неприкосновенный Надин фонд», но пришло письмо: «Самый тщательный розыск Нади и ее матери ничего не дал. Боюсь, что суровая ленинградская зима их доконала».

Забежав вперед, скажем, что после войны Безносиков сам принялся искать Надю. Дважды специально для этого ездил в Ленинградскую область. У него хранится список людей, помогавших в поисках: инструктор горкома комсомола, журналист, заведующий библиотекой, дежурная гостиницы и даже «неизвестные старик и старушка». На следую-

щий день после нашей встречи Петр Степанович собирался ехать на поиски Нади в третий раз.

Тут мы приостановим на минуту рассказ, чтобы объяснить читателю: большая любовь Безносикова к детям и стремление защищать их от страданий зародились в нем давно. В ту пору он был еще мал и помнит только то, что очень сильно на него подействовало. Что же именно?

В один год отец удачно сплавлял лес и к осени привез в дом много воблы и сахару. А в другой год плот разнесло в щепы, отец едва не утонул и долго болел. Были годы урожайные: вырастали овес и рожь, картофель в огороде, грибы в лесу. А то, бывало, ждали, когда оттает земля: искали съедобную траву, пили сосновый сок, а там уж появлялись первые грибы и щавель, который называют здесь «кислицей».

В одну такую голодную весну умерла сестренка Галочка, самая младшая в большой семье Безносиковых. Матери надо было работать, ей некогда было нянчить дочь, поэтому ее вынянчил и поставил на ножки брат Петя. Как все дети, Галочка любила кислицу, сама ее искала и тут же ела, но перепутала травку и наелась не той.

По ночам Петя исчезал из дому, его находили на Галочкиной могиле. В те дни и ночи, когда он глубоко, до основания маленького сердца, переживал смерть сестренки, что-то в нем зародилось, какое-то новое глубокое чувство. Оно ничего общего не имело со страхом перед потусторонними силами. Это было чувство сострадания к беззащитным детям и активное стремление всеми возможными средствами защищать их от голода, болезней и смерти. Тогда он еще не мог обозначить точными словами это чувство и тем более не мог знать, что оно останется в нем навсегда и определит во многом всю дальнейшую его жизнь.

Теперь возвратимся к изложению событий военного времени.

Поскольку Надя не нашлась, он удочерил девочку-сироту Раю, поселил ее вместе с родной дочкой Галочкой, названной в память сестренки. К Петру Степановичу зачастили корреспонденты, его имя теперь упоминалось в газетах. Он один получал столько писем, сколько вся рота: каждый день почтальон приносил ему полную сумку. Рота, в которой служил Безносиков, взяла шефство над детским домом. В родной его Песковке человек десять усыновили чужих детей. И по всей стране, в ответ на его призыв, люди брали в свои дома сирот. Множество людей посылали в газеты письма с просьбой помочь найти ребенка, которого они могут усыновить. Кто не мог взять ребенка в дом — помогали деньгами.

«Комсомольская правда» открыла специальный счет в Госбанке, куда поступали деньги, которые люди жертвовали на воспитание сирот. Уже к концу ноября 1942 года было внесено 47 миллионов рублей. Газета писала: «На эти деньги комсомол содержит 10 здравниц для больных и ослабевших детей; обкомы ВЛКСМ содержат 17 детских домов; 60 000 детей фронтовиков получили летом путевки в лагеря на 15 000 000 рублей; оказана индивидуальная помощь детям, детдомам, площадкам и столовым — 11 243 200 рублей; отпущено на организацию детских домов, домов малюток, детских приемников в освобожденных от немцев районах 8 608 000 рублей».

К концу войны на счет, открытый газетой, поступило 270 миллионов 230 тысяч рублей.

Но к тому времени произошло событие, разделившее Безносикова, славного газетного героя, и Безносикова — просто человека. Безносиков — герой газеты — был известен целой стране за его любовь к детям. А Безносиков — человек — был в то время глубоко несчастлив и стыдился своей известности.

Произошло это раздвоение в 1943 году, когда умерла его приемная дочка Рая. Эпидемия дизентерии унесла в Песковке 25 взрослых жизней и 19 детских. Болела и родная дочка Галочка, но оказалась сильнее болезни и выжила. «Но как же так, — думал Безносиков, — ребенок умер — и никто не виноват?» Смерть ребенка не должна и не может быть нормальной, естественной, ни от кого, ни от чьей вины не зависящей. Значит, виноват он, Безносиков. Не возьми он девочку в свой дом — может быть, осталась бы она жива.

Друзья утешали: если полк идет в атаку, то знаменосец впереди, а если знаменосца убили, то знамя подхватывает другой, потом третий. Дело — знамя — живет! Но про дело Безносиков понимал и про знамя тоже понимал, а вот про смерть Раи понять никак не мог.

Вскоре он заболел и попал в госпиталь. А когда, опираясь на палочку, вернулся обратно, оказалось, что его часть отправили на фронт и вместо него, больного, их взвод повел Саша Зинченко, друг. Взвод побывал уже в боях, и Саша Зинченко погиб. Совсем затосковал Безносиков: казалось ему, что и в смерти Саши он тоже виноват. Зашел к его родственникам помянуть друга, но, увидев Безносикова, вся Сашина семья начала плакать...

С тех пор — чем громче гремело имя Безносикова-героя, тем сильнее мучился Безносиков-человек. В одном из писем он жалуется: «Мои милые питомцы кровью обливаются в боях, а обо мне, застрявшем на Тихом океане, газеты пишут».

Он просился на фронт. Его просьбы направляли по назначению, и он получал неизменные ответы: вы находитесь в распоряжении Тихоокеанского флота и будете оставаться на Дальнем Востоке столько, сколько потребуется.

Тогда он придумал хитрость. Среди его подчиненных была Марина, племянница крупного военачальника. И вот Безносиков решил через Марину, как говорится—по знакомству, добиться перевода на фронт. Марина в личном письме попросила об этом своего дядю. Но дядя прислал короткий ответ следующего содержания: «Вы оба со своим командиром поглупели и забыли порядок. Не отвлекайте меня от дел подобными записками!»

Так и пробыл Безносиков на Дальнем Востоке до конца войны.

На какое-то время связь Безносикова с печатью прекратилась: после смерти Раи писать он в газету перестал, потому что — «о чем же теперь писать?» Однако после войны, когда он уже демобилизовался и работал воспитателем в детском доме, вдруг вновь хлынул к нему поток писем, среди них много было из-за границы. Оказалось, незадолго перед тем была издана брошюра о событиях военных лет и там кое-что рассказывалось о Безносикове. Брошюра была переведена на иностранные языки, и вот теперь читатели из других стран стали присылать Безносикову благодарные письма.

Десять лет спустя он прочитал в журнале очерк о Жозефине Бейкер, негритянской певице, жившей во Франции. На деньги, заработанные пением, она купила имение «Миланд» и поселилась там с один-

надцатью усыновленными детьми разных национальностей. Она даже бросила сцену, чтобы воспитывать детей. Но скоро средства ее иссякли и существование «Миланда» прекратилось бы, если бы не выступила по французскому телевидению Брижитт Бардо с просьбой ко всем, кто сколько может, помочь Жозефине Бейкер. Вскоре в шестнадцати странах были созданы «комитеты по спасению «Миланда», во Францию начали поступать деньги, посылки.

Этот очерк чрезвычайно взволновал Петра Степановича, он послал в Министерство культуры свое стихотворение «Москва — Париж» с просьбой, чтоб любой работник министерства, который поедет во Францию, непременно заехал в «Миланд» и передал это стихотворение Жозефине Бейкер. Но министерство просьбу Безносикова удовлетворить, к сожалению, не смогло.

...После войны Петр Степанович работал в детских домах. Многим детям он тогда разыскал родителей. Женщина по фамилии Парфенова благодаря Петру Степановичу нашла своих троих детей.

А девочку Антонину Цветкову Петр Степанович сам отвозил к отцу в Вологодскую область. Когда девочке этой было девять лет, ее, нищенку, подобрали на рынке. Несколько лет назад Цветкова, уже взрослая женщина, прочитала мою коротенькую заметку о Безносикове, где упоминалось ее имя, — и вдруг вспомнила свое детство. А до того она только смутно помнила что-то плохое о своем детстве, но что именно — восстановить в памяти не могла. А тут — ясно вспомнила. Ее письмо, где она об этом рассказывает, Петр Степанович называет «драгоценным».

Теперь в День Победы или в День Советской Армии Безносикова обычно приглашают рассказать детям и молодежи о прошлом. Сначала он рассказывает о Великой Отечественной войне, а потом вспоминает более давние годы. На том месте, где похоронены пятьдесят жителей Песковки, казненных колчаковцами, стоит памятник. Петр Степанович водит к нему школьников и рассказывает, что он видел, когда мать посадила его на плечи и сказала: «Смотри, Петенька!»

По-прежнему Петр Степанович очень уважает печатное слово. Он активный рабкор двух местных газет — районной и областной. Печатают его с удовольствием. Он пишет зарисовки о хороших людях — о хирурге, учительнице, клубном работнике. Это ему удается лучше всего.

Рассказал он в газете о «трудном» мальчике Сереже. Ездил к нему в пионерский лагерь, смотрел, что Сережа читает, с кем дружит. Описал лагерный праздник и как это торжество подействовало на мальчика.

Пока Петр Степанович был в лагере, там произошло ЧП: другой «трудный» мальчик из лагеря сбежал. Петр Степанович вызвался помогать в поисках. Район разбили на участки — и именно Безносиков нашел беглеца на своем участке. Поговорил с ним по душам и вернул в лагерь. Об этом случае он тоже рассказал в газете.

Показал мне Петр Степанович и целый цикл небольших заметок о том, как люди портят друг другу настроение: самодеятельным артистам не подали автобус, медсестра в больнице нагрубила больному...

По-прежнему Петр Степанович стремится сделать детей радостными, счастливыми. Работает он сейчас учителем пения, больше всего любит «выявлять солистов». Еще руководит ансамблем юных баянистов и аккордеонистов: теперь баянов в Песковке много.

И по службе, и по призванию он веселит детей на праздниках. «Чтобы детей развлекать — кем только не пришлось бывать! И Петрушкой, и Дедом Морозом, и шутом гороховым...»

Передо мной снимок Петрушки в брюках из материи в горох, причем одна штанина — в крупный горох, а другая — в мелкий. Вот бог Нептун в пионерском лагере, в одних трусах и с наклеенной длинной бородой. Окружен русалочками. А вот Петр Степанович в бабьем платочке и даже пригорюнился по-бабьи... Дети, которых он веселит, по возрасту ему — внуки.

Из целой жизни нельзя сделать один, главный, вывод. Каждый что-то почерпнет для себя. Хотелось бы только обратить внимание на то, что отношение к детям — один из основных моментов, по которым можно судить о нравственности человека.

Не хочу навязывать свое отношение к изложенному, но все же скажу: недаром Петру Безносикову удалось одним письмом в газету привлечь к себе внимание народа и поднять людей на общее большое дело. Наверное, не одни факты, изложенные в письме, оказали такое воздействие, но прежде всего нравственная личность автора письма, которую увидели читатели за газетными строчками.

Информация, хроника

Работники библиотеки Ростовского завода сельскохозяйственных машин совместно с кабинетом атеизма заводского Дворца культуры провели тематический вечер «Подвиг во имя бессмертия», посвященный памяти Галилео Галилея. Перед собравшимися выступила преподаватель Ростовского государственного университета Н. С. Шепелева. Затем был показан художественный фильм «Костер бессмертия».

● «Неделю атеиста» провел в столице Марийской АССР городе Йошкар-Оле Ленинский райком партии. В эти дни в торговом зале магазина «Политическая книга» была организована выставка-продажа атеистической литературы. Здесь же состоялись семинары, на которых выступили партийные работники, учителя, врачи. Одновременно пропагандисты читали лекции и проводили беседы на предприятиях района.

● В читальном зале профсоюзной библиотеки Харьковского тракторного завода создан уголок «Человек, общество, религия». Здесь проводятся лекции по атеизму, читательские конференции, обзоры научно-популярной и художественной литературы, журнала «Наука и религия».

● Вопросам атеистической пропаганды было посвящено собрание парторганизации коллектива центральной районной больницы г. Мытищи Московской области. Во всех отделениях больницы оформлены «Уголки атеиста». Члены совета атеистов, возглавляемого врачом-терапевтом Н. П. Рыбкиной, постоянно выступают перед работниками больницы с лекциями и беседами. На собрании было отмечено, что особое внимание должно быть обращено на пропаганду атеизма среди населения.

ИНТЕРПРЕССФОТО 77

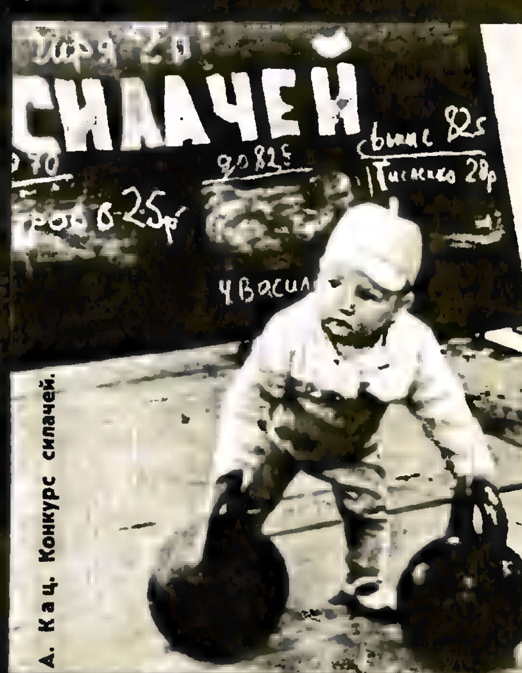
Кинофотоархив СССР. 20-е годы. Занятия в трудовой колонии для беспризорных.

А. Шайхет. Купание беспризорного в Покровском приемнике. 1925 г.

Мирослав Чербак. ЧССР. Глаза. [Серебряная медаль]

А. Кац. Конкурс силачей.

О. Манухин. Я здесь!

П. Кривцов. Характер.

Г. Савинн. Подарочек.

Б. Каулин. Жаворонок.

Д. Уокер. Великобритания. Танец.

Д. Цэрэннадмид. МНР. Утренняя зарядка. [Серебряная медаль]

С. Новиков. Не как все.

С первых полос газеты смотрят на меня в карандашных портретах-зарисовках (одна из традиций ленинградской молодежной газеты «Смена») то весело, то серьезно девушки и парни. Врач, тракторист, инженер, учитель, актриса, композитор, лесник, художник... Всех их объединяет влюбленность в свою профессию, потребность приносить максимальную пользу людям.

Труд — «владыка мира». Труд деятельный, созидательный и высокопроизводительный; труд, облагораживающий человека, — главная тема газеты. И другая, теснейшим образом с ней связанная, — духовный мир молодого человека.

Ленинград — город не только славных старых, но и новых традиций. Здесь на «Электросиле» трудится один из известных в стране наставников Степан Степанович Витченко — Батя. Став вторым отцом «трудных» мальчишек, он сумел заставить их не только подчиняться дисциплине, но главное — научил работать. Так появилась передовая бригада. И сделал это человек по велению своей рабочей совести. «Смена» уже пишет о последователях С. С. Витченко, об их опыте и проблемах...

Пишет газета и о рабочих династиях. Этой теме она отводит важную роль, потому что здесь и преемственность поколений, и, конечно же, формирование чувства долга, высокой ответственности за свое дело... Нравственный климат коллектива — какой он, от кого и от чего зависит, как прекрасно, если рядом товарищ, — и об этом, описывая будни комсомольских групп, молодежных коллективов, бригад, молодых рабочих и предоставляя слово самим героям, пишет газета.

Ленинград — город, где бережно относятся к молодой семье, где так популярны новые формы молодежных свадеб, где существует единственный пока в нашей стране Институт брака. Ну, а как быть с теми, у кого не сложилась семейная жизнь? И тут Ленинград — один из немногих наших городов, где заботятся о таких людях: вечера, встречи «Для тех, кому за тридцать» стали распространенной формой отдыха, знакомств. Не раз встречаешь в «Смене» дискуссии, реплики о подобных клубах.

Молодые часто сравнивают помыслы и стремления друг друга. Поэтому нет ничего удивительного, что молодые люди интересуются: а как, например, обстоят дела у их сверстников за рубежом. Как они живут, какие проблемы их тревожат, какие возможности предоставляет им общество? Эту тему газета раскрывает в своей постоянной рубрике: «Молодежь Запада: пути и судьбы». Один из таких выпусков посвящен молодежным религиозным объединениям на Западе. Впечатляющим получился рассказ о том, как легко обмануть, а порой и просто погубить тех, у кого нет ни твердой жизненной позиции, ни надежд на будущее.

Более четырех лет успешно работает при Ленинградском обкоме комсомола и Ленинградской организации общества «Знание» школа молодых лекторов — одна из лучших в городе. Только в минувшем году студенты Ленинградского электротехнического института прочитали в подшефных организациях 2 700 лекций. В корреспонденции «Второй диплом вуза» студенты делятся опытом лекционной работы, мнениями, спорят, предлагают. Главное, считают они, чтобы лекторская школа учила самостоятельно работать с фактическим и теоретическим материалом, учила ораторскому мастерству и умению убеждать. Пропагандист сегодняшнего дня не должен ограничиваться только фактами. «Нужно, чтобы у студента, выступающего перед своими же сверстниками — в институтах, на заводах, в школах, на селе,— была не просто готовая лекция, а своя позиция».

В принятом недавно постановлении «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды» ЦК КПСС призвал «уделять постоянное внимание подготовке и воспитанию лекторских кадров из числа молодежи... улучшить работу школ молодого лектора, разработать для них программы и учебные планы, активнее вовлекать молодых специалистов, аспирантов и студентов в лекционную деятельность».

Каким должен быть сегодня лектор, и прежде всего тот, кто выступает перед молодежной аудиторией? Разговор об этом часто возникает на страницах газеты. Немало выступлений на эту тему напечатано под рубрикой «Лектор и аудитория». В первом — «Кто твои слушатели» — опытом делится старший преподаватель Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, член бюро научно-методического совета по вопросам лекторского мастерства при Правлении Всесоюзного общества «Знание» Н. Белостоцкая. Как сделать лекцию интересной и завоевать внимание слушателя — об этом рассуждает Е. Бирзе, преподаватель Технологического института целлюлозно-бумажной промышленности. Председатель совета ветеранов комсомола Выборгского РК ВЛКСМ М. Курбатов в корреспонденции «Встречи в музее» рассказывает о народном музее истории комсомола Выборгской стороны. «Он является базой, — пишет М. Курбатов, — для коллективной и наглядной пропаганды революционных, боевых и трудовых традиций...»

Здесь же рассказывается о школе молодого лектора в Педагогическом институте имени А. И. Герцена. Ее выпускники стали активными пропагандиста-

РЯДОМ С ПОДРОСТКОМ

А. ЛЕВАНТ

ми. Они выступают на заводах и в школах, в общежитиях, ездят по селам. И среди них лекторы-атеисты, которых подготовил за эти годы бессменный председатель институтского КВАТа — Клуба воинствующих атеистов — В. Н. Никитин.

Есть в газете и рубрика «Молодым об атеизме». Она знакомит читателей с практикой атеистической работы. Частые гости на страницах газеты философы и историки. Газета регулярно выступает и с обзором книжных новинок. Только в прошлом году были опубликованы интересные рецензии на брошюру В. Куроедова «Советское государство и церковь», на атеистический сборник «Мир человека» и другие.

Не часто, согласитесь, приходится встречаться друг с другом пропагандистам разных предприятий, районов и тем более городов и сел. Однако газета дает им возможность узнать подробности о работе друг друга, поделиться опытом.

В одной из заметок «Смена» рассказала о деятельности пропагандистов ленинградского завода «Большевик». Атеистическая пропаганда — один из важнейших участков идеологической работы на этом предприятии. Здесь создан лекторий для секретарей цеховых комсомольских организаций, специалистов по атеистической пропаганде. Его участники выступают в подшефных ПТУ и школах. Координирует работу заводской совет атеизма. На «Большевике» проходят «недели атеизма», выпускаются тематические номера газет, демонстрируются фильмы. А недавно пропагандисты завода организовали в подшефном совхозе «Скреблово» атеистический лекторий «Боги живут на земле».

Не может обойти редакция вниманием и такую важную тему, как «Твое свободное время».

Не только развлечь, но и вовлечь — эта заповедь стала основой в работе клуба Ленинградского производственного объединения имени Козицкого. Каждый день без выходных работает этот клуб. Здесь человек выбирает то, что интереснее, и порой ему бывает нелегко. Судите сами: в одном зале демонстрируются мультфильмы, в другом — футбольное обозрение. Здесь живая лекция о музыкальных ансамблях, там — показ модной одежды. И все это происходит одновременно. Популярны в клубе и так называемые «Большие среды». Одна среда, допустим, посвящается встречам по интересам. Следующая — университет культуры. Третья — вечер для тех, кому за 30. Есть в этом клубе и свои микроклубы: философский — «Сады Эпикура», литературный — «Метаморфозы». Рассказывая об этом опыте, газета публикует и критические заметки о плохой организации досуга молодежи, оперативно и действенно откликается на тревожные письма, вместе с читателями пытается решить проблемы, связанные с организацией полезного отдыха, свободного времени.

Листая страницы ленинградской «Смены», убеждаешься, каким может быть молодежная газета добрым и верным другом, тонким, авторитетным воспитателем, интересным и остроумным собеседником. Ему смело можно довериться, поделиться сомнениями, мечтами, обидами, рассказать о самом важном, сокровенном. Потому что проверено: отнесутся к тебе внимательно и доброжелательно, будут думать вместе с тобой и твоими сверстниками. И сообща посоветуют, направят, подскажут. В газете понимают: то, что взрослым кажется мелочью, для подростка — проблема, от решения которой, может быть, зависит вся его дальнейшая жизнь...

КАК ЗВУЧИТ «КОЛОКОЛ»?

В. БОРОХОВ

У ворот молитвенного дома в поселке Полетаево челябинских радиожурналистов встретили настороженно: дескать, что за незваные гости. Познакомились. Гости вели себя в высшей степени корректно, завязался разговор...

— Та встреча с баптистами,— вспоминает Елена Николаевна Алешко, редактор радиожурнала «Колокол», — помогла лучше понять, почему некоторые люди обращаются к религии. И в то же время заставила нас призадуматься над путями дальнейшего усиления пропаганды атеизма.

Е. Алешко — доцент Челябинского института культуры, кандидат педагогических наук. Она — одна из тех, кто в январе 1964 года создавал на общественных началах при Челябинском областном комитете по телевидению и радиовещанию атеистический журнал «Колокол».

С той поры прошло 14 лет. Срок немалый...

В Челябинске как-то подсчитали: лекторы областной организации общества «Знание» читают за год в среднем три тысячи лекций на атеистические темы и слушают их около 270 тысяч человек. А теперь цифры по радиожурналу «Колокол». Выходит он ежемесячно. В каждом получасовом выпуске — четыре-пять материалов. Итого за год — 50—60. Как будто немного. Но зато если «Колокол» услышат только 10 процентов населения области, то и тогда в этом своеобразном атеистическом радиозале в течение года побывают около четырех миллионов человек.

Как видим, сравнение явно в пользу радио. Но мы отнюдь не собираемся противопоставлять его другим формам пропаганды, другим средствам информации. У радио своя роль и своя специфика. Вот об этом и поведем разговор...

«Бом, бом!» — звон колокола вдруг наполнил дом жителя городка Коркино, что близ Челябинска, С. О. Переходы. Степан Осипович потянулся было выключить радиоприемник, но любопытство взяло верх...

Так Перехода познакомился с «Колоколом». Пожилой человек, полвека верящий в бога, он, конечно, настороженно относился к каждому слову атеистов. Но передачи бередили мысль, заставляли размышлять. И вот пришел день, когда Перехода написал письмо в адрес «Колокола». Нет, не со словами благодарности. Степан Осипович решил опровергнуть атеистов. Так начался этот интересный радиодиалог...

За годы работы радиожурнал челябинских ате-

истов обогатился хорошим опытом. Все чаще звучат в эфире передачи, которые тактично, ненавязчиво помогают людям найти дорогу к истине. Да, основное внимание в них уделяется верующим. Не секрет, что люди с разными взглядами не всегда умеют выслушать друг друга. А когда звучит радиопередача, верующий сосредоточивает внимание только на ее содержании.

Но содержание, как известно, нуждается и в соответствующей форме. Надо отдать должное активистам «Колокола» — они стараются разнообразить жанры: статьи и обзоры атеистической литературы, зарисовки и фельетоны. Практически весь арсенал журналистики...

Я уже говорил о С. О. Переходе. Добавлю лишь, что Степан Осипович, порвав с религией, впоследствии не раз выступал перед микрофоном. Значение таких передач особенно велико.

В этой связи немалый интерес представляет, например, выступление по радио и бывшего пятидесятника Р. Рейслера: «Без малого 10 лет я был в общине. Эти годы можно вычеркнуть из жизни. Я давно мог бы стать образованным человеком, а вот теперь у меня четыре класса, пятый не закончил... Особенно жаль детей. Мои дети, правда, не ходили на молитвенные собрания, но я себя виню в том, что они не видели той свободы, которую все дети имеют».

Рассказ бывшего верующего побудил многих его единоверцев задуматься. И вот штукатур из Челябинска Мильда Иосифовна Энс выступает в «Колоколе». Ее эмоциональный рассказ, дополненный текстом редакции, предопределил успех передачи. Отклики свидетельствовали, что выступления бывших верующих — одна из эффективнейших форм атеистической пропаганды.

Большое место отводит журнал и работе с письмами радиослушателей. Примечателен случай с продавщицей одного из магазинов Челябинска Анастасией Логвиновой. По состоянию здоровья она попросила у администрации перевода на другую работу. Ей отказали. Болезнь прогрессировала. Женщина оказалась в больнице. По окончании лечения Логвинова предъявила больничный лист. Но администрация затеяла волокиту с оплатой бюллетеня. Прослышав об этом, одна из активисток баптистской общины предложила Логвиновой деньги и заодно пригласила на молитвенное собрание. Узнав об этом, «Колокол» выступил не только против таких форм миссионерской деятельности баптистов, но и против бюрократизма и черствости людей, подтолкнувших Логвинову к общине.

Есть еще немало интересного, поучительного в работе челябинского «Колокола». Но судя по передачам последних двух лет, можно заметить, что задачу атеистического воспитания челябинские радиожурналисты решают пока односторонне. И закономерно возникает вопрос: разве ориентироваться надо на одних лишь верующих? Нет, эта работа должна быть объемной, связанной со всеми сторонами жизни советских людей, в основной своей массе неверующих. А этот адресат, к сожалению, практически остается вне поля зрения «Колокола».

г. Челябинск

В МАСШТАБАХ РАЙОНА

Е. ПРОКОШИНА,
кандидат философских наук

Газете принадлежит особая роль в атеистическом воспитании. Как самый оперативный печатный орган она обладает большими возможностями воздействия на сознание и чувства людей, важно только эти возможности правильно использовать. На примере атеистических публикаций газеты «Стяг коммунизма» («Знамя коммунизма») Полоцкого района Витебской области можно показать это довольно наглядно.

Газета уделяет большое внимание разнообразным вопросам научного атеизма, формированию у трудящихся марксистского мировоззрения. Атеистическим материалам отводятся специальные рубрики и даже целые полосы.

Вот содержание одной из таких полос — «Человек, жизнь, мир». Обращает внимание статья о внедрении нового советского обряда — наречении имени: дается его описание, подчеркивается необходимость распространения этого запоминающегося и волнующего ритуала. Вопросу об атеистическом воспитании в школе посвящена статья заслуженного учителя БССР Германовича, который делится соображениями о методах атеистического воспитания школьников. Здесь и другие материалы по различным вопросам атеистического воспитания. Встречаются в газете и публикации, раскрывающие красоту и богатство духовного мира трудового человека, его интересы и идеалы, истинный гуманизм нашей морали.

Однако остановимся на не использованных газетой возможностях.

На словах все признают, что атеистическое воспитание неотъемлемая, составная часть всей идейно-политической и культурно-массовой работы. Но до сих пор в ходу все еще количественные показатели чисто атеистических форм и методов воспитания, а они закономерно занимают незначительное место в идейно-воспитательной работе в коллективах. Хотя задача состоит в том, чтобы вся эта работа, вся пропаганда была насыщена атеистическими положениями и выводами.

А как это претворяется в газете? Вот некоторые факты. На ее страницах достаточно материалов по истории: рассказы об археологических находках, памятниках культуры, о революционных событиях и т. п. Однако в подобных материалах ни слова, например, не сказано о реакционной роли религии в прошлом. А ведь без этого просто немыслимо правильное освещение исторических фактов.

Подобный недостаток присущ и заметкам, посвященным идеологической работе. Только комплексно можно сегодня решать вопросы коммунистического воспитания. Однако как раз этого-то на страницах газеты и нет. Например, в обзорной статье «Учиться будут все», где рассказывается о начале учебного года в сети политпросвещения на заводе стекловолокна, из 97 кружков не назван ни один по проблемам научного атеизма. Односторонне выглядят и другие подобного рода публикации. Так, в статье «Внимание идеологической работе», где

рассказывается о комбинате бытового обслуживания, нет и намека на то, как решается в коллективе проблема атеистического воспитания. Или, скажем, в материале «Мое и наше», где идет разговор о воспитании коммунистического отношения к труду, совсем не упоминаются религиозные пережитки, которые культивируют индивидуалистические черты психологии и мешают воспитанию человека.

Кроме того, хотелось бы посоветовать газете специально и больше писать для верующих. Эти материалы должны быть яркие, конкретные и простые, которые можно прочитать, обсудить. Содержанию нужна и соответствующая форма— особый шрифт, постоянные заголовок и место в полосе.

Слабо освещается опыт работы партийных и общественных организаций по атеистической пропаганде в коллективах. Совершенно отсутствуют отклики с мест о недостатках атеистического воспитания. Редакция правильно поступила, когда дала серию статей под рубрикой «Беседы о религии», целью которых было познакомить читателей с наиболее распространенными религиозными течениями, их историей и современным состоянием. Но, думаю, цикл не выполнил своей задачи, поскольку акцент был сделан не на их идейно-социальной сущности, а на вероисповедных особенностях.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии отмечалось, что «в области идейно-воспитательной работы мы продвинулись вперед. Но никаких оснований для благодушия у нас нет». А это означает, что необходим стабильный качественный уровень всей идейно-воспитательной работы, в том числе и атеистической. Этим пожеланием редакции газеты «Стяг коммунизма» я и хочу завершить свои заметки.

г. Минск

ЧИТАТЕЛЬ НАХОДИТ ВРЕМЯ

В. СТЕПАНОВ,
методист Пушкинской
центральной библиотеки

Если ехать из Москвы на север, к Загорску, то село Пушкино находится примерно на полпути. Селом, правда, назвать его уже трудно, по сути дела, оно стало частью города с таким же названием — всего десять минут на автобусе до районного центра. В общем, вот-вот на месте одноэтажных деревянных домиков поднимутся современные жилые кварталы. Но пока здесь свой сельсовет, своя школа и библиотека — та самая, где в 1970 году был организован клуб читателей журнала «Наука и религия».

Идея его создания принадлежит членам библиотечного совета, возглавляемого учительницей русского языка и литературы Верой Викторовной Федотовой. Сразу же в план работы клуба, кроме обсуждения номеров журнала и пропаганды атеистической литературы, был включен и пункт о налаживании тесной связи с районной газетой «Маяк» и местным радио. Активистка клуба Полина Васильевна Капитонова, вспоминая о первых выступлениях по радио и на страницах газеты, считает, что они сыграли большую роль в становлении клуба: работа получила известность, а это привлекло новых людей. И у организаторов появилась еще большая уверенность в нужности начатого дела.

Правда, первые заседания проходили довольно однообразно: собирались, обсуждали статьи в журнале и расходились. Но постепенно, по мере того как круг втянутых в работу клуба людей расширялся, у сельчан начал появляться интерес к атеистической теме. А нехватка литературы заставляла читателей обращаться прежде всего к журналу, каждый номер которого ждали с интересом.

Новый этап в работе клуба начался после выпуска устного журнала «Святое и священное». Основой для него послужил краеведческий материал, собранный сотрудниками библиотеки: воспоминания старожилов, фотодокументы, вырезки из старых газет, рассказывающие об истории села. Взять хотя бы, к примеру, его название: может, и вправду называется оно так потому, что ездили через него на богомолье в Загорск русские цари, о приближении которых возвещали пушки.

Так что есть о чем рассказать библиотекарям своим односельчанам. Но не просто рассказать-поведать, а связать в единый узел с атеистической пропагандой, на конкретных примерах показать истоки того прекрасного и всесильного, чем жив человек, — его любовь к Родине. На этих вечерах выступали герои войны и труда, интересные собеседники. Были здесь и те, кому посчастливилось встречаться с жившими в районе В. Маяковским, Д. Бедным, А. Новиковым-Прибоем, атеизм чьих произведений общеизвестен. Кстати, в последующем анализ краеведческого материала позволил обсудить такую важную современную проблему, как охрана памятников старины и природы.

Затем в актив клуба читателей журнала «Наука и религия» вошли Полина Васильевна Капитонова и Александра Алексеевна Булгакова — опытные педагоги, депутаты сельсовета. С тех пор многие заседания проходили в школьном музее боевой славы. Учащиеся организовали атеистический кружок. Они сами готовят выступления, ищут и приглашают интересных рассказчиков, лекторов. Сейчас в каждом классе есть свой ответственный за атеистическую работу. Он знакомит одноклассников с публикациями журнала, организует книжные выставки по теме заседания, делает обзоры литературы.

Работа в школе потребовала от членов клуба поисков новых форм пропаганды атеизма, чтобы сделать ее более наглядной. Так был организован диспут об отношении молодежи к предметам религиозного культа — нательным крестикам, иконам и т. д. Что это — мода? И что такое мода? В чем истинные истоки нравственности человека? Почему религиозная обрядность не может стать частью советского образа жизни? Вот далеко не полный перечень вопросов, которые обсудили подростки.

— Мы, — рассказывает орга-

дание и — осталась. Почему? Потому что очень интересно. Сама тема настолько жизненна, что кажется, будто пытаешься объять весь мир.

Знакомство с материалами журнала — это лишь центр нашей работы, первая ступенька, поднявшись на которую видишь, как еще мал твой кругозор. Появляется желание знать больше, научиться разбираться в сложных проблемах жизни. Быть уверенней, например, в дискуссии, которую предложили трое молодых людей, зашедшие однажды к нам на огонек, — о таких религиозных обрядах, как венчание и крещение детей.

А какую радость испытываешь, когда во время вечера, беседы чувствуешь, что журнал читают, тебе верят...

Московская область

низатор вечера Ираида Петровна Марченко, ныне заместитель председателя сельсовета, — стремились внушить ребятам непреложную истину: желание казаться современным и быть им на самом деле — не одно и то же. Увлечение, пусть неосознанное, религиозной символикой — это уступка прошлому. А главное — зыбкий фундамент для формирования жизненного кредо.

Еще более оживилась работа клуба благодаря содружеству с сельским Домом культуры. Теперь ни одно массовое мероприятие — лекции, беседы, молодежные вечера, проводы в армию, чествование победителей социалистического соревнования — не обходится без членов клуба. Они стали выступать перед началом киноутренников для детей в Доме культуры.

Для взрослых читателей члены клуба организуют выставки, проводят обзоры новинок художественной и научно-популярной литературы, информируют о материалах периодической печати. Не трудно представить объем работы сотрудников библиотеки: ведь атеизм органически связан с многими общечеловеческими проблемами, с такими науками, как философия, история, психология, физика и другими.

Одновременно клуб расширяет

Учащиеся Пушкинской сельской школы, члены клуба читателей журнала «Наука и религия» знакомятся с новинками атеистической литературы.

сферу своей деятельности. Его члены становятся частыми гостями на молочнотоварной ферме совхоза «Память Ильича», расположенной на территории села.

— Мы решили начать здесь свою работу с проповеди, — вспоминает В. В. Федотова. — Конечно, не с той, что читается в церкви, а с ее объяснения. Ведь несмотря на кажущуюся стройность и даже привлекательность, она в своей основе уязвима. Вот на этом, главном, и строились наши беседы.

Потом члены клуба рассказывали о происхождении таких религиозных праздников, как пасха, ильин день, троица и духов день, крещение и других, раскрывали сущность связанных с ними обрядов, обычаев, примет.

Сейчас члены клуба создают атеистические уголки на промышленных предприятиях, которые расположены вблизи села. При этом совет клуба ориентируется прежде всего на молодежь.

Рассказывает член клуба студентка МВТУ имени Баумана Надежда Петухова:

— От своей подруги Любы Ушаковой я узнала, что при нашей библиотеке есть атеистический клуб. Пришла на одно засе-

К ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЙ ДАТЕ

В начале февраля состоялось совместное заседание ученого совета Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, секции научного атеизма Философского общества СССР, научно-методического совета по пропаганде научного атеизма Всесоюзного общества «Знание» и кафедры теории и истории научного атеизма Московского государственного университета имени Ломоносова. Оно было посвящено важной для развития социалистической демократии дате: 60-летию Декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Открывший заседание директор Института научного атеизма доктор философских наук П. К. Курочкин в своем вступительном слове заострил внимание на нерешенных задачах, подчеркнув, что теоретические аспекты проблемы свободы совести еще недостаточно разработаны нашими учеными.

Заместитель директора Института научного атеизма доктор философских наук В. Д. Тимофеев в докладе «Ленинский декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» изложил определенные Декретом принципы взаимоотношений между Советским государством и церковью и рассказал о практике их реализации.

Заведующий кафедрой теории и истории научного атеизма МГУ доктор философских наук М. П. Новиков в докладе «О понятии «свобода совести» констатировал, что в развитии этого понятия нашли свое отражение духовная эмансипация личности в Советском государстве, ее освобождение от духовной регламентации. М. П. Новиков высказал взгляд, что теоретически неправомерно отождествлять социалистическое государство с государством атеистическим. Эта проблема нуждается в тщательном научном исследовании.

Анализу развития принципа свободы совести в новой Конституции СССР — рассказу о том, как в нашей стране, провозгласившей подлинную свободу совести, все делается для действительного осуществления этого демократического принципа,— посвятил свой доклад «Новая Конституция и свобода совести» заместитель председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР кандидат исторических наук В. Г. Фуров.

Кандидат исторических наук М. М. Персиц познакомил собравшихся с историей создания и принятия Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», рассказал о том, как готовился Декрет, как шел процесс отделения церкви от государства и школы от церкви еще до принятия Декрета, какая организаторская работа предшествовала этому акту.

В заключение с сообщением об организаторской и правовой работе Отдела по отделению церкви от государства и школы от церкви Народного Комиссариата юстиции выступила кандидат философских наук Л. А. Андриенко.

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

В декабре прошлого года в Ленинграде состоялась научно-практическая конференция «Советский образ жизни и преодоление религии среди женщин», организованная Ленинградским городским комитетом КПСС и Музеем истории религии и атеизма. Открывая конференцию, инструктор ГК КПСС Л. С. Красовская отметила, что обсуждение проблем женской религиозности поможет разработке более эффективных форм и методов научно-атеистического воспитания.

Ученый секретарь Музея истории религии и атеизма кандидат исторических наук В. Ю. Лещенко в докладе «Построение развитого социализма и массовый отход женщин от религии» на широком историческом материале показал, что массовый отход женщин от религии обусловлен прежде всего победой социализма в СССР, особо остановился на особенностях и задачах научно-атеистического воспитания женщин на некоторых предприятиях Ленинграда в современных условиях.

С докладом «Социальные факты преодоления религиозности среди женщин в условиях развитого социализма» выступила научный сотрудник Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС кандидат философских наук И. П. Тинякова. Она отметила актуальность обсуждаемой проблемы, проанализировала специфику становления экономического и семейно-бытового равенства женщины с мужчиной в современных условиях. Новая Конституция СССР гарантирует женщине наравне с мужчиной всю сумму политических, социально-экономических и гражданских прав. Повышение социальной активности женщин и более полное использование этих прав — важнейшее условие преодоления религиозных пережитков.

Л. И. Емелях, заведующая сектором Музея истории религии и атеизма, кандидат философских наук, выступила с сообщением «Модернизация отношения к женщине в христианстве». Последние исследования религиозности населения в Ленинграде, сказала она, подтверждают тенденцию упадка и кризиса религии в нашем обществе. В этих условиях церковь усиливает внимание к верующим женщинам, возлагает на них миссионерские функции. При этом она идет на компромисс: модернизирует свои ортодоксальные установки в отношении женщин.

Заведующая сектором Музея истории религии и атеизма кандидат исторических наук Т. А. Стецкевич в своем выступлении на тему «Советский образ жизни и преодоление религиозности среди женщин-мусульманок» привела данные конкретно - социологического исследования религиозности татарского населения Ленинграда. Для приверженцев ислама все еще характерны определенная замкнутость семьи, некоторые семейные запреты, мешающие женщине участвовать в общественном производстве. Т. А. Стецкевич проанализировала исторические и социальные истоки отношения ислама к женщине и модернистские тенденции. Советский образ жизни, подчеркнула она, все активнее влияет на уклад мусульманских семей — половина опрошенных женщин назвали себя убежденными атеистами.

Г. Г. Иванова, заместитель секретаря парткома Ленинградского производственного объединения «Красный треугольник», рассказала об атеистическом воспитании женщин в трудовом коллективе, проанализировала формы и методы массовой атеистической пропаганды, привела ряд примеров, как в некоторых рабочих коллективах объединения в результате кропотливой индивидуальной работы верующие женщины порвали с баптистской общиной.

О многолетнем опыте работы ленинградских Дворца бракосочетаний и Дома младенца, об атеистическом содержании этой работы рассказала директор Дворца бракосочетаний К. Л. Емельянова.

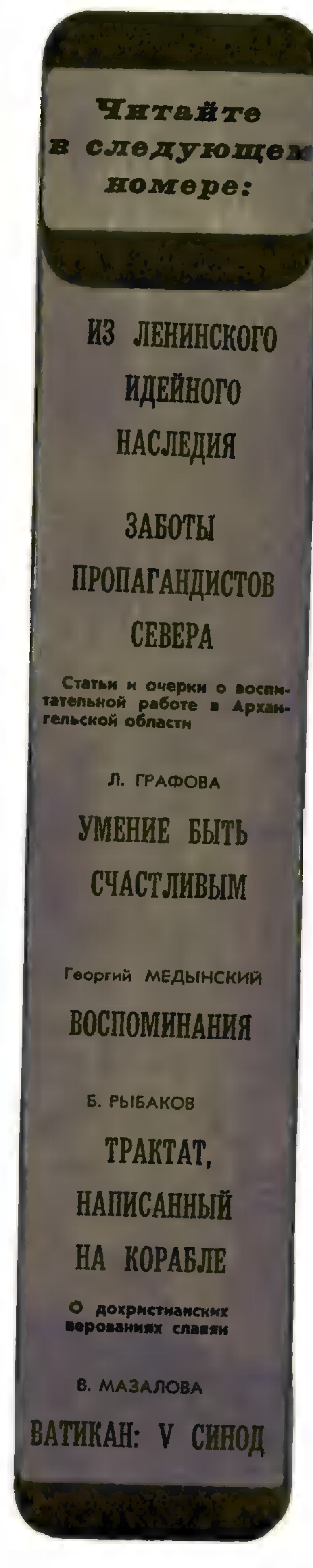
В заключительном слове директор Музея истории религии и атеизма Я. Я. Кожурин сделал обобщенные выводы по материалам докладов и выступлений.

●

В городе Сторожинце Черновицкой области открылся музей атеизма. Его экспонаты рассказывают о возникновении жизни на Земле и происхождении религии. Один из разделов экспозиции на конкретных примерах показывает, что религия всегда выступала союзником эксплуататоров. Большое место отведено в музее стендам, где отмечены достижения трудящихся Буковины за годы Советской власти во всех областях трудовой и культурной жизни.

●

Город Львов стал местом проведения областной научно-практической конференции «Победа научно-материалистического мировоззрения в развитом социалистическом обществе». В ее работе приняли участие партийные, советские, комсомольские работники, лекторы, специализирующиеся на пропаганде атеистических знаний. На конференции выступил секретарь Львовского обкома КП Украины Д. Яремчук. Он рассказал о задачах, которые стоят перед партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями области, а также перед организациями общества «Знание» по совершенствованию форм и методов атеистической работы.

«ОДИССЕЯ» Виктора Гарбузова

В. ХАРАЗОВ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

● Вскоре Виктора вызвали к следователю. Гарбузов ожидал обычного разговора о вере, какой множество раз вели с ним самые разные люди. В такой ситуации он уже привык быть если не атакующей стороной, то, как минимум, равной. Но разговор сразу же приобрел необычный характер. Следователя не интересовали тонкости толкования Библии и объяснения ее противоречий, отношение верующих к достижениям науки и нравственным проблемам. Ему нужны были только факты — числа, события, фамилии. Он спрашивал, Виктор отвечал. Поскольку ложь Гарбузов искренне ненавидел и презирал, то подавляющее большинство фактов подтвердил. Да, вел религиозную пропаганду в неположенных местах. Да, детей насильно не пускали в школу, заставляли учить Библию, изнуряли постами и молитвами. Да, бывало, что люди вследствие огромного нервного перенапряжения, вызванного многодневными постами и многочасовыми молитвами на «ревнительных» собраниях, предшествовавших «крещению духом», попадали в психиатрические больницы. Да, юноши отказывались служить в армии. Признает ли, что руководил этими действиями верующих, внушал им эти действия, требовал их выполнения? Да, признает...

Впервые за долгие годы Виктор ощутил неуверенность в своей правоте. Вернее, он был уверен, что поступал правильно, именно так и только так, как того требовали вера и священное писание. Но никогда еще судьбы людей, которых он вел за собой по тропе веры, не представали перед ним в таком обнаженном трагизме. Никогда ранее не задумывался он над тем, что несет каждому конкретному верующему. Его цель была, как он считал, выше, грандиознее, ярче, его целью была вера.

Конечно же, он знал о всех фактах, которые приводил ему следователь, но каждый конкретный факт воспринимал либо как жертву со стороны этого, конкретного верующего во имя высшей истины, во имя творца и спасителя, либо как знамение избранности этого, конкретного верующего, ибо бог кого любит, того наказывает. Он и сам, Виктор, принес немало жертв на алтарь бога и немало вынес его наказаний. Он сам их принес и сам вынес и потому имел полное право требовать от других. И лишь в кабинете следователя, когда за час или два перед ним прошла целая вереница человеческих трагедий, он вдруг усомнился в своем праве требовать этого от доверившихся ему людей. Он вдруг почувствовал неясную вину перед ними за то, что привел их к такому столкновению между действительностью и внушаемым идеалом.

Иногда следователь приводил такие факты, которых Виктор не знал либо не имел к ним отношения. И когда Гарбузов отрицал их, удивленный следователь, успевший оценить прямоту и честность Виктора, протягивал ему показания других проповедников и пресвитеров. И Виктор видел, как юлили они, как отрекались от своей паствы, и от правды, и от него, брата Виктора, как пытались свалить вину за все друг на друга и в особенности на Гарбузова.

Одновременно со следствием по делу руководителей общин пятидесятников на многих предприятиях, в колхозах и совхозах Смоленщины и других областей проходили собрания рабочих и колхозников, на которых выступали бывшие верующие, порвавшие с пятидесятничеством под влиянием настойчивой, кропотливой работы общественности. Почти всех этих людей Виктор знал. Многих годами наставлял в вере. Но обиды на них в душе не было. Была лишь жалость, что не выдержали они испытания в вере.

Самым тяжким испытанием стал для него суд, когда братья по вере уже не на бумаге, а перед его глазами ушатами лили на него грязь, пытаясь оправдаться. Он с открытым сердцем принимал от своих единоверцев и бывших учеников обвинения в том, что он действительно делал, он молился за отрекшихся от бога, мужественно выслушал суровый приговор суда, но что он мог сказать в ответ на ложь и хулу?

● Потом, уже в Красноярском крае, когда его положат в больницу с физическим и нервным истощением и острым приступом радикулита, он вновь и вновь будет мучительно переживать весь судебный процесс, длившийся три дня, вдумываться в каждое прозвучавшее там слово. А затем начнет перебирать в памяти каждый свой прожитый день, словно прокручивая ленту кинофильма, только не сначала, а, наоборот, постепенно, день за днем возвращаясь к своему обращению в веру. И это — его собственное следствие и его собственный суд — будет во много раз тщательнее и беспощаднее, чем тот, что довелось ему испытать, ибо ни один следователь, ни один свидетель не знали столько о его вере и о нем, Викторе, сколько он сам. И что значил для него мирской приговор по сравнению с приговором собственной совести!

Да, размышлял он, все эти годы он шел дорогой страданий, которой когда-то шел сам Христос, и по этой дороге вел за собой верующих, пристально и неотступно следя, чтобы никто из них не оступился. И где-то рядом, чуть впереди или чуть позади, той же дорогой вели другие стада его единоверцев другие и все же такие же, как и он сам, пастыри.

Они шли мимо жизней нарождающихся и жизней угасающих, мимо Сцилл тщеславия и Харибд стяжательства, мимо гигантских строек и затхлых самодовольных мирков. Они шли дорогой терний и страданий, дорогой, подобной той, по которой когда-то, в ветхозаветные времена, шел избранный народ израилев вослед за Моисеем. И подобно тому, как перед жезлом Моисея расступились морские воды и шли сыны Израиля между водами моря, словно по суше, так и перед пастырями пятидесятников расступалось море мирских грехов и соблазнов.

Кто-то оступался на этой дороге, и тогда они всей общиной старались вытащить его из трясины мирских грехов и соблазнов на твердую почву веры, кто-то, не устояв и не выдержав трудностей, уходил в мир, и они всей общиной молили за него господа, чтобы простил и образумил заблудшего, ибо не ведает тот, что творит.

Так шли они к заветной цели, и растягивалось в пути стадо Христово, и он ободрял одних, подстегивал других, ставил в пример третьих и увлекал их все дальше и дальше. И если были у него сомнения, то отнюдь не в цели, а в дороге к ней, в тех то бегущих ря-

---

Окончание. Начало см. в № 4.

дом, то перекрещивающихся дорогах и тропах, которыми шли инаковерующие христиане.

И выходя на такие перекрестки, пастыри стада Христова всякий раз схватывались друг с другом или с пастырями другого, одновременно подошедшего к перекрестку стада, и самый опытный и сильный из них уводил за собой большую часть одного или нескольких стад, а более слабые и менее опытные довольствовались оставшимся от сильного. И он, Виктор, был одним из сильных, и давно уже не терпел поражений...

И перебирая в памяти каждый день пути, молясь и вспоминая, вспоминая и молясь, в каждом своем дне находил он что-то, на что уже не мог с прежней уверенностью и непоколебимостью сказать «аминь». Вновь вставали перед ним лица верующих из разных общин, лица смиренные и распаленные спором, сомневающиеся и горящие неистовой верой, вопрошающие и наставляющие. И если раньше он спокойно и твердо смотрел в эти лица и в его собственном, изможденном постоянными постами и молитвами лице, в широко расставленных и глубоко запавших глазах были притягивающая, подавляющая чужую волю властность и уверенность в безусловной правоте, то теперь смотрел он в прошлое с тревогой и смятением.

Усилием воли он отгонял от себя воспоминания и погружался в беззвучную, неприметную для окружающих, но страстную, полную внутреннего накала молитву. На какое-то время лица отступали, но постепенно вновь выплывали и вставали перед ним, смиренные, вопрошающие, недоумевающие... Они приходили к нему, своему наставнику и пастырю, за утешением, за укреплением в вере, они хотели, чтобы он решил за них те неразрешимые проблемы, которые мучили их, но что мог он ответить им, чем утешить, если сам не мог теперь понять, что было в их жизни от бога, а что помимо бога, в чем виноват он, их наставник и руководитель, и в чем невиновен. И оттого, что жизнь в его воспоминаниях текла в обратную сторону, то и дело взрываясь очередной человеческой трагедией и следуя к их истокам, она представала беспощадно обнаженной в своих причинах и следствиях, в столкновениях и противоречиях.

И если и теперь на всякое свое слово и на всякое дело, подкрепленное Библией, он говорил себе, что истинно было оно и согласно с верой, то, обращаясь к святая святых своей веры, к «иноговорению» и пророчествам, не находил в себе прежней твердости. И чем больше размышлял он об этих дарах святого духа, тем больше сомневался в их истинности. У него не было с собой Библии, но он помнил ее чуть ли не наизусть, особенно то, на чем основывалось пятидесятничество, и знал, что библейское обоснование «иноговорения» опровергнуть еще никому из инакомыслящих не удавалось. Да и не оно смущало сейчас Гарбузова.

● С того момента, когда он почувствовал присутствие в себе бога, он верил лишь в его волю, воспринимая и оценивая реальную жизнь лишь в соответствии или же в несоответствии со своими религиозными взглядами. И сейчас, размышляя между молитвами об истинности «иноговорения» и пророчеств, он стремился понять, что из того, что он слышал и чему сам стал свидетелем, было действительно от бога.

За время его пребывания в пятидесятничестве он присутствовал на множестве молитвенных собраний, сотни раз сам руководил ими и знал, что в разных общинах «иноговорение» и пророчества обставлены по-разному. В одних случаях пророчица или пророк сами толковали свои откровения, придя в себя после наития святого духа, в других случаях их пророчества толковал кто-нибудь из проповедников или пресвитер. В третьих кто-нибудь из руководителей общины погружал верующего в состояние «иноговорения» и руководил им, по-своему поясняя бессвязные фразы и часто ссылаясь при этом на подходящие к случаю библейские тексты.

Виктор давно уже заметил, что верующие, осененные даром «иноговорения», тоже не одинаковы. Одни впадали в это состояние совершенно непроизвольно — бывало, что во время проповеди, прерывая ее, кто-то вдруг начинал дергаться, выкрикивая слова молитвы, и вот уже нашло на него, накатило откровение господа. Другие же долго и упорно молились, прежде чем удавалось впасть в это состояние. Третьим требовалась помощь общей молитвы и какого-нибудь определенного проповедника.

Перебирая все это в памяти, Виктор размышлял, от бога ли, истинны ли «иноговорения» в двух последних случаях. Ведь если от бога, думал он, то человек не властен над ними и не может по своему усмотрению молиться либо так, либо этак. И наоборот, если он по своему желанию вызывает это состояние, то не от бога оно, а от самого человека и нет в нем высшей истины. О том, почему пророчества, как правило, сбываются, Виктору не надо было задумываться. Он столько наблюдал за толкованием пророчеств, столько толковал их сам или руководил их толкованием, что здесь для него не было никаких тайн. Здесь тоже были как бы три вида пророчеств — одни касались непосредственно жизни верующих и были основаны либо на известных толкователю фактах, либо на сделанных из них выводах. Конечно, толкователю надо обладать огромной наблюдательностью и безошибочной интуицией, что, собственно, и воспринимал Виктор как божественное откровение.

Второй вид толкований, в отличие от первого, ограничивался туманно-абстрактными предсказаниями, напоминая емкие фразы цыганок. В эти абстрактные фразы проповедники вкладывали потом конкретный смысл (указывая на те или иные факты, случавшиеся в жизни и подходящие к случаю), и тогда туманные неясные пророчества обретали в глазах верующих потрясающую убедительность. Ни для верующих, ни для проповедников в этом не было, да и не могло быть, даже намека на обман. Пророчество не могло не исполниться, и надо было только суметь найти приметы его исполнения, что проповедники и старались сделать. Но был и третий вид толкований, когда предсказывались различные чудеса и необыкновенные события. Такие предсказания были редки, никогда не исполнялись, и о них быстро забывали, рассудив, что толкователь не совсем правильно понял смысл предсказаний.

Позднее Виктор осознает, что «иноговорения» и пророчества служили для пятидесятников не только свидетельством их избранности и истинности их учения, но и прекрасным средством усиления религиозности верующих и управления ими. Но сами пророчества еще не вызовут у него сомнения в истинности их и лишь, если можно так выразиться, механизм погружения в «иноговорение» будет смущать его.

Гораздо больше доверия будут вызывать у него непроизвольные приступы «иноговорения», но и здесь появится своя проблема. Если бы святой дух овладевал этими людьми только в молитвенных собраниях, то для Виктора все было бы ясно. Но в том-то и дело, что святой дух нередко посещал их в самых неподходящих местах — в автобусе, в магазине, на работе, короче говоря — где придется. И свидетельства господни в таких случаях пропадали впустую, ибо толковать их эти люди, как правило, не умели, а никого из опытных проповедников рядом не было. Кроме того, именно эти люди нередко попадали в психиатрические лечебницы, и как найти ту грань, где устами их говорил еще господь, а где уже болезнь? Конечно, всему этому можно найти в Библии объяснение, но Виктор, изрядно понаторевший в религиозных диспутах, знал уже, что с Библией следует обращаться осторожно, что большинство ее текстов можно повернуть и так и этак...

Сам охваченный сомнениями, что мог ответить он вопрошающим и недоумевающим верующим, лица которых, выхваченные памятью из минувших дней, вставали перед ним...

● В эту пору судьба свела его с Анатолием Даниловым и Геннадием Тарасенковым. Оба новых знакомых Виктора были в словах неторопливы, в разговорах сдержанны. О себе рассказывали мало, больше расспрашивали и слушали Виктора. Темой для постоянных бесед была Библия и ее толкования. Библии ни у кого из них при себе не было, но Данилов посоветовал Виктору брать в библиотеке атеистическую литературу и читать в ней лишь выдержки из Библии, не обращая внимания на авторский текст. Виктор попробовал так делать, но, конечно же, не сумел удержаться, да и мудрено было бы, ища цитаты, не прочитать одну-две фразы рядом. А там, заинтересовавшись, он нередко начинал читать и дальше, приходя в смятение от собственной смелости и от обнажавшихся противоречий в священном писании. Однако Данилова и Тарасенкова эти противоречия не смущали.

— В Библии нет и не может быть противоречий,— говорили они,— но есть места, где под внешностью противоречий скрыта сложная и недоступная для непосвященных истина. Ты сейчас не понимаешь ее и не пытайся понять, ибо пока еще у тебя молочные зубы, им такие косточки не под силу. Поэтому

ешь мякоть, а косточки выплевывай. Придет время, тогда сможешь разгрызть любую косточку...

Виктор старался следовать совету, но полностью избавиться от сомнений не мог и обращался за помощью к тем же Данилову и Тарасенкову. Со многим в их толкованиях Виктор не соглашался, и тогда начинался яростный спор, в котором Тарасенков старался держаться в тени, а Данилов обнаруживал не меньший навык, чем Гарбузов, и потому победа оставалась то за Анатолием, то за Виктором.

Впрочем, споры не мешали Данилову и Тарасенкову исподволь проповедовать Виктору учение свидетелей Иеговы, приверженцами которого, как понял к тому времени Виктор, они и были. Гарбузов хорошо знал учение баптистов, пятидесятников, вел диспуты с адвентистами и иеговистами-ильинцами, приверженцами истинно-православных христиан. Со свидетелями Иеговы он встретился впервые, хотя и слышал о их существовании, и потому был непрочь получше разобраться в их учении.

Он часто не соглашался с Даниловым и Тарасенковым, то и дело спорил, сомневался и... все больше втягивался в новую веру. Разочарование в истинности пятидесятничества, суд над собой за трагические судьбы своих единоверцев, мучительные размышления долгими больничными ночами лишили его былой уверенности, целеустремленности. Он, сам того не понимая, тосковал по прежней своей уверенности, по утраченному смыслу жизни и цельности стремлений и хватался за всякую возможность вновь обрести их. Но обрести их он мог только в вере, ибо, сомневаясь в истинности тех или других христианских учений, он, с момента своего обращения, ни разу не усомнился в самом христианстве, в божественном устройстве мира. И потому, не соглашаясь и споря, сомневаясь и опасаясь, он все ближе сходился со свидетелями Иеговы и даже стал выполнять некоторые их поручения.

● Когда он вернется домой, там его будет поджидать личная трагедия, о которой и писать-то рука не поднимается. Окажется, что его предали самые близкие ему люди и по людским понятиям и по вере — те, в ком он всегда находил опору и сочувствие и для которых сам долгие годы был надежной опорой.

И Виктор вновь уедет в Красноярск, и, уже больше не раздумывая, примет в селе Суетихе водное крещение у свидетелей Иеговы. Работать он устроится в одно из строительных управлений и сразу же прослывет там мужиком с золотыми руками, но «с большим приветом»! Впрочем, ничего удивительного в этом нет — годы неистового, всепоглощающего служения богу оставляют свой след на каждом человеке, а тем более на таком, как Виктор Гарбузов, для которого долгие годы именно ревностная, всепоглощающая вера была смыслом и солью жизни.

С товарищами по работе он будет хотя и ровен в обращении, но замкнут, ограничен рабочими часами «от» и «до», и всех без исключения станет держать на точно выверенной дистанции. Работать он будет без перекуров, лишь изредка, два-три раза за день, опустит вниз тяжелые, крупные руки, сделает десяток-другой шагов, разминая затекшие мускулы, и вновь примется за дело. Товарищей его поначалу удивит, что он не курит, не пьет, даже кружку пива никогда не примет в компании, что и футбол, и хоккей не вызывают в нем ни малейшего интереса. Но не ускользнет от них и то, какой мгновенный и острый взгляд может он бросить как бы невзначай, какой странной тревожащей силой обладает этот взгляд...

● Из-за замкнутости и какой-то упорной отстраненности Виктора от всего, что не было прямо связано с выполняемой им работой, ни товарищи по бригаде, ни соседи по общежитию, куда он приходил только ночевать, практически ничего не знали о нем. А между тем нелюдимый и никогда ни во что не встревающий на работе плотник Виктор Гарбузов был по достоинству оценен деятелями сибирского центра свидетелей Иеговы и назначен руководителем, на их языке «слугой», группы, то есть тех верующих, что жили в самом Красноярске и пригородах. Наследство Гарбузову досталось не ахти какое. Знакомство со своей новой паствой произвело на Гарбузова удручающее впечатление. Это были в основном малограмотные люди, не разбиравшиеся ни в Библии, ни в учении свидетелей Иеговы. Все они ждали армагеддона как избавления от жизненных трудностей и каждое стихийное бедствие, каждое осложнение международной обстановки считали его началом. Большинство из них жили кое-как, пустив на самотек свои житейские дела, ибо считали бессмысленным заботиться о чем-либо — все равно вот-вот все сгорит в пламени священной битвы Иеговы с Сатаной!

Основательно разузнав о действующих в Красноярске религиозных общинах и о настроениях верующих, Виктор разбил свою паству на два кружка и резко активизировал их деятельность. Первым делом он наладил изучение Библии и вероучения — так называемые студии. Но проводить их пришлось в каждом кружке самому. Кроме того, он стал обучать своих подопечных наиболее простым и эффективным методам миссионерства, разделив население города на несколько групп и закрепив каждого верующего за определенной группой. И вскоре деятельность красноярских свидетелей Иеговы оживилась. Из Назарова, где жили «слуги» обвода (вышестоящего звена организации) Николай Зинич и Николай Заяц, в Красноярск и обратно начали курсировать курьеры, доставляя Виктору религиозную литературу и инструкции, а от него — увозя отчеты о деятельности группы. Хорошо организованная, целенаправленная пропаганда и жесткий контроль начали давать свои плоды. На занятиях студий появились новые люди, заинтересовавшиеся учением свидетелей Иеговы. С ними работал уже сам Гарбузов, и вот, впервые за несколько лет, Николай Заяц преподал неподалеку от станции Зыково водное крещение сразу нескольким новообращенным.

Для руководителей обвода это был крупный успех. Авторитет Гарбузова все больше укреплялся не только среди его подопечных, но и среди руководителей. А Виктор тем временем решил использовать раскол среди красноярской общины баптистов, вызвать среди отошедших от нее и создавших собственную общину новый раскол и увлечь учением свидетелей Иеговы верующих. Вскоре ему удалось попасть на разбор Библии в новой общине. К религиозным диспутам ему было не привыкать, и община быстро утратила единодушие. Одни приняли сторону Гарбузова, признав, что он верно понимает и толкует Библию, другие стали возражать, что тоже было ему на руку, ибо он был уверен, что, чем больше споров, тем больше верующих убедит он в своей правоте.

● Известие о новом успехе Гарбузова дошло, очевидно, не только до Назарова, но и значительно выше по иерархической лестнице свидетелей Иеговы, и Виктору дали понять, что в случае удачного завершения этой операции он может рассчитывать на крупное повышение — работу в центральном руководстве организации...

Но странное дело — чем больше доверяли Виктору руководители свидетелей Иеговы, тем меньше доверял он им самим. Вначале, когда в беседах с Даниловым и Тарасенковым речь шла лишь о библейском обосновании учения, а позже, во время изучения богословской доктрины свидетелей Иеговы, Виктор, сомневаясь и споря, все больше проникался верой в его истинность. Многое пережив и еще больше передумав за годы пребывания в баптизме и пятидесятничестве, он считал одной из сильных сторон и одним из убедительных свидетельств истинности этого учения его обращение не столько к чувствам, сколько к разуму человека, не исключая, конечно, и его чувств, ибо разумом бога постичь невозможно — это Виктор усвоил твердо. По душе ему пришлось и многое другое, поначалу вызвавшее у него резкие возражения, например тысячелетнее царство праведников, которое должно установиться после армагеддона на земле, а не на небе, как в других религиозных учениях.

Однако не все было гладко. Гарбузову, по мере того как укреплялся его авторитет, присылали все больше и больше инструкций по организации деятельности группы и свежую религиозную литературу, часть которой предназначалась только для пастырей, но никоим образом не для пасомых. И чем внимательнее вчитывался во все это Гарбузов, тем отчетливее понимал, что вероучение свидетелей Иеговы и практическая деятельность его новых руководителей существуют отдельно, сами по себе. И если даже среди рядовых верующих упор делался не на молитвы и богослужения, а на «свидетельства» о скором пришествии Иеговы и на обязательные денежные взносы в фонд организации, то чем выше по иерархической лестнице (как все сильнее убеждался Виктор), тем больше непосредственное служение богу уступало место чисто организаторской, противоречащей законам советского общества деятельности, тщательно скрываемой и от людей, непричастных к свиде-

телям Иеговы, и от рядовых верующих, и даже от их пастырей, стоящих на одну ступеньку ниже.

Кроме того, руководить группами и обводами доверялось, за редким исключением, лишь тем, кто, помимо наличия прочих необходимых для этого качеств, уже вступал в конфликт с законом и должен был, по мнению центра, иметь обиды на общество и Советскую власть. И чем более бурную деятельность развивали сам Виктор и его группа, тем сильнее не нравилась ему та сторона его деятельности, которая к служению богу не имела никакого отношения. Бог был для Виктора превыше всего, и этот бог в его понимании так и остался олицетворением любви. Сложной, трудной, временами мучительной и таинственной, но все-таки любви. А богом большинства руководителей свидетелей Иеговы была ненависть. Именно такое понимание бога осторожно, но настойчиво прививали они рядовым верующим.

Так вот и получилось, что у самого Гарбузова его практическая религиозная деятельность и его сомнения несколько лет тоже шли как бы параллельно, как бы сами по себе. Но рано или поздно они должны были пересечься, ибо не было у него обиды на советское общество и в душе его жила любовь к своей Родине и преданность ей. И однажды Виктор, как он сам потом признается, одержит Пиррову победу в споре с баптистами, убедив их в правоте учения свидетелей Иеговы. Но, как ни странно, именно те аргументы, которые он использует в этом споре, вдруг отрезвят его и убедят в отсутствии истины в его новой вере, и он, выйдя победителем после разбора Библии, придет к себе в общежитие побежденным. Он проведет долгую, бессонную ночь наедине со своими размышлениями и в беседе с богом и отправится на работу невыспавшийся, к чему, впрочем, ему давно уже не привыкать, но с удивительно ясной головой. А после работы, опасаясь своего поступка и гордясь им, пойдет в библиотеку и, к удивлению ее работников, попросит не Дюма или Агату Кристи, а «что-нибудь о свидетелях Иеговы». Его не сразу поймут и переспросят:

— О свидетелях чего?

— О свидетелях Иеговы...— смутившись, ответит он и, пересиливая себя, объяснит:— Это... вера такая...

А придя в общежитие непривычно рано и вспомнив о том, что не надо никуда спешить, не надо готовиться ни к студии, ни к беседам с верующими и заинтересованными учением свидетелей Иеговы людьми, он не торопясь пойдет в столовую, спокойно поужинает, не спеша вернется в комнату, освежится коротким, но глубоким сном и раскроет первую из принесенных брошюр...

● День за днем он читал и думал, думал и снова читал. И вдруг сообразил, что взялся за атеистическую литературу третий раз — первый был еще перед обращением в баптизм, второй — в Красноярском крае в больнице. Когда он пошел в библиотеку, то был уверен, что вряд ли найдет что-либо стоящее. Руководители свидетелей Иеговы даже ему, «слуге» группы, уже проявившему и зарекомендовавшему себя наилучшим образом, предпочитали не открывать своих тайн и секретов. Откуда же они могут быть известны атеистам? Но оказалось, то, что усиленно скрывали старшие «братья», подробно изложено в любой брошюре о его новой вере.

Конечно, не во всем Виктор мог согласиться с авторами этих брошюр, но в главном, в том, что касалось истинности учения, возразить ему было нечего. Истиной свидетели Иеговы не обладали, а руководители организации действительно старались использовать доверие верующих в своих целях. Но если даже он, размышлял Виктор, человек, прошедший через школу нескольких вероучений, изрядно понаторевший в толковании Библии и в религиозных диспутах, немало повидавший за свою бурную жизнь, не сумел сразу понять, что к чему, то чего же требовать от рядовых верующих, не знающих толком ни учения свидетелей Иеговы, ни Библии. Конечно, они веруют и будут веровать, ибо для них, так же как и для него, в вере сосредоточен весь смысл жизни, а в вопросах истинности той или иной веры они слепы и глухи...

Решение порвать со свидетелями Иеговы исподволь, незаметно для него самого, во многом раскрепостило Виктора. Он остался как бы наедине с богом, с книгами и с самим собой, и ему вполне хватало этих трех собеседников. Отпала необходимость хитрить, убеждать других в том, в чем сам не был уверен. Он наслаждался обретенной свободой.

Размышляя об учении свидетелей Иеговы, Виктор нередко совершал и более далекие путешествия в прошлое: во времена своей приверженности баптизму и пятидесятничеству. Виктор внимательно вглядывался и вдумывался во все, что сохранилось в его памяти от тех лет. А сохранилось многое, и путешествия эти всякий раз доставляли ему почти физическую боль. Как во многом он был неправ, слеп и жесток, как часто принимал желаемое за действительное, а действительное за желаемое...

Он вспоминал поездки по стране с проповедями, перебирал в памяти верующих и пастырей различных общин, искал и не находил ни в ком из них истины. Он обращался к религиозным диспутам, перебирал их участников, людей с огромным религиозным стажем, опытом и непререкаемым авторитетом в своей среде, таких, как «брат» Григорий, зять Смородина — основателя пятидесятничества в России, он всматривался в их лица, вслушивался в их и в свои аргументы и не находил в этом истины. И вспоминая Евангелие от Матфея: «Если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там,— не верьте», — мучился и недоумевал, как не мог он разглядеть тогда, что слепцы они и вели они слепцов, а вернее ослепленных ими и что не вера, бескорыстие и милосердие были их компасом, а заблуждение, корысть и гордыня.

И разве легче ему сейчас от того, что именно руководило тем или иным пастырем, или от того, что были среди них и просто искренние слепцы, считавшие себя провидцами. Но и теперь, мучаясь прошлым, он мучился лишь своими ошибками, лишь своими грехами перед богом и перед людьми, лишь своей слепотой. Сейчас в собственном прошлом лишь себе был он судьей, остальным же — лишь беспристрастным следователем. И пройдя сквозь эти воспоминания десятки раз, с беспощадной ясностью разобравшись в прожитом, он пришел к неожиданному и неизбежному для него вопросу: «А что есть бог?»

Если бы ему, отдавшему два десятка лет убежденному, искреннему служению богу и наставлению верующих, этот вопрос задал кто-нибудь другой, он, наверно, рассмеялся бы, счел бы это либо глупой шуткой, либо откровенной насмешкой. Но сейчас, когда он сам вдруг спросил себя, он растерялся. Конечно, множество самых различных ответов пришло ему на ум, но то-то и плохо, что именно множество, а не тот единственный, исчерпывающий и убедительный, который был необходим. И ведь знал же он, что бог постигается не разумом, но чувством, что это величайшая тайна. Однако ведь чувством-то постигается, а то, что постигается, может быть высказано словом. Он все эти годы был уверен в том, что чувством постигает бога. И опять возвращался он в прошлое, пытаясь в нем, в годах бескомпромиссной, убежденной веры, найти, обрести это чувство, но вновь и вновь убеждался, что не было истины в том брате Викторе, как не было ее и в знакомых ему верующих и пастырях, как не было ее и в его противниках по религиозным диспутам.

Уход Виктора Гарбузова сильно озадачил руководителей обвода. Видимых причин для столь резкого — словно топором отрубил — разрыва не было. Нового «слугу» считали человеком с блестящим будущим. И вдруг, когда ему дали понять, что он может рассчитывать на крупное повышение, он внезапно прекратил не только свою деятельность, но и все встречи с кем бы то ни было из свидетелей Иеговы.

Вначале в обводе ждали, что он либо выскажет какие-нибудь обиды и тогда все можно будет уладить полюбовно, либо выступит с разоблачением. Но время шло, а Гарбузов молчал. Тогда к нему послали нечто вроде делегации для выяснения отношений. Миссия потерпела полный провал — Гарбузов считал, что выяснять нечего, так как никаких отношений со свидетелями Иеговы у него больше нет.

● Сказать, что, уйдя от свидетелей Иеговы, Виктор Гарбузов ушел и от религии, было бы упрощением. Слишком много сил отдал он служению богу, слишком со многим сроднился, как бы сросся душой, чтобы вдруг, одним махом порвать с верой. Это было для него невозможно, как невозможно разорвать самого себя на части. Конечно же, он еще верил, молился и даже больше, чем когда-либо, читал Библию, но при всем том его сознание упорно и неотступно требовало ответа на тот проклятый вопрос — а что есть бог? И как ни странно, теперь, умудренный опытом своих религиозных исканий, Виктор не находил убедительного ответа. Все, что он слышал от своих наставников и соратников по вере, ему не подходило. Этим можно было убеждать других, менее искушенных, чем он, можно было в подходящий момент использовать в споре с инаковерующи-

ми, но ответить так самому себе он не мог, ибо знал уже, что нет в этом истины...

И вновь обратился он к литературе. Верил ли он авторам атеистических книг? Трудно сказать. Но не было в нем уже той предвзятости, той категоричности, с которой отбрасывал он ранее всякую мысль и всякое слово, несогласное с Библией. Теперь он размышлял, сопоставлял с тем, что знал, с тем, что думал, с тем, что чувствовал. «Завещание» аббата Жана Мелье, статьи епископа В. М. Брауна, доктора богословия Ф. Шахерля, доктора теологии А. Тонди, митрополита Н. Ф. Платонова, сборник «Правда о религии». Судьбы, взгляды, мнения... Но больше всего поразил его короткий рассказ о древних подземных храмах бога Митры, в которые посвященные допускались лишь в глубокой старости, пройдя сквозь страдания и лишения семи ступеней посвящения в великую божественную тайну. Что ожидало там их, входящих с трепетом и священным восторгом, приближающихся к тому, ради чего они отдали всю жизнь, заполнив ее муками! Лишь гулкая, ошеломляющая пустота...

● Всецело захваченный своими размышлениями, Виктор не сразу обратил внимание на то, как исподволь возвращалось к нему полузабытое наслаждение работой. Да, собственно, наслаждения поначалу и не было, а просто хорошо и спокойно работалось, легко текли мысли и такая успокоенность владела им, что он порой переставал следить за временем и как-то раз прихватил часа два после рабочего дня. Он, может, задержался бы и больше, если бы не заметил удивленных взглядов товарищей по бригаде. Управление сдавало объект досрочно, и каждая бригада считала делом своей чести выполнить свое задание как можно раньше, чтобы расширить фронт работы для других. Такое случалось нередко — управлению доверяли самые срочные и ответственные объекты, но до этого дня Виктор был негласным и досадным исключением из общего правила,— работал он лишь «от» и «до». И если бы не его мастерство и не редкостная добросовестность, трудно сказать, как бы сложились его отношения с бригадой.

Спохватившись, что рабочий день давно кончился, Виктор смутился, прибрал на скорую руку инструмент и не ушел даже, а скорее убежал в общежитие. Он был недоволен собой, опасался расспросов и чего-то еще, чего и сам не мог толком понять. Но до общежития он тоже не доехал, а пошел бродить по городу, затеяв довольно странную игру — присматривался к какому-нибудь прохожему и по его одежде, выражению лица, особенностям походки и вообще по всем мельчайшим штрихам его поведения, манер и внешнего вида пытался представить себе его характер. Наблюдательности Виктора, умению разбираться в людях и делать точные выводы на основании сущих мелочей мог бы позавидовать не один опытный следователь.

Некоторое время Виктора забавляла эта игра, но постепенно она не только наскучила ему, но и привела еще к одному неожиданному вопросу — у верующих есть бог, а что есть у тех, кто не верит в бога? Ведь во что-то они должны верить? А если ни во что не верить, тогда зачем жить? Чтобы выпить еще один стакан водки, выкурить еще одну папиросу и закрутить роман еще с одной женщиной? Не слишком ли это мало для человека? Ну, пусть кто-то живет ради этого, но большинство-то — зачем? Для чего?

А зачем я сам жил когда-то, подумал он, и во что я сам верил?

Виктор давно уже не вспоминал свою юность, давно запретил себе думать о ней. Но теперь, когда он сложил с себя былое самоограничение, воспоминания захватили его и властно понесли в те годы. И он снова тосковал и радовался, веселился и грустил. Все забытое, загнанное в дальние уголки памяти захлестнуло его. Защемило душу, и так вдруг жаль ему стало эту ушедшую юность, так нелепо, так уродливо оборванную по собственной воле, и так резко, обнаженно предстали перед ним два десятилетия его блужданий, что он опустился в опустевшем вечернем сквере на первую попавшуюся скамейку, уткнулся лицом в ладони и зарыдал, уже не таясь от себя, не думая о случайных прохожих...

В общежитие Виктор пришел в первом часу, в каком-то приподнятом состоянии. Не зажигая света, разделся, залез под одеяло и по сложившейся десятилетиями привычке помолился перед сном.

● Кто из нас не ошибался в своей жизни и кто из нас не сожалел об ошибках? Право на поиск есть право и на ошибку, хотя не всякая ошибка от поиска. И много за свою тысячелетнюю историю придумало человечество различных судов, начиная от суда соседа своего и кончая божьим судом. Но всегда был и будет над человеком еще один судья — его собственная совесть. Ибо людской суд может лишь наказать, и только собственной совести дано осудить, одна она знает все, что делается в тайных, укромных уголках нашей души, где ошибка от поиска, а где от корысти и себялюбия, где от желания сотворить благо, а где от неумения властвовать собой.

И даже идеал сотен миллионов людей — христианский бог, которого древние наделили всеми желанными и недоступными нам свойствами — всеведущий, всеблагой и всемогущий,— даже он, судя по библейскому сказанию, сотворял мир методом проб и ошибок. А раз так, то значит даже самое совершенное существо, которое только сумела создать человеческая фантазия, не было заранее уверено в успехе затеянного им дела. Ну, а что же говорить о реальном, земном человеке, который тысячелетиями искал и находил, и радовался своим удачам, и судил себя за свои ошибки, извлекая из них крупицы истины и мудрости, ибо ошибается и умный и глупец, один реже, другой чаще, но тем-то и отличаются они друг от друга, что один подвержен суду собственного разума и совести, а другой дал себе раз и навсегда полную амнистию.

● Все чаще подсаживался Виктор во время перекуров к товарищам по бригаде, все чаще, если требовало того дело, задерживался после рабочего дня или подменял кого-нибудь. Был он по-прежнему сдержан и немногословен, но даже со стороны заметно было, как становился он мягче. Читал он теперь в основном художественную литературу. Постепенно пристрастился к кино и даже стал ходить в парк, смотреть, как отдыхают и веселятся люди. Он присматривался к жизни, как бы примеривая ее на себя. Трудно сказать, сколько бы это продлилось, если бы Виктор не познакомился однажды со своей будущей женой. Было в их судьбах нечто общее — оба имели когда-то семьи, оба разошлись, у него в Рославле рос сын, она растила дочь. Общее было и в их характерах — оба, много пережив, бережно и осторожно подходили к своему будущему. И наверно, именно это незаметно подвело их к тому моменту, когда поняли, что близки и необходимы друг другу.

Сначала осторожно, нащупывая каждый шаг, а потом все смелее и увереннее входил Гарбузов в новую жизнь. В одной из книг он прочитал о том, как человек, перенеся тяжелый инфаркт, заново учился сначала сидеть, потом ходить... Виктор усмехнулся, покрутил головой. «Вот так же и я,— подумал он,— заново жизнь начинаю».

Постепенно он сошелся ближе с товарищами по работе и был удивлен и растроган, когда ему доверили руководство бригадой. А вскоре и еще одна радость пришла к нему — родилась дочь. И Виктору уже стало казаться, что после стольких лет метаний и поисков нашел он, наконец, то, в чем заключена одна из трудных истин бытия,— свое место в жизни. Теперь у него была любимая семья, благодарная работа и добрые друзья. И был огромный, распахнутый мир, в котором Виктору Гарбузову есть где приложить свои крепкие, охочие до работы руки и в котором ему есть что сказать людям.

Но прошлое всегда живет рядом с настоящим, и если даже мы уходим от прошлого, то не всегда оно сразу уходит от нас. И вновь долгие ночи ворочался Виктор без сна, вспоминая все 20 лет поисков и ошибок. Опять проходили перед ним лица пастырей и пасомых, верующих и уверовавших, тех, кто отрекся от него, и тех, от кого отрекся он. Сколько же людей сам он привел к обители Христовой! Перед сколькими виноват, внушив им собственные заблуждения! И как, чем искупить вину за их искалеченные судьбы, за разбитые семьи, за утраченные здоровье и годы...

Так в газете «Красноярский рабочий» появилась его статья «Исповедь о блужданиях», подписанная «брат» Виктор». Статья обсуждалась во многих рабочих коллективах края и, в частности, там, где работал Гарбузов.

Он слушал выступления своих товарищей со смешанным чувством робости и жадного интереса. Никто из них не догадывался, что автор статьи сидит тут же, среди них. Спорили самозабвенно, высказывались откровенно, до резкости. И хотя Виктор давно уже совершил суд над самим собой, этот суд, суд его товарищей, повернул перед ним его соб-

ственную жизнь какой-то совсем иной гранью, невольно подвел Виктора к неожиданной мысли. Если ты внушил десяткам людей собственные иллюзии и заблуждения, тем самым обокрав их жизнь и жизнь их близких, а в конце своих исканий обрел истину, то имеешь ли ты право довольствоваться этим? И не обязан ли ты искупить хотя бы частично свою вину перед теми, кто верил тебе больше, чем самому себе?

Так зрело в нем решение заняться атеистической работой. Он многое знал о разных религиозных течениях, был посвящен во все приемы и секреты миссионерской и проповеднической деятельности. И кому же, как не ему, ревностно и убежденно искавшему 20 лет истину в религии и обретшему ее лишь в реальной, земной жизни, поведать о своем горьком опыте заблуждавшимся людям?

Так окончилась его «одиссея»...

● Конечно, можно было бы рассказать о том, как Виктор Гарбузов с помощью опытных людей разобрался в том, в чем не сумел разобраться в юности, можно было бы написать и о том, как он поступил в вечерний университет марксизма-ленинизма и с отличием закончил его, как коммунисты стройуправления приняли его в партию, как выступает он перед студентами и учителями, перед врачами и библиотекарями — перед всеми, кому приходится соприкасаться с такой тонкой и деликатной сферой, как взгляды, убеждения и чувства людей.

Много можно было бы еще написать о Викторе Ивановиче Гарбузове, но это будет уже другой очерк о совсем, в сущности, другом человеке — отличном мастере своего дела, руководителе передовой бригады, человеке, упорно и целеустремленно творящем реальное, конкретное добро в нашей реальной, земной жизни.

Улыбается мой герой, лукаво подмигивает мне и спешит, снова спешит... Куда же ты теперь, Виктор? Не отдохнуть ли тебе после столь трудного и тягостного пути, после неистовой твоей одиссеи?

Но подняв на прощание руку, прыгает мой герой в ранний красноярский автобус, и сквозь клубящийся дымкой рассвет уносит его автобус в район новостроек, туда, где взметнулись к небу еще обнаженные корпуса заводов и жилых домов, туда, где день за днем творит он свое добро, творит свой мир. Ибо в чем может так осязаемо и зримо воплотиться конкретное добро, как не в возвращенном человеку здоровье, в добротном жилье, в ароматном свежем хлебе и щедром душевном слове? Лишь словом и делом можно утверждать добро, ибо мертво слово без дела, но и черство дело без слова.

А потому счастливого пути тебе, брат Виктор!

О чем писали русские газеты и журналы в мае 1878 года

Очень странно, что в христианском мире может даже быть речь о таком капитальном вопросе, как отношение церкви к государству. Это должно было быть порешено с самого начала, как только государства начали делаться христианскими, и при том в ясном смысле, что члены общества гражданского — вместе члены церкви, и что поэтому делать различие между государством и церковью значило бы вызывать какую-то антагонию во внутренней жизни народа, ничем не оправдываемую, кроме непонимания самой сущности церкви. Напротив, принимая церковь в смысле полноты духовных отношений человека к богу, всякий сознается, что только в единении церкви с государством, только в безраздельном слиянии этих двух факторов жизни и может жить и развиваться правильно человечество. Одно только жалкое недоразумение, поставившее эти две формы жизни в какое-то недоверчивое отношение друг к другу, произвело то печальное явление, вследствие которого раздаются голоса о необходимости полного отделения государства от церкви.

«Странник»

Духовенство его (собора г. Трубчевска Орловской губернии. — **Ред.**) состоит из протоиерея, священника, дьякона и псаломщика. Протоиерей, состоящий в то же время благочинным, вследствие разных душевных и телесных слабостей два года как уволил себя от всякой службы, но от места и доходов не отказывается; из всех церковных треб он исполняет только одну — исповедь, плата за которую поступает не в общую кассу, подлежащую разделу, а непосредственно исполняющему ее церковнослужителю, — да и ту исполняет всегда не иначе, как у себя на дому. Второй соборный священник, озлобленный на то, что работает за двоих, а плату получает за младшего — одного, изливает свой гнев громогласно во время церковной службы на прихожан, за что третий месяц находится под судом. Обстановка собора не лучше его духовенства. Не далее как в среду, на святой неделе, судебный следователь составил акт, по которому церковнослужители и староста собора обвиняются в том, что помещение алтаря бывшей полковой церкви, находящейся в нижнем этаже собора, превратили в склад пеньки, кислой капусты, огурцов, а в церкви верхнего этажа еще лучше: найден курятник, в который по вечерам загонялись куры и усаживались на прочно устроенный из икон насест. Другие церкви во всем подражают собору. Так, в Георгиевской церкви старший священник, подверженный некоторым непохвальным слабостям, службу свою подобно соборному протоиерею ограничивает одною исповедью и также на своей квартире; в Казанской церкви священник и дьякон тоже страдают слабостями. Может ли такое духовенство иметь хорошее влияние на народ?

«Неделя»

Хотя взаимные отношения духовенства к прихожанам вообще сносны и терпимы, но все-таки им надобно было бы побольше искренности. В них иногда чувствуется недостаток внутреннего, связующего элемента — сердечной взаимности и, так сказать, тяготения друг к другу... Не без вины тут и прихожане и духовенство... На первом месте в ряду поводов к пререканиям и неудовольствиям между прихожанами и причтом со стороны последнего надобно поставить вымогательство и поборы.

Как далеко многие уклонились от законного способа получения вознаграждения за требы!.. Не может расположить прихожан в пользу священника и обычай мести, который порой практикуется, к сожалению, священниками... Один священник дал новорожденному имя Манилла, как бы в наказание за то, что отец ребенка обещал ему мешок хлеба, но обещания не исполнил... Не ведет к добру и позволяемое некоторыми священниками грубое, заносчивое обращение с прихожанами, высокомерный тон, неуважение, брань, ругань.

«Странник»

Протест французского духовенства против предполагаемого празднества столетней годовщины Вольтера принимает все большие размеры. Кардинал-архиепископ парижский обнародовал пастырское послание, где он объявляет Вольтера «личным врагом Христа, разрушителем нравственности, оскорбителем отечества, льстецом всех неприятелей Франции» и увещевает верных католиков не принимать участия в этом нечестивом празднестве. Со своей стороны епископ Монпелье издал... пастырское послание, где в том же духе говорит о праздновании годовщины Вольтера и предостерегает свою паству от участия в нем.

«Московские ведомости»

МОНОФИЗИТЫ:

Н. АНИСИМОВА

Коптская церковь в Маади (пригород Каира).

ИХ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Среди многочисленных направлений, течений и толков современного христианства есть относительно самостоятельная и отличающаяся от других группа церквей. Их называют «нехалкидонскими», «церквами трех соборов», «древними церквами Востока». Они отличаются своей историей, деталями догматики и культа; объединяет их общая приверженность доктрине монофизитства, согласно которой Христос имеет только одну — «божественную» природу, в отличие от диофизитов (от греч. «дио» — два и «физис» — природа), которые считают Христа «богочеловеком». «Нехалкидониты» участвовали только в первых трех вселенских соборах и не признали истинными постановления четвертого вселенского — Халкидонского (451 г.), осудившего монофизитство как еретическое учение.

Они называются также «ориентальными» или «древними церквами Востока», поскольку действуют преимущественно в странах Азии и Африки: в Индии — малабарская, или «сирийская ортодоксальная церковь Востока», в Сирии — яковитская, в Египте — коптская ортодоксальная, или александрийская, или Маркова, в Эфиопии — ортодоксальная эфиопская церковь. Последователи входящей в эту группу армянской апостольской, или армяно-григорианской, церкви есть не только в СССР, но и в странах Ближнего и Среднего Востока, в Западной Европе, Америке. В настоящее время нехалкидонитов во всем мире примерно 25 миллионов.

Эволюция и специфика этих церквей обусловливаются не только одними теологическими разногласиями, в частности спорами о «природе» Христа. Христианство с момента своего зарождения никогда не было единым течением, оно приспосабливалось к социальным, экономическим, политическим, национальным, бытовым условиям различных провинций Римской империи, а в дальнейшем — Арабского халифата, стран Западной и Восточной Европы. Учения богословов первых веков, которые позже были объявлены еретическими, представляли собой не искажение каких-то единых, «богооткровенных» догматов «истинного» христианства, а являлись цельными, относительно самостоятельными религиозными воззрениями. Таким было, например, несторианство, последователи которого считали, что Христос родился простым человеком, а божество («бог-сын») уже позже воссоединилось с ним за святость его поведения.

Монофизитство в период своего возникновения было одним из «равноправных», если можно так выразиться, богословских учений христианства. Оно возникло в ранней Византийской империи. Его основатель, константинопольский архимандрит Евтихий, утверждал, что Христос был человеком только «призрачно», фактически же имел одно естество — божественное. Такие представления противоречили господствовавшим в христианской церкви взглядам диофизитов. Кстати, последнее течение взяло верх не благодаря своей «истинности», а в результате сложной внутрицерковной борьбы, которая в опосредованной форме отражала экономические, политические, социальные и другие противоречия тогдашнего общества. Как и всегда, «за религиозной экзальтацией скрывались весьма осязательные мирские интересы» [1].

К началу V века союз церкви с Римской империей окончательно сформировался и упрочился, хотя сама церковь пребывала в состоянии брожения в плане идейном и неопределенности — в организационном: отсутствовало единое учение, не было и признанной всеми верующими единой централизованной церковной власти. Не без поддержки государства возникла должность патриарха — главы всех христиан и опоры императорской власти. За право быть патриаршим городом вели яростную борьбу представители Рима, Константинополя, Александрии и Антиохии. Дело было не только и не столько в церковном престиже, но, прежде всего, в экономической выгоде: именно в патриарший город должны были стекаться церковные доходы со всей империи.

Казалось, что патриаршей властью должны завладеть представители духовенства Александрии — богатейшего города того временн. На Эфесских соборах (431 и 449 гг.) александрийскому духовенству и тем социальным силам, которые за ними стояли, — в первую

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 468.

очередь богатому торгово-ростовщическому купечеству, — удалось одержать крупные победы над константинопольским, представлявшим военно-бюрократическую и землевладельческую знать, предшественницу позднейших византийских феодалов. Это вызвало нападки на александрийскую церковь всех ее противников, включая императорскую власть, которая тесными узами была связана с военно-бюрократическим лагерем. На Халкидонском соборе (451 г.) эта коалиция берет реванш: александрийская церковь и ее патриархи были официально осуждены как носители монофизитской ереси. В Александрии воцарились константинопольские духовные и светские наместники.

Эти теологические распри и борьба за решающее влияние в христианской церкви были отражением конфликтов между центральной властью Римской империи и Египтом — одной из ее провинций. Египет был житницей империи, но в социальном, правовом и экономическом положении египтян существовал ряд ограничений: им не разрешалось занимать высшие государственные посты, почти невозможно было получить римское гражданство, нельзя было автономно решать местные проблемы. Силен был и внешний налоговый гнет. Римская империя, сама разваливавшаяся под ударами готтов, франков и славян, была не в состоянии обезопасить границы Египта от воинственных нубийцев.

Символом всех этих проблем и неурядиц стали в глазах египтян чужие наместники из Константинополя — представители диофизитства. Не последнюю роль во враждебном отношении египтян к диофизитству, которое ассоциировалось в их представлении с Римом, сыграло и то, что жизненный уровень большей части населения городов во многом зависел от торговой удачи купцов, от их места и влияния в сложной экономической и социально-политической структуре империи. Поэтому попытка константинопольского духовенства и императора лишить былой власти Александрию и ее патриархов была встречена населением торговых городов враждебно.

Постепенно доктрина монофизитства стала знаменем всех недовольных политикой Константинополя в Египте. Вспыхивали — и не без поощрения монофизитских иерархов — бунты местного населения, недовольного усилением экономического и национального гнета. В Александрии сторонникам монофизитства удалось поднять против властей и патриарха-диофизита все население города. Толпа разогнала императорские войска и посадила на престол патриарха-монофизита. Но император Маркиан подавил восстание (457 г.).

Монофизиты в Египте потерпели поражение. Их вероучение стало распространяться преимущественно в глухих, периферийных районах провинции. При этом оно все больше становилось крестьянской, коптской национальной религией. Только таким образом египетский крестьянин мог выразить свой протест против социального и национального гнета, засилья греческой церковно-императорской бюрократии и все более эллинизирующейся местной знати. В 570 году коптская (александрийская) церковь Египта создала свой собственный патриархат и тем самым окончательно отделилась от «официального» христианства.

Во многом сходными были причины роста влияния монофизитства среди местного населения в Сирии (Антиохии). Здесь тоже происходили вооруженные выступления против императорской власти и церковников-диофизитов (468 г.). Разделение монофизитов афро-азиатских провинций Римской империи на александрийскую (коптскую) и антиохийскую (сирийскую) церкви было вызвано прежде всего борьбой между иерархами за влияние внутри самого монофизитства. Определяющую роль сыграли различие языка и культуры, территориальное удаление.

Подобными же были причины распространения монофизитства в Армении и образования армяно-григорианской церкви. В процессе консолидации и централизации армянского государства Аршакидов христианство, насаждавшееся государственной властью, становилось своеобразным противовесом политеистическим культам Арзамазда, Ваагна, Анаит и других богов древнего армянского пантеона. Армения стала первым в истории государством, где христианство было государственной религией (301 г.). К концу IV века «христианизация» страны закончилась.

В 391 году армянское государство пало под натиском иноземных завоевателей и было поделено между Византией (западная часть страны) и сасанидским Ираном (восточная часть). Иностранный гнет ассоциировался в глазах армян с гнетом религиозным: прямым — со стороны зороастрийцев-персов и косвенным — со стороны Византии, которая стремилась заменить местное духовенство своими священнослужителями. И если раньше армянская церковь стояла практически в стороне от монофизитско-диофизитских споров, то теперь местные церковные деятели, стремясь подчеркнуть враждебность и чуждость византийских иерархов, избрали в качестве идеологического оружия монофизитство, противопоставив его диофизитству византийцев. Но армянские монофизиты стремились не столько к защите национальных интересов, как это утверждают ныне религиозные историки, сколько к возвращению прежних своих феодальных привилегий и влияния. Об этом свидетельствует их борьба со всеми инакомыслящими, среди которых основную массу составляли «сектанты» различных направлений, зачастую выражавшие интересы трудящихся масс (например, тондракийцы).

В Эфиопию (Аксумское царство) монофизитство проникло из Египта, с которым она поддерживала тесные политико-экономические и церковно-религиозные отношения. Вплоть до 1928 года все абуны (патриархи) и епископы Эфиопии назначались александрийским монофизитским патриархом из числа египтян-коптов.

Индийская малабарская церковь монофизитского толка является самой молодой из ориентальных церквей, хотя по малабарскому церковному преданию христианство в Индии проповедовал еще один из учеников Христа — святой Фома. Выражение «индийская христианская церковь» кажется на первый взгляд несколько необычным. Но данные археологии показывают, что первые христиане появились на юге Индостанского субконтинента еще в конце II века, хотя летописные сведения о распространении христианства в этом районе датируются 345 годом, когда сюда прибыли 400 эдесских христиан. Местный царек, желавший расширить торговые связи своей страны, встретил пришельцев доброжелательно, наделил их многими привилегиями (например, поставил в социальной иерархии на один уровень с брахманами). В дальнейшем число христиан увеличивалось за счет беженцев (особенно в связи с арабо-мусульманскими завоеваниями VII—VIII вв.) и за счет обращения в христианство местного населения. В Южной Индии нашли приют сектанты многих направлений, бежавшие от преследований «официальной» христианской церкви.

Нашествия арабских, сельджукских, а затем татаро-монгольских завоевателей на Индостан надолго отделили непроницаемой стеной христиан в Индии от их единоверцев в Европе и на Ближнем Востоке. И велико было удивление первых четырех доминиканцев, которые, прибыв на Малабарское побережье (в 1321 г.), обнаружили там «братьев по вере». Правда выяснилось, что малабарские христиане уже на протяжении многих столетий придерживались «еретических» несторианских взглядов. С началом колонизации Южной Индии (XV в.) началась борьба миссионеров разных колониальных держав (Португалии, Голландии, Англии) за души христиан-малабарцев. Ее первый этап выиграли колонизаторы-католики. В 1599 году португальцам с помощью имущественных и иных привилегий и путем шантажа удалось склонить малабарских иерархов к унии между малабарской несторианской церковью и католицизмом. Малабарцы отказались от несторианской «ереси», признали главенство папы и присылаемых Ватиканом епископов. Священнослужителей взяли на свое содержание король Португалии и Рим. В 1634 году все церкви Малабара перешли на латынь при богослужении. Эти акции сопровождали усиление национального, экономического и политического гнета со стороны португальских колонизаторов. И в 1653 году во время антипортугальского восстания разгневанный народ прежде всего уничтожил католические храмы, предметы католического культа. Подавляющая часть верующих вернулась к несторианству.

В 1663 году португальцев ненадолго сменили голландцы, а за ними пришли английские колонизаторы. Их миссионерам удалось значительную часть христиан-малабарцев обратить в англиканство.

Затем среди малабарских христиан наступил длительный период неустойчивости, раскола, отсутствия единой церковной организации. Только в 1912 году произошла коренная реорганизация малабарской церкви, которая скорее по традиции, чем по существу, считалась несторианской. Но несторианских патриархов на Востоке не осталось, и она вынуждена была обратиться за получением юрисдикции к антиохийскому (Сирия) яковитскому патриарху. Одной из причин такого несколько неожиданного решения было, по-видимому, желание окончательно порвать с Ватиканом и

протестантизмом, которые у малабарцев ассоциировались (и совершенно обоснованно) с колониализмом, и связать себя со «своей», восточной церковью. Так малабарская церковь стала монофизитской, и к своеобразным ее чертам прибавилась еще одна — название «сирийская (по источнику юрисдикции) ортодоксальная церковь Востока».

История нехалкидонских церквей показывает тесную зависимость их возникновения и эволюции от социальных, экономических, политических изменений в тех странах или районах мира, где проходило их становление. Каждая из церквей приобрела специфику в зависимости от определенной национальной и культурной среды. Так, у коптов, а также христиан Эфиопии и Индии существует обряд обрезания младенцев, который связан с традициями бытовавших здесь дохристианских верований. При входе в малабарские церкви верующие снимают обувь. Копты, как и арабы-мусульмане, считают свинью нечистым животным и не едят ее мяса. В Эфиопии во время богослужения священнослужители исполняют под бой барабанов ритуальные танцы, а в Малабаре звенят специальные колокольчики в алтаре. Малабарская церковь допускает браки малолетних, как это принято в других религиях Индии; монахи и епископы не едят мяса и так далее.

Но вместе с тем в культе и обрядности монофизитских церквей есть некоторые общие моменты. Так, признаются все семь таинств (крещение, миропомазание, покаяние, брак, елеосвящение, священство, причащение), но некоторые из них совершаются по-особому. Например, в армянской церкви младенца помимо троекратного обливания водой столько же раз погружают в воду. В малабарской и эфиопской церквах крещение совершается только в храме. За ним следует миропомазание — священник растирает мирро по голове и всему телу ребенка.

Таинство покаяния совершается в ориентальных церквах вечером или перед литургией. Как правило, перед исповедью и причастием верующий должен три дня поститься, усиленно молясь. Верующие говеют раз в год, на страстной неделе.

Существует три степени священства: епископ, священник и диакон. Большинство священников женаты, но венчаться можно лишь до принятия сана. Священник-вдовец остается безбрачным. Высшее духовенство (епископы), как правило, — представители «черного» духовенства.

Брак как таинство занимает то же место, что и в православии. Разрешается вступать в брак не более трех раз, причем на третий брак необходимо согласие епископа. Церемония венчания совершается не только в храме, но и на дому.

Обряд елеосвящения занимает около трех часов. Но большей частью он ограничивается исповедью и причащением умирающего.

Главными религиозными праздниками в нехалкидонских церквах считаются рождество и пасха (с ночными богослужениями). Отмечают также крещение и преображение. Празднуются память Петра и Павла и успение богородицы, причем праздники предваряются постами. В каждой церкви, кроме того, отмечаются собственные религиозные даты и устраиваются праздники в честь своих святых: Диоскора, Севира, Якова Барадея, Григория Просветителя. Монофизиты чтят также святых Ветхого завета и тех святых, которые относятся к первым векам христианства.

У монофизитов четыре главных поста, из них великий и успенский — строгие. Крестное знамение совершается по католическому образцу — слева направо, но с православным перстосложением. Они так же преклоняют колена, бьют поясные и земные поклоны, поклоняются кресту, на котором нет изображения распятого Христа. Вообще в монофизитских храмах отсутствуют скульптуры на религиозные темы, принятые в католицизме. Иконы есть, но нет песнопений, им посвященных, и праздников в их честь. Убранство церковных помещений, одежда священнослужителей, культ более просты, чем в православии или католицизме.

Религиозные обряды и традиции и сейчас оказывают большое влияние на повседневную жизнь монофизитов. Деятели ориентальных церквей считают неукоснительное соблюдение вековых обрядов и традиций противовесом процессу размывания монофизитства.

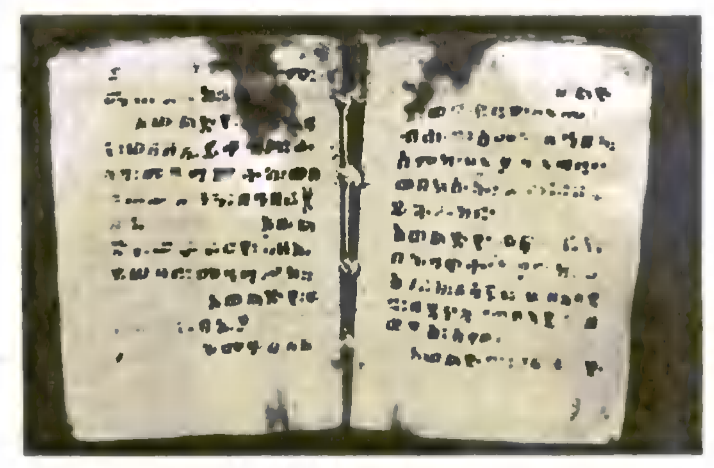
Как правило, низкий уровень образования и культуры в монофизитских религиозных общинах в немалой степени питал и питает консерватизм, присущий идеологии и практике «древних церквей Востока». На протяжении веков их идеологи, по существу, не занимались разработкой теоретических основ вероучения. До сих пор монофизиты придерживаются традиционных взглядов, базирующихся на библейских преданиях, понимаемых почти так же, как их понимали еще в эпоху зарождения нехалкидонских церквей. Боязнь раскола, которым чревато религиозное реформаторство, сдерживает даже те робкие шаги, которые делают навстречу современному миру эфиопская, коптская, яковитская и малабарская церкви.

Однако в какой-то мере модернизаторские тенденции, свойственные в настоящее время всем конфессиям, коснулись и нехалкидонитов. Эти тенденции развиваются в основном в трех направлениях: организационном, вероучительном, экуменическом. Так, в 1965 году в Аддис-Абебе состоялась конференция пяти патриархов нехалкидонских церквей. Главным предметом обсуждения было единство ориентальных церквей, не имеющих общего руководства. Многие из них на протяжении столетий вообще не поддерживали каких-либо контактов, в результате чего одни и те же богословские понятия в разных странах получили различное толкование. Конференция наметила ряд мероприятий по систематизации и упорядочению нехалкидонского богословия.

Богословы практически всех христианских церквей считают, что преодолеть тот кризис, в котором оказались религия и церковь перед лицом изменяющегося и революционизирующегося мира, можно, в частности, путем максимальной консолидации церковных сил — объединения церквей и направлений, имеющих общую догматическую основу, но придерживающихся различной вероисповедной ориентации. Однако экуменическая деятельность монофизитских церквей в рамках Всемирного совета церквей, несмотря на то что они сравнительно давно являются его членами (малабарская с 1949 г., коптская — с 1954 г., эфиопская — с 1960 г., армяно-григорианская — с 1962 г.), пока незначительна.

Более активными являются контакты между монофизитскими и православной церквами как в рамках ВСЦ, так и вне его. Это связано со многими факторами, в первую очередь — со взаимным стремлением найти союзников внутри ВСЦ и противостоять другим религиозным группировкам — особенно протестантского направления. Не последнюю роль здесь играет и вероисповедная близость православия и монофизитства. Так, упомянутая конференция патриархов нехалкидонских церквей поддержала предложение патриарха Алексия о создании комитета по выработке общего для православия и монофизитства исповедания веры. (В отношении прочих церквей конференция осторожно рекомендовала «проведение диалога в церковном плане».)

В последнее десятилетие в практику входят совместные богослужения православных и нехалкидонских священнослужителей. Сняты ограничения на вступление в брак представителей этих двух конфессий. Верующим разрешается при отсутствии духовного лица своего вероисповедания пользоваться ус-

Древняя эфиопская рукопись. Хранится в Матенадаране.

лугами родственного духовенства. Частыми стали двусторонние встречи православных и монофизитских иерархов.

В самое последнее время наблюдается оживление модернизаторской деятельности представителей некоторых монофизитских церквей. Так, летом 1977 года в Дар-эс-Саламе (Танзания) по рекомендации конференции ВСЦ была проведена встреча теологов «третьего мира». В результате дискуссий между представителями католицизма, протестантизма и нехалкидонитов из стран Азии, Африки и Латинской Америки был принят документ «Манифест экуменического диалога теологов третьего мира». В нем был резко осужден как европейский колониализм, так и представители европейских религий и конфессий, которые «непосредственно сотрудничали во всех колониальных акциях». Там же говорилось, что «теология колонизаторов в большинстве случаев приспосабливалась к оправданию бесчеловечности». «Манифест» выдвинул задачу развития теологии, «включенной в процесс интегрального освобождения человека». Здесь видна еще одна попытка современных религиозных деятелей приспособиться к эпохе социальных и национально-освободительных революций.

Говоря о модернизации монофизитских церквей, нужно особо остановиться на армяно-григорианской церкви, действующей как на территории нашей страны, так и за рубежом. В Армянской ССР церковь действует в условиях социалистической действительности, что не может не сказываться на уровне и характере религиозности. С другой стороны, судьбы армян, эмигрировавших до Великой Октябрьской социалистической революции за рубеж (в страны Ближнего и Среднего Востока, во Францию и т. д.), сложились таким образом, что их значительную часть составляют в настоящее время рабочие и интеллигенция. Поэтому, если для всех нехалкидонских церквей, действующих в обстановке низкого уровня грамотности и культуры населения, при практическом отсутствии промышленного пролетариата, характерны самые простые формы приспособления к условиям современности, робкие изменения в религиозной идеологии и политической ориентации, — то в армянской церкви уже давно идет процесс активной модернизации: обращение к данным современной науки при оправдании веры, пересмотр социальной позиции и т. д.

Если монофизитство на начальном этапе своего развития в какой-то степени и выражало социальный по своей природе протест угнетенных классов и народов против официальной

(диофизитской) церкви, то со временем, как и любая другая религия, стало поддерживать правящие классы в тех странах, где оно действует. Так, эфиопская церковь не только оправдывала феодальный гнет в стране, но и сама была крупнейшим (вторым после императора) феодалом. И характерно, что после свержения монархии в 1974 году восставший народ сбивал со статуй абиссинского льва — символа Эфиопии, — стоявших на площадях, корону и крест одновременно[2].

Сейчас, в эпоху национального и социального освобождения, научно-технического прогресса, монофизитские церкви пытаются обрести «второе дыхание» в модернизаторской деятельности, претендуя на особую роль в жизни армянского, коптского, эфиопского, сирийского и индийского народов. Но эти попытки бесплодны. Мир идет своим путем — к такому будущему, в котором все меньше остается места для любой религии, в том числе и для монофизитства.

---

[2] Подробнее об этом см.: И. Доронин Эфиопия смотрит вперед. «Наука и религия», 1975, № 9; Г. Гальперин. Эфиопия: революция и церковь, 1977, № 4.

КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ ● КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ ● КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ

ЧТО ПОДО ЛЬДОМ?

Десять стран примут участие в исследовании шельфового ледника Росса в Антарктиде, где будут пробурены скважины через ледяной покров толщиной до 425 метров. Этот научный эксперимент даст возможность изучить остатки морских организмов, существовавших здесь когда-то. Еще одна его цель — взять 27-метровый керн отложений со дна океана, находящегося на глубине примерно 237 метров от нижней границы льда. Эта проба должна дать сведения о климатической и ледниковой истории Антарктиды.

НЕ ПО БИБЛИИ

В США, в штате Монтана, в мягком известняке горных ущелий Беар-Галч найдена жившая более 300 миллионов лет назад акула длиной 120 сантиметров с «шарнирно» подвижным спинным плавником, похожим на руль лодки. Это один из 64 видов акул, открытых американским палеонтологом доктором Ричардом Ландом. Среди ископаемых акул были экземпляры с большими, хорошо развитыми челюстями различной формы, приспособленными для питания организмами с твердой раковиной. У другой группы акул обнаружен рог, нависающий над верхней частью головы. Рыбы с огромными плавниками — летающие акулы могли выпрыгивать из воды и скользить над ее поверхностью на расстояние нескольких сот метров. Найдены также плоские акулы, обитавшие на дне, и даже крошечные экземпляры, имеющие длину 2,5 сантиметра. Эти открытия показывают, что животный мир на Земле — не результат однодневного творения, как следует из Библии. Его история насчитывает сотни миллионов лет, сотни нарождающихся, исчезающих и изменяющихся видов.

ЗАГАДКИ ПИСЬМЕННОСТИ

Долина реки Иордан давно привлекает внимание археологов. Здесь раскопаны и исследованы более сорока холмов, где обнаружены остатки древнейших поселений человека. Но самым богатым оказался холм Телль Дейр-Алла, в котором в результате многолетних раскопок найдены разнообразные исторические памятники бронзового и железного веков, материальная культура арамейских племен, эпохи первых персидских завоевателей, а также ранних арабов.

Среди множества интереснейших находок, помогающих ученым воссоздавать историю древних племен и народов, наибольшее значение имеют святилище храма трехтысячелетней давности и десять глиняных табличек с неизвестной до сего времени письменностью.

Святилище с жертвенником хорошо сохранилось, а стены храма время не пощадило — они частично разрушены. И все же на одной из них видна надпись на арамейском языке, рассказывающая о деяниях пророка Билиама, сына бога Беора, которым поклонялись древние племена, жившие в долине реки Иордан еще до арамейцев.

Что это за племена?

Ответ на этот вопрос, предполагают ученые, возможно, находится в тексте на десяти глиняных табличках, записанном комбинацией точек — письменностью не известной до сих пор народности.

КАК ПОГИБ МАМОНТ

В США, близ городка Секим (штат Вашингтон) в торфяном болоте были обнаружены останки мамонта, жившего около 11—14 тысяч лет назад. Такая находка и сама по себе представляет несомненный интерес, но самое замечательное в ней заключается в том, что в ребрах животного ученые нашли застрявший наконечник копья палеолитического охотника.

Исследователи предполагают, что охотник бросил копье в животное, когда оно пришло на водопой к озеру, превратившемуся впоследствии в болото.

Антрополог К. Густафсон, объявивший об этой находке, подчеркнул, что она убедительно показывает связь между палеолитическим человеком и этим животным.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС И РАЗВИТИЕ АТЕИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

90 ЛЕТ СО ДНЯ ВЫХОДА ОТДЕЛЬНЫМ ИЗДАНИЕМ РАБОТЫ Ф. ЭНГЕЛЬСА «ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБАХ И КОНЕЦ КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ»

Л. ЛЯХОВЕЦКИЙ,
кандидат философских наук

Перевод работы Фридриха Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»[1] на русский язык появился уже в прошлом веке. И эту книгу, и «Анти-Дюринг» Ленин считал такими же настольными книгами «всякого сознательного рабочего», как знаменитый «Манифест Коммунистической партии».

Работа Энгельса «Людвиг Фейербах», состоящая из четырех глав, сперва была опубликована в журнале германской социал-демократии «Нойе цайт» («Новое время»), в котором Энгельс сотрудничал с 1885 года.

Непосредственным поводом для обращения Энгельса к философии Фейербаха и ко всему связанному с ней комплексу вопросов послужил выход в 1885 году книги доктора философии К. Н. Штарке о Фейербахе. Редакция журнала «Нойе цайт» попросила своего постоянного сотрудника представить читателям разбор этой книги. Подвергая работу Штарке критическому анализу, Энгельс воспользовался возможностью дать «самое подробное... изложение исторического материализма из всех существующих»[2]. В этом изложении значительное внимание уделено и такой специфической форме общественного сознания, как религия. Но не только этим интересна рассматриваемая здесь работа Энгельса для пропагандистов атеизма. И философия Гегеля, и философия Фейербаха, и вся классическая немецкая философия, и смысл конца этой философии, и философия в целом как форма общественного сознания, и материализм как философское направление, и материалистическое понимание истории имеют для атеистической теории и практики большое значение.

Атеистические аспекты «Людвига Фейербаха» органически вписываются в творчество Энгельса начала 80-х годов, когда им были написаны статьи «Бруно Бауэр и первоначальное христианство» и «Книга Откровения». Религиоведческие проблемы интересовали еще молодого Энгельса — вспомним хотя бы его философские памфлеты 1842 года «Шеллинг и откровение» и «Шеллинг—философ во Христе», а также рецензию на «Прошлое и настоящее» Томаса Карлейля. Небезынтересно также, что одной из последних работ Энгельса стала статья «К истории первоначального христианства».

Классическая немецкая философия представлена такими именами, как Кант, Фихте, Гегель, Шеллинг. Вершиной ее была великая гегелевская идеалистическая система философии. После смерти Гегеля в 1831 году его философские почитатели распались на ряд групп, статус которых история философии представляет схематически как борьбу между правогегельянцами (старогегельянцами) и левогегельянцами (младогегельянцами). И первые и вторые стояли на идеалистических позициях, но резко отличались друг от друга по своему отношению к религии и государству.

Смерть великого мыслителя, собственно, и обозначила начало конца классической немецкой философии. Энгельсу этот самый конец представлялся тремя быстро следовавшими друг за другом этапами. Сначала — разложение гегелевской школы на ее же почве с появлением атеистического течения, враждебного и религии и государству. Затем — появление материалистического антипода всему гегельянству. И, наконец, — становление материалистического понимания истории.

Маркс и Энгельс подвергли критике «старый материализм», к которому примыкала и Фейербахова философия. Во вступлении к «Людвигу Фейербаху» Энгельс специально указывает, что такая критика была впервые предпринята Марксом в его «Тезисах о Фейербахе». Отмеченные обстоятельства стоит осветить несколько подробнее.

Марксовы «Тезисы о Фейербахе» были составлены в середине 40-х годов прошлого века, а появились в печати впервые в 1888 году. Они были подверстаны к первому **отдельному** изданию Энгельсова «Людвига Фейербаха». И сегодня мы отмечаем 90-летие именно этого события в истории развития марксистской мысли и в истории распространения идей марксизма.

Пропагандистам атеизма не следует упускать из виду то, что Энгельс дал своему произведению как бы «сдвоенное» название: в нем, кроме «Людвига Фейербаха», значится еще «...и конец классической немецкой философии». В оригинале Энгельсова заглавия стоит немецкое слово «der Ausgang». Кроме «конца», для которого в немецком языке есть эквивалент «das Ende», это слово обозначает «нисхождение», «заход», «закат» и т. п. Таким образом, **закат** классической немецкой философии Энгельс связывает с именем великого немецкого философа-материалиста Людвига Фейербаха.

Описываемый Энгельсом трехэтапно, закат классической немецкой философии является **вместе с тем** (именно для Маркса и Энгельса) и **отказом от старого атеизма**, процессом формирования **нового** атеизма, то есть — того атеизма, который обоснование для себя находит в материалистическом понимании истории.

Пропагандист атеизма всегда имеет в виду, что теоретический атеизм не может не соотноситься с общефилософскими взглядами. Общефилософские взгляды Маркса и Энгельса на протяжении трех — пяти лет (с 1841—1842 по 1845—1846 гг.) эволюционировали от идеализма к материализму. Это — одна из двух отмеченных Лениным линий их идейной эволюции. В историко-мировоззренческой формуле «от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму» Ленин выразил сущность также и заката классической немецкой философии, описанного Энгельсом в «Людвиге Фейербахе», и вместе с этим воспроизвел этот процесс во всей полноте. Вот эти три этапа[3]:

Левогегельянский идеализм. Основное имя здесь — Бруно Бауэр, самоназвание — «левогегельянство». И Фейербах, и Маркс, и Энгельс были левогегельянцами. Будучи атеистами, они не стали еще материалистами. Это — первый этап атеистической эволюции Маркса и Энгельса.

Фейербахианский материализм. Здесь самоназвание — «антропология». Маркс и Энгельс «стали сразу фейербахи-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 269—317.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 396.
[3] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 82, 51—52.

анцами», то есть они стали материалистами, вслед за Фейербахом. Это — второй этап и атеистической эволюции Маркса и Энгельса.

Марксистский материализм. Первые самоназвания — «реальный гуманизм» и «новый материализм». Маркс и Энгельс сформулировали материалистическое понимание истории. Это — завершающий этап и их атеистической эволюции тоже. Отныне новый атеизм развивается, как говорят, **на своей собственной основе.**

Вот каким образом этапы атеистической эволюции Маркса и Энгельса совпадают с этапами (точнее — являются выражениями этапов) заката (конца) классической немецкой философии. Вот как показан Лениным описанный в «Людвиге Фейербахе» процесс появления **нового** атеизма, **марксистского** атеизма, **пролетарского** атеизма.

Если пропагандисту атеизма придется отвечать на вопрос о том, почему название основного атеистического труда Энгельса «сдвоено», это рассуждение может быть для ответа использовано.

Вчитываясь в «Людвига Фейербаха», мы замечаем и другие интересные обстоятельства.

С обозначенными тремя этапами можно, очевидно, соотнести и три типа теоретического атеизма и три аспекта марксистских атеистических исследований, но об этом мы поговорим в следующей статье.

В юбилейной статье, однако, нельзя не отметить того, что «Людвиг Фейербах», будучи **основной** атеистической работой Энгельса, не был **единственной** его атеистической работой. К сказанному в начале статьи добавим, что неким рубежом здесь был совместный труд Маркса и Энгельса «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и К⁰»[4], вышедший в 1845 году.

До «Святого семейства» развитие Энгельсом атеистической теории ограничивалось критикой противников Гегеля и самого Гегеля. После же этого развитие Энгельсом атеистической теории было неотрывно от развития им материализма. Ярким примером такой неотрывности является и рассматриваемый нами труд.

Что хотелось бы выделить при рассмотрении этой работы прежде всего?

Развитие Энгельсом атеистической теории в этой работе связано и с положением о могуществе класса пролетариев как выражением марксистского понимания роли рабочего класса в общественном прогрессе.

Развитие Энгельсом атеистической теории в ней связано и с положением о могуществе человеческого познания. Речь об этом идет в тех местах, где критикуются философские направления, полагающие, что возможности человеческого познания принципиально ограничены (это — различные формы агностицизма). А о философских направлениях Энгельс говорит, излагая учение об основном вопросе философии.

Развитие Энгельсом атеистической теории, наконец, связано здесь и с его учением об основном вопросе философии. Об этом учении можно говорить как об одном из великих открытий Энгельса. Следует, таким образом, напомнить и о 90-летии этого открытия.

Эти-то три момента и представляются нам в работе «Людвиг Фейербах» самыми атеистически значимыми.

Лейтмотив **могущества** человека должен звучать в атеистической пропаганде не переставая. Ведь это именно **реальное** могущество каждой личности — как по ее принадлежности к трудовому человечеству, так и по ее приобщению к накопленному человечеством духовному богатству. В «тылу» же нашего пропагандистского воздействия **всегда** находится аргумент иллюзорности представления верующего человека о субъекте могущества — боге.

Со времени ее первого появления в отдельном издании работа «Людвиг Фейербах» без «Тезисов о Фейербахе» не выходила. Присовокупляя к своей работе одиннадцать тезисов из «одной старой тетради Маркса», Энгельс имел в виду преемственность идей середины сороковых годов прошлого века и идей середины восьмидесятых годов. Одной из этих идей и является положение о могуществе рабочего класса.

Пролетариат обретает свое право в борьбе, втягивая в свою борьбу всех трудящихся. Угнетатели, поработители, притеснители ему известны. Известен ему и избавитель: пролетариат освобождает себя сам, «своею собственной рукой». Перечеркивание «и бога, и царя, и героя» как избавителей по сути своей является перечеркиванием основной (социальной) функции бога. Таков прочный фундамент пролетарского атеизма.

Освободительное движение и освободительная теория являются залогом атеистического перевоспитания трудящихся в классовом обществе. Атеистическая теория является в свою очередь аспектом освободительной теории: иначе говоря, она есть аспект материалистического понимания истории. Сказанным значение атеистической теории нисколько не умаляется: наоборот, определение ее подлинного места в системе более общей теории не умаляет, а возвышает теорию менее общую. Важно лишь не упускать из виду тезис о неотъемлемости марксистской атеистической теории от марксистской социальной теории.

Вовлечь в социальную борьбу всех пролетариев.

Втянуть в социальную борьбу всех трудящихся.

Вдохновить на социальную борьбу трудовую интеллигенцию.

Пробудить к социальной борьбе все этнические и религиозные группировки общества.

Так понимает свою историческую миссию передовой отряд пролетариата — его революционная марксистская партия. Но последовательность (к примеру, «сначала — всех пролетариев») предписана здесь быть не может: все зависит от конкретно складывающихся обстоятельств и от степени зрелости того или иного отряда потенциальных революционеров, а также от состояния и силы воздействия открытых и скрытых консервативных сил общества.

Борьба с этими силами должна вестись неустанно, вестись она должна и во всех формах. Кроме того, и сил-то этих целый сонм!

«В лице государства перед нами выступает первая идеологическая сила над человеком», причем консервативность эксплуататорского государства определяется консервативностью его атрибутов власти.

Одной из великих консервативных сил общества является религия. И ее консервативность тоже определяется консервативностью ее атрибутов. Об этом в «Людвиге Фейербахе» Энгельс напоминает специально: «...Раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой».

Сила традиции... Во всех областях идеологии.

Кровная месть — не религиозная традиция, но религия ее освящает. Принцип «Разделяй и властвуй!» — не религиозная традиция, но религия одобряет и его. Национализм — это пережиток еще эпохи господства национальной религии, но христианство — мировая религия — против него лишь на словах («нет различия между иудеем и еллином...»), на деле же он религией всегда подогревается. И, наконец, традиция смирения, возникшая до мировых религий и вне религий, но совпадающая с традицией всех мировых религий.

По названию религией покорности является только ислам[5]. Но покорности требуют, покорность внушают, покорность вскармливают все три мировые религии: буддизм, христианство, ислам. И кроме них, это делают и синтоизм, и индуизм, и конфуцианство, и иудаизм и т. д. В этом-то и заключено средоточие консервативности религии.

И первейшие слова атеистических призывов Маркса и Энгельса — слова антирабства, антиэксплуатации, антипокорности. Но это же — призывы социальные! Так атеизм совпадает с социальным протестом.

И первейшие слова атеистического воспитания трудящихся масс, проводимого передовым отрядом пролетариев, — это слова горячего убеждения братьев по классу и всех сочувствующих делу их социального освобождения в необходимости сплочения, обеспечивающего единственно реальное противостояние всем консервативным силам общества, включая и религиозную. Это реальное противостояние и есть реальность политического могущества трудящихся масс.

Таковы некоторые соображения, возникающие при чтении Энгельса...

В ряду этих соображений нельзя не указать и на то, какое значение для атеистической теории, по Энгельсу, имеют достижения естествознания, как важно правильно их использовать в атеистической работе, чтобы убедить каждого человека в реальном могуществе науки.

В «Людвиге Фейербахе» Энгельс говорит о трех великих открытиях, благодаря которым «познание взаимной связи

[4] См. № 3 нашего журнала за 1975 г.
[5] «Ислам» (арабск.) — «покорность».

процессов, совершающихся в природе, двинулось гигантскими шагами вперед». Это — открытие клетки, познание закона сохранения и превращения энергии, создание эволюционной теории. Только благодаря этому и «прочим громадным успехам естествознания» стало возможно «дать общую картину природы как связного целого». Энгельс и ранее обращал особое внимание на то, что познание диалектики природы (превращение естественных наук из наук **собирающих** в науки **упорядочивающие)** подвело естественнонаучный фундамент **под наше мировоззрение.** То, чего не доставало новому материализму в процессе его формирования, было обретено естествознанием 40-х и 50-х годов XIX века и наукой более поздних лет. Эти достояния науки получили всестороннее отражение в работах Энгельса «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах», а также в незавершенном грандиозном труде «Диалектика природы».

Каково же отношение указанных открытий к атеизму? Прежде всего — оно в их обосновании старой атеистической мысли о животном происхождении человека. Затем — в оформлении атеистической мысли о несотворимости-неуничтожимости вещества и энергии (движения). Существование же клетки никогда не было философско-атеистическим предположением, но открытие клетки, то есть познание основы всего живого, как нельзя более приветствовалось теми мыслителями, которые отвергали постулат о сверхъестественном появлении жизни.

Когда Энгельс критиковал Фейербаха, он отмечал, что эти три великих открытия Фейербаху просто не были (не стали) известны и это неведение отразилось на характере материализма Фейербаха.

В «Людвиге Фейербахе» Энгельс касается, как мы уже заметили, не только материализма самого Фейербаха, но и прежнего материализма вообще. Он специально рассматривает вопрос об ограниченности старого материализма, указывая при этом на три обстоятельства.

Домарксистский материализм механистичен: закономерности, понятые на основе достижений механики, он пытался распространить и на другие сферы действительности. Домарксистский материализм метафизичен, то есть — не диалектичен: он не рассматривает явления окружающей действительности в их связи и развитии. Домарксистский материализм не распростраиялся на познание общественных явлений: он был материализмом внизу, идеализмом вверху.

Ограниченность домарксова материализма является одновременно и ограниченностью домарксова атеизма.

В частности, этому атеизму тезис о реальном могуществе человека во всей его полноте и значимости был неведом.

В «Людвиге Фейербахе» есть замечательные слова о том, что наука все более и более будет соответствовать интересам рабочего движения, интересам революционной борьбы пролетариата. Смысл их глубоко атеистичен: реальное могущество человека будет все возрастать!

Пытаясь доказать тщету человеческих устремлений, иные голоса в наши дни твердят о том, что сбываются ветхозаветные пророчества, и при этом ссылаются на пророка Исаию: «Земля осквернена под живущими на ней» (гл. 24, ст. 5). Пропагандисту атеизма нередко задают вопросы, связанные с экологией, с проблемами охраны среды обитания. Да, тревога по поводу экологических сдвигов непредвиденного характера оправдана. Но это не имеет никакого отношения к пророчествам Ветхого завета. И главное — это не опровергает Энгельсова положения о возрастающем могуществе человека как результате союза трудового человечества и науки. А проблема предотвращения осквернения нашей планеты будет совместными усилиями решена: осквернение ее вовсе не фатально!

В основе наших пропагандистских устремлений, имеющих отношение к проблеме «Наука и религия» («Наука и атеизм»), должны находиться и рассуждения Энгельса о науке, о познании, об истине, содержащиеся в «Людвиге Фейербахе».

Эти рассуждения сцементированы с отрицанием агностицизма, имеющего тенденцию ограничить принцип возможности познания «тайн» природы и общества, доходящую подчас до тезиса о непознаваемости сущности вещей вообще.

Усвоение всего изложенного в «Людвиге Фейербахе» поможет нам и в критике современного богословия.

Современные богословы, к примеру, признавая значение науки вообще, постулируют невозможность построения наукой ни учения о сущем, ни учения о должном. Попытку религии не упускать эти области идеологии из-под своей эгиды можно условно назвать «богословским агностицизмом». Он отвергается научным материализмом на основе общей антиагностической позиции.

В «Людвиге Фейербахе» Энгельс отстаивает общую антиагностическую позицию примерами достижений в цепи «кабинет ученого — лаборатория — производство». Его, в частности, поразило получение дорогостоящего красителя ализарина дешевым синтетическим путем. Наука, между прочим, синтезировала в прошлом и индиго, и кошениль, и другие красители. А в наши годы из лабораторий в промышленность переданы технологии получения доселе неведомых красителей.

Мы не будем касаться здесь имеющих большое значение для атеистической теории и для практики атеистической пропаганды иных Энгельсовых тезисов о науке. Можно ограничиться и тем, чем ограничился сам Энгельс в «Людвиге Фейербахе», а именно — достижениями химии. После выхода в свет книги «Людвиг Фейербах» здесь произошли значительные события. Небезынтересно отметить, что мировоззренческое осмысление отдельных достижений химии имеет сильное атеистическое звучание.

Так, после выхода «Людвига Фейербаха» потянулась цепь открытий химических элементов совершенно **новой** группы: инертные газы (гелий, аргон и др.). Первым из них был открыт еще за 20 лет до выхода «Людвига Фейербаха» гелий, но открыт только на Солнце. Вдумайтесь: химическое открытие на Солнце того, что неведомо на Земле! На Земле же (в земной атмосфере) его нашли уже после появления работы Энгельса. Затем нашли и другие инертные газы, в ряду которых самый тяжелый — радон. Вода из источника, содержащего этот радиоактивный газ в примеси (радоновая вода), приносит людям исцеление от болезней. Не «святостью», а по естественной причине! Таким образом наука разоблачила «святость» целительных действий некоторых давно «освященных» источников.

Обнаружение радона связано с открытием явления радиоактивности. Анри Беккерель в 1896 году обнаружил самораспад (естественную радиоактивность) урана. Затем было установлено, что радиоактивны 10 последних элементов (№ 83—92) тогдашней периодической таблицы. В 1934 году Фредерик Жолио-Кюри открыл искусственную радиоактивность. Создание технологии примешивания «меченых» атомов вооружило и промышленность, и сельское хозяйство, и науку новыми технологическими возможностями. Это способствовало также внедрению в практику радиокарбонного метода определения возраста археологических и антропологических находок, позволившего найти вещи «постарше» установленной теологами даты «сотворения мира».

Начиная с 1939 года периодическая таблица элементов заполняется искусственно получаемыми тяжелыми элементами, которых нет в земных условиях. Сегодня их известно уже 14 (№ 93—106). Человек сам создает то, что «для него» природа не приготовила.

В том же 1939 году было открыто деление ядер урана. На основе этого открытия была создана ядерная технология — и ядерное оружие, и управляемые ядерные реакторы.

В 20-е годы XX века с помощью физиков химики познали тайну периодической системы элементов, действительно проникнув в «святая святых» мироздания.

При жизни Энгельса от общей химии отделилась органическая химия; открытия в этой области знания особенно привлекали внимание Энгельса. Сегодня могуществом одной только органической химии рядом с привычным для нас миром вещей построен **совершенно** новый мир, «вторая природа» — совокупность веществ, каких в природе нет!

Современный атеизм с уверенностью противопоставляет как могущество социального творчества народных масс, так и социальный аспект могущества науки — измышленному богословием сверхъестественному могуществу. И делает он это, идя по пути, указанному Энгельсом в «Людвиге Фейербахе».

Выше уже подчеркивалось, что развитие Энгельсом атеистической теории связано и с его учением об основном вопросе философии. Мы знаем, что атеизм в целом (атеистическая теория) с материализмом в целом (материалистической теорией) полностью не совпадает. Однако тут необходима оговорка о **принципах,** а именно о том, что атеистический **принцип** как таковой с материалистическим принципом **совпадает абсолютно.** От принципов надо отличать разработку этих принципов. Разработка эта кое в чем тоже совпадает, но кое в чем и **разнится, не противореча,** однако: у материалистической теории и у атеистической науки просто имеются и разные проблемы. Но обратимся к принципу.

В «Людвиге Фейербахе», как уже говорилось выше, впервые изложено учение Энгельса об основном вопросе философии. «Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию». Такими словами начинает Энгельс изложение этого учения.

Если философ (или нефилософ) утверждает **первичность материи,** то есть полагает мышление (идеальное) явлением зависимым, то он придерживается материалистического принципа. С признанием **единственности** материальной субстанции совпадает и идейный базис атеизма.

Если философ (или нефилософ) утверждает **первичность сознания,** то есть полагает мышление (идеальное) явлением независимым, то он придерживается идеалистического принципа. С признанием неединственности материальной субстанции совпадает и идейный базис теологии. В частности, этот идейный базис может совпадать и с признанием единственности нематериальной субстанции (раз материя вторична, то она — не субстанциальна!).

Стержневым делением философов (на материалистов и идеалистов) Энгельс классификацию философских течений не ограничивает: «Но вопрос об отношении мышления к бытию имеет еще и другую сторону: как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности?.. Громадное большинство философов утвердительно решает этот вопрос... Но рядом с этим существует ряд других философов, которые оспаривают возможность познания мира или, по крайней мере, исчерпывающего познания».

Выше аргументация Энгельса против доводов этого «ряда философов» уже приводилась, она была расширена данными науки после выхода в свет «Людвига Фейербаха».

Учение Энгельса об основном вопросе философии исключительно богато по содержанию, и обсуждение атеистических проблем, связанных с основным вопросом философии, представляет особый интерес. Советские исследователи увязывают с ним ряд очень важных теоретико-атеистических проблем. О них разговор пойдет в следующей статье. Здесь же отметим, что с обретением материалистического понимания истории было осуществлено и качественное обновление материалистического решения основного вопроса философии.

Вот зафиксированный Энгельсом атеистический аспект материалистического решения основного вопроса философии: «Вне природы и человека нет ничего, и высшие существа, созданные нашей религиозной фантазией, это — лишь фантастические отражения нашей собственной сущности». Таково Фейербахово опровержение теологии и идеалистической философии в изложении Энгельса. Но как «материалист внизу» Фейербах «нашу собственную сущность» отождествлял с биологической (физиологической, психологической) сущностью. А «материалист вверху» Энгельс основу «нашей собственной сущности» отождествляет с сущностью социальной.

90 лет назад Энгельс подчеркнул, «как далеко ушли мы теперь от Фейербаха», и напомнил о том, что за 40 лет до того культ «абстрактного человека» — это ядро новой религии («этой новой религии любви»), Фейербаховой религии без бога, был заменен «наукой о действительных людях и их историческом развитии». Имя этой науки, созданной Марксом и Энгельсом, материалистическое понимание истории, или исторический материализм. И эта наука, и рабочее движение, которому эта наука соответствует тем более, «чем смелее и решительнее выступает», являются наследниками немецкой классической философии.

Этими словами заканчивает Энгельс свою работу о замечательном немецком философе-материалисте Людвиге Фейербахе.

О чем писали русские газеты и журналы в мае 1878 года

В Пермском окружном суде разбиралось с участием присяжных заседателей дело об убийстве отставного рядового из татар Султана Чувашева... Из судебного следствия выяснилось следующее: в 25 верстах от г. Перми в татарской деревне Кояновой проживал отставной солдат татарин Султан Чувашев. Как человек, успевший несколько цивилизоваться во время службы, Чувашев на родине оказывал явное пренебрежение к учению Корана и этим навлек на себя ненависть и преследование местных мулл. Однажды муллы вместе с волостным начальством схватили Чувашева, вымазали ему лицо сажею, растертой на сале, и, завязав назад руки, в таком виде повели его по деревне из одного конца в другой, постегивая его по спине розгами... После этой публичной казни Султан Чувашев был посажен в арестантскую при волостном правлении, где и содержался в течение 3 месяцев, перенося всевозможные несправедливости и притеснения со стороны волостных начальников, которые, будучи во всем солидарны с муллами, составили приговор о высылке Султана Чувашева в Сибирь на поселение. Приговора этого начальство не утвердило и велело Султана освободить. Когда он получил свободу, то ходил в город с жалобою на действия мулл и волостное начальство. Узнав это, муллы и волостное начальство стали теснить пуще прежнего не только самого Султана Чувашева, но и его братьев. Неизвестно, долго бы все это продолжалось, только Султану Чувашеву пришлось снова отправиться в Пермь с жалобою на своих притеснителей, и больше он в свою деревню не возвращался. Полагают, что Султан Чувашев был убит по инициативе фанатичных мулл.

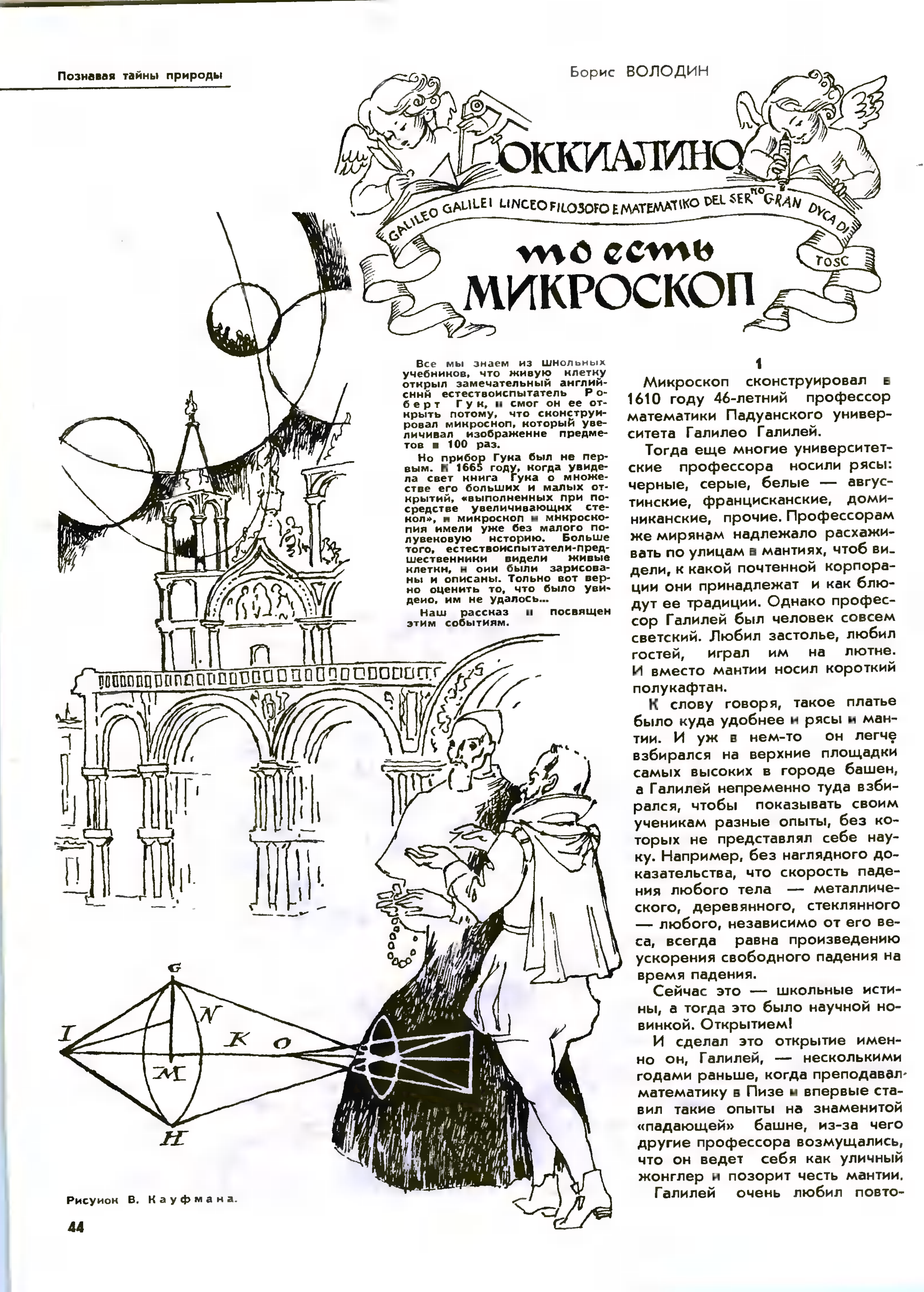
«Миссионер»

Перед нами процесс штундистов... Является вопрос: за что же эти люди сидели в тюрьме, когда жизнь их была совершенно безупречна, когда по закону безвредные секты терпятся господствующею церковью? В конце концов оказывается, что веротерпимость, хотя бы в рамках, допущенных нашим законодательством, нарушается и достаточно показания какого-нибудь сельского писаря, бывшего даже и на судебном заседании в нетрезвом состоянии, чтобы не только произошло вмешательство в свободу совести, но и нарушение свободы личности.

«Дело»

Борис ВОЛОДИН

ОККИАЛИНО то есть МИКРОСКОП

Все мы знаем из школьных учебников, что живую клетку открыл замечательный английский естествоиспытатель Роберт Гук, и смог он ее открыть потому, что сконструировал микроскоп, который увеличивал изображение предметов в 100 раз.

Но прибор Гука был не первым. К 1665 году, когда увидела свет книга Гука о множестве его больших и малых открытий, «выполненных при посредстве увеличивающих стекол», и микроскоп и микроскопия имели уже без малого полувековую историю. Больше того, естествоиспытатели-предшественники видели живые клетки, и они были зарисованы и описаны. Только вот верно оценить то, что было увидено, им не удалось...

Наш рассказ и посвящен этим событиям.

1

Микроскоп сконструировал в 1610 году 46-летний профессор математики Падуанского университета Галилео Галилей.

Тогда еще многие университетские профессора носили рясы: черные, серые, белые — августинские, францисканские, доминиканские, прочие. Профессорам же мирянам надлежало расхаживать по улицам в мантиях, чтоб видели, к какой почтенной корпорации они принадлежат и как блюдут ее традиции. Однако профессор Галилей был человек совсем светский. Любил застолье, любил гостей, играл им на лютне. И вместо мантии носил короткий полукафтан.

К слову говоря, такое платье было куда удобнее и рясы и мантии. И уж в нем-то он легче взбирался на верхние площадки самых высоких в городе башен, а Галилей непременно туда взбирался, чтобы показывать своим ученикам разные опыты, без которых не представлял себе науку. Например, без наглядного доказательства, что скорость падения любого тела — металлического, деревянного, стеклянного — любого, независимо от его веса, всегда равна произведению ускорения свободного падения на время падения.

Сейчас это — школьные истины, а тогда это было научной новинкой. Открытием!

И сделал это открытие именно он, Галилей, — несколькими годами раньше, когда преподавал математику в Пизе и впервые ставил такие опыты на знаменитой «падающей» башне, из-за чего другие профессора возмущались, что он ведет себя как уличный жонглер и позорит честь мантии.

Галилей очень любил повто-

Рисунок В. Кауфмана.

рять свои опыты и радовался, что все выходит всегда одинаково — любой истинный естествоиспытатель получает наслаждение, когда результат всякий раз послушно повторяется: значит, результат верен и верен закон, которого до него никто не знал! Вот это и было в Галилее главным и помогло ему создать теорию маятника, сконструировать пропорциональный циркуль и водоподъемную машину, открыть закон инерции, положить вслед за Коперником начало современной астрономии и, кроме прочего, придумать микроскоп.

Впрочем, конструировал он, собственно говоря, «оккиале», или «новые очки», — так итальянцы называли тогда зрительную трубу. Но Галилею пришло в голову так поставить линзы в зрительной трубе, чтобы они увеличивали не изображения кораблей, вплывающих в бухту, или лунных гор, находящихся вон как далеко, а самые маленькие, можно сказать, ничтожные предметы, положенные прямо перед объективом прибора. Его микроскоп был не новым самостоятельным изобретением, а видоизменением, модификацией предыдущего инструмента. Первое решение было очень простым: он увеличил расстояние между линзами — то ли в полтора, то ли в два раза. Правда, для этого пришлось удлинить трубу. Длина его первого телескопа была 2 метра 39 сантиметров. А первого микроскопа — то ли три с половиной метра, то ли пять.

2

Вообще-то Галилею по его делам и замыслам не к чему было в 1608—1610 годах заниматься конструированием зрительных труб. Ему надо было заканчивать «Трактат о движении», плод двадцатилетних наблюдений, опытов и постоянного думания, основу основ будущей классической механики — то, с чего теперь начинаются учебники. И еще ему надо было написать о своих опытах с магнитом и о сопротивлении твердых тел разрушению. И у него на плечах была семья, а с нею сложные отношения...

Но в это время до Венеции докатилось известие, что в Голландии изобретены зрительные трубы.

«Очковых дел мастера» — сразу двое — Иоанн Липперсгей из Мидлбурга и Якоб Андриансен, по прозвищу Мециус из Алькмаара, привезли в Гаагу изготовленные ими «перспективные трубы» в конце сентября 1608 года. Но пока они добивались, каждый для себя, от Генеральных Штатов исключительной привилегии на право изготовлять и продавать такие трубы, пока убеждали чиновников, что новый инструмент чрезвычайно важен для военного и военно-морского дела, и пока каждый из них доказывал в столице, что только он, а не его конкурент, обладает подлинным секретом изобретения, венецианской синьории все их секреты стали известны уже в октябре, а французский посол при Генеральных Штатах ухитрился приобрести такую трубу для своего короля.

В синьории Венеции высокий пост занимал друг Галилея, образованный монах Паоло Сарпи, в свое время он сам пытался построить увеличительный прибор из параболических линз — увы, неудачно, ибо выбрал не те линзы: надо бы простые, сферические. Донесение о голландских «новых очках» попало, конечно, к Сарпи. Да и сам Галилей получил из Парижа письмо от знакомого. Там, оказывается, зрительные трубы уже продавали на одном из мостов через Сену, и бойкий торговец, зазывая кавалеров, способных выложить за его товар запрашиваемую сумму, особенно напирал на то, что с помощью зрительной трубы покупатели могут издалека увидеть, например, ножки посторонних дам, когда, выходя из кареты, они приподнимают длинные платья. Знакомый Галилея держал изобретение в собственных руках: это — труба из белой жести, длиной чуть больше фута, на каждом из концов ее по стеклу для очков. Стекла не одинаковы, и они действительно создают увеличенные изображения домов, деревьев, лошадей, людей.

Галилей как физик быстро прикинул, что в трубе, видимо, установлены плосковыпуклая и плосковогнутая линзы и как обе эти линзы должны быть взаимно расположены — он же знал законы преломления луча на сферических поверхностях! Изобразил все на чертежике, заказал мастеру-оптику Бацци отшлифовать выпуклую и вогнутую линзы и сделать из свинцового листа корпус. Все получилось по расчету, думать об этом дальше было не к чему, можно было воротиться к своим делам, ученикам, заботам, а главное — к трактату о движении.

Однако в это время в Венеции явился вдруг некий чужестранец и предложил продать республике за тысячу цехинов увеличительную трубу, будто бы им изобретенную, и, главное, ее секрет, дабы венецианские мастера могли затем оснастить такими трубами весь флот и армию: капитаны смогут издали различать чужие корабли, рассматривать чужие берега, а военачальники — чужие позиции, чем тотчас приобретут неизмеримые преимущества перед неприятелями. Тысячу золотых чуть было не заплатили — Сарпи было поручено немедля разобраться в этом деле. Но хотя прибор чужестранца действительно приближал далекие предметы, изображение получалось таким нечетким, что Сарпи усомнился, удастся ли сквозь эту дудку вообще отличить турецкую боевую галеру от своей, венецианской. А хозяин прибора держался твердо: он не позволял вскрывать трубу, смотреть, как устроена, и пробовать что-то в ней переделывать. Не предполагая, что его собеседник не хуже его смыслит в оптике, он напыщенно твердил, что внутри трубы находится некий особенный «главный секрет», который стоит требуемой суммы. И тогда Сарпи указал иноземцу на дверь. Он вспомнил: у них есть Галилей, он может создать не игрушку, а настоящий увеличительный прибор.

3

У Галилея были предшественники. В Ватиканской папской библиотеке хранилась рукопись сочинения Роджера Бэкона «Перспектива», которое было частью так называемого «Главного труда для папы Климента IV». Бэкон описал в ней сферическую аберрацию — искажение изображения в зеркалах, а также преломление луча в стекле со сферической поверхностью. В XIII веке, еще накануне изобретения очков, он предсказал: «Прозрачные тела могут быть обработа-

ны так, что отдельные предметы покажутся близкими и наоборот... Можно придать им такую форму, что большое покажется малым, высокое — низким, скрытое станет видимым». У этого блистательного францисканца было много таких научных идей, которые обогнали его время.

Идею оптического прибора, способного сделать видимыми и далекие и мельчайшие объекты, обсуждал в начале XVI века великий Леонардо да Винчи. А за ним и Джироламо Фракасторо, замечательный врач — первый, кто предположил невероятное: что существует невидимое начало, нечто живое — наподобие как бы крохотнейших существ,— которое передает заразные болезни.

«Если бы кто-нибудь, — написал Фракасторо, — посмотрел через два очковых стекла, расположенных друг над другом, то он увидел бы все сильно увеличенным и приближенным». И сделал вывод, что для достижения цели нужно изготовить очень толстые очковые стекла.

Затем — спустя всего лет 40 — Мавролик по-новому объяснил ход лучей в очках и сквозь малые отверстия. Он открыл явление сферической аберрации уже не в зеркалах, а в линзах — искажение изображения за счет их кривизны. И Джамбаттиста делла Порта изобрел «камеру обскуру» — темный ящик, в отверстие коего было вставлено выпуклое очковое стекло. На задней стене камеры получалось перевернутое уменьшенное изображение предметов, которое можно было перерисовать,— то была будущая фотокамера. (Иоганн Кеплер, например, использовал «камеру обскуру» для наблюдений за затмением ослепительного Солнца и зарисовал фазы затмения.) И, кстати, изобретатель камеры — делла Порта в своей «Естественной магии» и в другом сочинении — «О рефракции» — утверждал, что именно комбинация выпуклой и вогнутой линз позволит видеть отдаленные предметы. И, наконец, в дни Галилея — рядом с ним, его коллега по Падуанскому университету прелат Марк Антоний де Доминис объяснил образование радуги преломлением света в мельчайших капельках воды и сам фра Паоло Сарпи ставил опыты с призматическими линзами. Всеми ими было накоплено изрядное число мыслей и наблюдений, будто специально раскрывавших и объяснявших пути и затруднения, с которыми будет связано конструирование увеличительных приборов, и почти все они пришли на помощь Галилею. Изобретение, что называется, носилось в воздухе, и многие прилежные «мастера очковых дел», искусные шлифовщики, кропотливые работники, вслепую бились над подбором и перестановкой линз, стараясь улучшить инструменты.

А Галилей?.. Вот что написал об этом он сам: «...Я же, движимый знанием этого факта, изобрел ее (зрительную трубу) путем процесса рассуждения».

Раскладывая мысленные пасьянсы из наблюдений и закономерностей, по крупице накопленных предшественниками и современниками, он добился от следующих своих «оккиале» и восьмикратного и двадцатикратного увеличения, и лучшей четкости изображения.

4

Первую усовершенствованную трубу Галилей преподнес венецианскому дожу. То был дар республике: теперь ее флот и армия станут дальнозоркими. Господа из синьории были потрясены: с колокольни собора святого Марка они увидели в море — милях в 30 — корабли, которые стали видны вдали невооруженным глазом лишь через два часа, хотя шли на всех парусах.

Следующую трубу — с двадцатикратным увеличением — Галилей нацелил на небо.

Был конец декабря 1609 года, четвертая ночь после новолуния. В эту ночь он увидел, что Луна — не гладкая, что на ней горы и впадины — она как Земля.

И в ту же ночь он обратил трубу на Млечный путь, который, как всем тогда было точно известно, есть «уплотнение земных испарений, принадлежащее подлунному миру». Но Галилей увидел, что это не уплотнение и не подлунное. Это — скопление бесчисленных далеких звезд, и, значит, прав был страдалец Джордано Бруно, твердивший, что миров — множество, что все планеты — это земли, а звезды— солнца!..

И спустя еще несколько дней, 7 января 1610 года, в ясную зимнюю ночь Галилей рассмотрел близ Юпитера крохотные обращавшиеся вокруг него звездочки. И почти сразу у него возникла мысль, что по смещению этих звездочек можно вычислить географические координаты корабля — через сто лет навигаторы использовали эту идею.

Трубе, которая облагодетельствовала его первыми открытиями, Галилей дал имя, как кораблю: «Conspicilla» — «Наблюдательница», «Созерцательница».

Чего только она не открывала его глазу! Галилей даже боялся сразу сообщать о последующих открытиях, ибо первые открытия и так уже были приняты в штыки и нужно было самому многократно убедиться в истинности увиденного — в необычности облика далекого Сатурна и фазах Венеры. Но так можно было и упустить первенство открытия!.. И он стал, как это делалось тогда, оповещать о своих открытиях анаграммами — бессмысленным набором букв, из этой абракадабры можно было составить латинские слова: «Высочайшую планету тройною наблюдал» или «Мать любви подражает видам Цинтии», то есть Венера видна в тех же фазах, что и Луна, а следовательно, она тоже вращается вокруг Солнца.

Он засекречивал свои открытия на время — до полного подтверждения. И, подтвердив, оглашал расшифровку. Но ему даже мысли не приходило скрывать от человечества «тайны, упрятанные внутри трубы».

«Звездный вестник» — так Галилей назвал книгу о первых своих астрономических открытиях. В ней была схема инструмента, описание Луны и спутников Юпитера.

Кеплер, которому он послал в Прагу тонкий томик своего «Звездного вестника» с просьбой об отзыве, не только ответил восхищенным письмом — вскоре, кстати, изданным, но еще ввел в астрономию понятие «сателлит» — спутник планеты — и далее разработал не просто новую, более совершенную схему конструкции, а уже теорию телескопа. Кеплер открыл «полное внутреннее отражение в зрительной трубе» — с этого нача-

лась истинная наука об оптических инструментах.

А Галилей продолжал работать над новыми трубами, как работал прежде. Одну из новых он преподнес герцогу Медичи. А «Conspicilla», впервые раскрывшая человеку подлинный облик неба, была им подарена славному сообществу ученейших мужей, которое решило избрать Галилея своим членом, — Римской «Академии Линчеев», если произносить ее название по-итальянски, или «Линкеев» — если по-гречески.

Эту академию в 1603 году основал просвещенный маркиз Федерико Чези. И он сам придумал основанному содружеству ученых это имя — истинно поэтическое. Название Accademia dei Lincei обычно переводят «Академия зорких, как рысь», или «рысеглазых», потому что «lynx» на латыни «рысь», и в итальянском языке «рысь» — слово нарицательное, символ зоркости. Но Чези не это имел в виду — ведь просвещенные люди Возрождения мыслили образами античной поэзии, а Линкей — имя героя греческих мифов, которого боги наделили такой зоркостью, что он видел все — даже сквозь воду, сквозь землю и камни. И когда дружина героев собралась на корабле «Арго» в плавание за золотым руном, Ясон сделал Линкея «впередсмотрящим». Так оно стало титулом, по сей день носимым членами Римской академии наук. Кстати, один из собратьев-линкеев — грек Демисиано — окрестил «Созерцательницу» телескопом, составив ее новое имя из слов «teles» — «далекий» и «scopeo» — «вижу».

Недруги из падуанских, болонских, римских астрологов и философов ополчились против его великих — уж он это знал — открытий. Кричали на всех перекрестках, что Луна — гладкая, и что никаких спутников у Юпитера быть не может, и все, о чем Галилей написал в «Звездном вестнике», либо изъяны стекол, либо обман зрения, либо злостная своекорыстная ложь.

И не было иного выхода, как продолжать совершенствовать не «оккиалино» — его трубы-малышки, а телескопы, и ночь за ночью всматриваясь в черное небо, добывать и добывать доказательства своей правоты.

Он бросил университет, где его оскорбляли, и уехал из Падуи во Флоренцию — в придворные математики к Медичи. Все осталось при нем — долги, незавершенные трактаты, заботы о детях, болезнь суставов, необходимость отбиваться от нападок догматиков.

Не было ни времени, ни возможности тратить себя на что-то другое. И потому на 20 лет судьба микроскопа переместилась в другие страны.

5

История всегда создается сегодня, а пишется потом.

Правда, сразу она тоже пишется, но что в ней было по-настоящему для человечества важно и хорошо, а что — не обязательно и даже совсем не нужно и не хорошо, чаще становится ясно спустя лишь века, когда время не раз взвесит на своих весах прошлые события.

Точно так же венецианских хронистов в 1610 году не заботило изобретение микроскопа. Да и сам Галилей ценил его меньше телескопа. Зато его сразу приметили мастера-оптики. Известие о трубе, в которой муха кажется столь же большой, как курица, вскоре достигло Голландии, и — не известно, в каком точно году — мидлбургский «очковых дел мастер» Захариас Янсен изготовил такой же длинный инструмент и тотчас подарил его главе правительства Нидерландов принцу Морицу Оранскому.

Говорят, узнав о диковинном приборе, доставшемся принцу Морицу, ужасно распалился эрцгерцог Альберт — правитель Бельгии, зять покойного испанского короля Филиппа II. По одним слухам, именно тот же Янсен изготовил для него микроскоп, хотя принадлежавшая Испании Бельгия враждовала с Нидерландской республикой. А вот по другим сведениям, микроскоп эрцгерцога выглядел иначе — будто бы он был длиной всего в полтора фута, в полметра, и труба его была вертикально закреплена на подставке из черного дерева посредством трех позолоченных медных кронштейнов, сделанных в виде причудливых дельфинов.

Но все дело в том, что именно такой микроскоп с дельфинами — и не один! — был изготовлен не в Голландии, а в Англии, году в 1619. Впрочем, создатель его по рождению тоже голландец.

То был Корнелиус Дреббель — человек, несомненно, талантливый и лихой. Он занимал при дворе английского короля Иакова I должности придворного математика и придворного астролога, то есть главного естествоиспытателя и главного гадальщика. Обе эти обязанности были равно привычны и необходимы, поскольку король Иаков сам написал ученые труды о колдовстве и о вреде табака, заслужив многогранностью своей натуры сразу два прозвища: гласное — «король-философ» и негласное — «самый умный дурак во всем христианском мире».

Неизвестно, хорошо ли Дреббель исполнял при нем свою вторую обязанность, но вот первую он исполнял отлично: был в науке сведущ и соорудил немало физических приборов — в том числе несколько сложных микроскопов.

Заметим, Дреббель был родом из Алькмаара и, по слухам, учился шлифовке линз у Якоба Андриансена-Мециуса, который сработал одну из первых подзорных труб. Но он оказался не просто мастеровым, способным лишь вслепую в бесконечных пробах искать лучший вариант конструкции; он был, как говорили тогда, математик, а по-нынешнему физик, способный теоретически мыслить. И, видимо, все произошло так, как в свое время у Галилея с телескопом: «движимый знанием факта», Дреббель изобрел микроскоп «путем процесса рассуждения». Откуда взялось знание факта — на самом деле не столь уж важно. Но скорее всего Дреббель узнал именно о Галилеевом «оккиалино», ибо как раз в это время в Лондоне появился не кто иной, как Марк Антоний де Доминис, который до 1611 года тоже преподавал философию в Падуе, объяснил, как получается радуга, а потом стал архиепископом Далмации, заслужил обвинение в ереси и, спасаясь от инквизиции, решил искать прибежище при дворе английского «короля-философа», у которого даже первый слуга — он же

«правитель государства» и верховный судья — лорд-канцлер Фрэнсис Бэкон, барон Веруламский, тоже был философ.

Для хода наших событий пока несущественно, что великий философ Бэкон, создавший «науку наук» — методологию научного познания, вскоре бесславно потерял свой пост и титулы, поскольку парламент уличил его во взятках на сумму одиннадцать с половиной тысяч фунтов. Так же несущественно, что и эмигрант Доминис из-за своих сугубо религиозно-церковных проектов, не имевших отношения к науке, вскоре оказался «королю-философу» не ко двору, был принужден покинуть Англию, попал в лапы инквизиции и погиб. А существенно, что естествоиспытатель Доминис видел в Падуе неуклюжее Галилеево детище: для специалистов по оптике устройство секрета составлять не могло — ни для него, ни для Дреббеля.

Главный королевский гадальщик доказал, что он сведущ в этом деле. В инструменте Галилея были выпуклая и вогнутая линзы; Дреббель установил в своем приборе два выпуклых стекла — по выкладкам теории Кеплера. Именно знание теории сразу позволило создать инструмент, которым можно было пользоваться, — с короткой, всего в полтора английских фута, трубой. (Позолота на медном кожухе, подставка из черного дерева, кронштейны в виде дельфинов — это дань обычаю: нельзя ведь, чтобы важный прибор был наг и некрасив.) В знаменитом «Новом Органоне», увидевшем свет в 1620 году, Фрэнсис Бэкон счел непременным объяснить просвещенным своим читателям возможное значение для Новой Науки тех недавно изобретенных зрительных приборов, «которые, сильно увеличивая видимые размеры тел, показывают их явные и невидимые подробности».

Как видите, у микроскопа еще нет имени, тем не менее философ говорит о нем как о предмете, его читателю так или иначе известном, и тщательно описывает достоинства и даже недостатки этого нового инструмента познания.

«...Мы не без удивления, — рассуждал он, — различаем в блохе, мухе, червяке точные очертания и линии тел, а также цвета и движения, не замечавшиеся прежде. Более того, говорят, что прямая линия, проведенная пером или карандашом, представляется через эти стекла очень неровной и извилистой...— Он далее сетовал: — Ведь эти стекла пригодны только для мелких частиц. Если бы их увидел Демокрит, он бы возликовал, думая, что открыт способ видеть атом, который, как он утверждал, совершенно невидим. Однако неприменимость стекол этого рода ни к чему, кроме мелких частиц (да и то, если они принадлежат не слишком большому телу), ограничивает полезность этой вещи. Ибо, если бы можно было распространить это изобретение на большие тела или частицы больших тел, так, чтобы возможно было различать строение льняной ткани, как сети, и подобным же образом различать скрытые частицы и неровности драгоценных камней, жидкостей, мочи, крови, ран и многих других вещей, то, несомненно, можно было бы извлечь из этого изобретения большую пользу».

Так заключил он это рассуждение и обратился к описанию достоинств другого инструмента познания — Галилеева телескопа.

Не правда ли, Бэкон пророчески назвал немало из будущих объектов микроскопических исследований. И, кстати, «Новый Органон», в котором все это было сказано, быстро сделался во всей тогдашней ученой Европе книгой весьма популярной.

И все же не станем преувеличивать быстродействие упомянутого философского сочинения. Ценность подзорных труб в пояснениях не нуждалась: их нарасхват покупали моряки и военачальники, а каждый из истинных естествоиспытателей считал непременным изготовить собственноручно или—что реже—заказать для астрономических наблюдений телескоп в надежде на новые открытия, равные Галилеевым. Но на микроскопы спрос появился пока только как на игрушку. И не столько благодаря Бэкону, сколько благодаря самому Корнелиусу Дреббелю. Он послал своего зятя на континент — рекламировать микроскоп. Зять побывал в Бельгии, во Франции, добрался до Италии, неожиданно умер в Риме, но успел добыть Дреббелю заказы и славу. Так изобретение Галилея начало независимую жизнь.

...Вслед за Дреббелем торговать микроскопами принялись другие английские оптики. А в Германии Афанасий Кирхер создал дешевую и простую рыночную модель — разукрашенная трубочка, ни подставок, ни кронштейнов, бери, наводи на свет и рассматривай чудеса. И оборотистые нюрнбергские ремесленники завалили Европу этими «vitra pulicaria» — «блошиными стеклами» (или—для вящего приличия — «muscaria», «мушиными»).

Ян Гевелий, выдающийся польский астроном, писал тогда в книге «Селенография»: «Третий род труб составляет микроскоп, который обычно называют еще «мушиным стеклом». Он показывает маленькие тельца или зверьков, не заметных самому острому глазу, величиною с верблюдов или даже слонов, так что сами наблюдения доставляют крайнее удивление и потеху. Состоит же он из двух стекол и трубки, толщиною около дюйма, перед которой и помещают частицы. Одно стекло, располагаемое около глаза, выпуклое... другое...— простое плоское стекло, назначение которого лишь в том, чтобы пропускать свет».

В этой книге, вышедшей в 1647 году, Гевелий сделал обзор тогдашних достижений науки. Он справедливо упомянул о существовании прибора, но о важных научных результатах, уже полученных с его помощью, не сказал — Гевелий просто не знал о них. А вот тому, что эти первые результаты все-таки были получены еще за 20 лет до Гевелиевой книги, мир обязан снова Галилею.

6

Весть о приборах Дреббеля подхлестнула Галилея, и он вернулся к своему «оккиалино», своей «трубе-малышке». В 1624 году Галилей переконструировал «малышку» — он сделал линзы более короткофокусными, а поэтому и трубу короче; по

его словам, инструмент стал «высотой не более чем обеденный стол», а кроме того, труба уже была раздвижной, можно было менять наводку. Вот такую модель он и подарил «Академии Линкеев».

Наука, прежде умозрительная, становилась экспериментальной. Этого требовало время, этого требовало мануфактурное производство, которое вытесняло средневековое цеховое ремесло. Для жизни нужны были не умозрительные рассуждения, не догадки, не заклинания алхимиков, а технология стекла, металла, крашения, химической перегонки и прочего. Но в университетах все еще задавали тон богословы. На одном из диспутов Галилей любезно предложил философу Кремонини самому посмотреть в окуляр зрительной трубы на Юпитер и увидеть недоступные простому глазу спутники, но Кремонини невежливо ответил: «И смотреть не хочу!..»

...Люди, которые «и смотреть не хотят», позднее тоже встречались, спустя годы и даже века. Но в «Академии Линкеев» не замедлили использовать подарок Галилея. Уже в 1625 году «рысьеглазый» Стеллути опубликовал описание строения органов пчелы, сделанное посредством новой зрительной трубы, и первые микрографии — рисунки того, что было увидено при увеличении в 35—40 раз. Стеллути установил, что глаз пчелы имеет фасеточное строение.

И в том же году «впередсмотрящий» Иоганн Фабер прислал Чези письмо, где писал, что новорожденному прибору пора дать имя. И коль прибор для исследования крупных тел уже назван теле-скопом, то по аналогии имя инструмента для наблюдения за мельчайшими телами подобает, как водится в ученом обществе, образовать также из древнегреческих слов «мельчайшее» и «вижу»: микро-скоп.

Так родился термин, который упомянет в своей книге Гевелий.

А вслед за Стеллути микроскопическими исследованиями занялся и сам Федерико Чези, вельможный основатель Римской академии.

...Впрочем, мы на самом деле не знаем, занялся ли он ими «вслед за Стеллути», или одновременно с ним, или прежде него. Ведь микроскоп хранился в его вилле — вместе с «Созерцательницей» и другими приборами и коллекциями, подаренными ученому братству, ибо дом Чези был «домом Линкеев», — здесь они собирались для своих философских бесед и для совместных наблюдений и опытов. Точно известно только одно: сообщение о своем открытии, сделанном благодаря микроскопу, Федерико Чези опубликовал через три года после выхода работы Стеллути.

Чези был увлечен ботаникой, и в ту пору его занимал вопрос: как размножаются папоротники. У всех растений цветы и соцветия превращаются в плоды или колосья. Семена, в плодах и колосьях созревшие, падают в почву, чтоб дать начало новым особям, но никто никогда не видел еще плодов и семян папоротника и никто никогда не придавал никакого значения ни мелким пятнышкам, которые появляются на причудливо рассеченных папоротниковых листьях, ни той темной пыли, которая сыплется с них.

Первейшее из отличий истинного естествоиспытателя в том, что он по-чудачески задумывается над предметами, которые всем остальным людям кажутся предельно понятными и потому не заслуживающими никакого внимания. Чези проявил себя как истинный естествоиспытатель: он решил узнать, что представляют собой эти пятнышки и эта пыль на папоротниковых листьях, — благо, у него было теперь средство, позволявшее видеть мельчайшие вещи увеличенными в 40 раз. И он сунул листик папоротника под объектив того второго Галилеева микроскопа, о котором мы знаем только, что прибор этот был высотой не более чем обеденный стол.

Чези увидел, что пятнышки — это не скопление пигмента, а особые органы, похожие на мешочки, из них-то и высыпается бесчисленное множество точечных темных телец. А вскрыв тонкой иглой мешочки, он увидел, что часть таких телец прикреплена к стенкам этого «плодовместилища».

...Даже если бы по волшебству микроскоп, которым пользовался Чези, увеличивал бы не в 40, а в 240 раз и изображение было бы идеально четким, Чези не смог бы понять до конца, с чем он имеет дело.

Ничто не выталкивало его из логического ряда привычных понятий. К тому же он нашел то, что искал, и был этим счастлив.

Мешочки, в стенках которых созревали точечные тельца, чтоб, отделившись, быть разнесенными ветром, он признал за плодовместилища. Крохотные тельца были тем, чем папоротник размножается. Папоротник — растение. Растения размножаются семенами. Семена могут быть большими, как кокосовый орех, и крохотными, как эти тельца. Итак, это — семена папоротника.

...Со временем наука познает различие между высшими и низшими растениями, между семенами одних и спорами других. Мешочки, открытые Чези, будут названы «спорангиями», тельца — спорами и будет понято, что спора — это отдельная клетка.

Но все это произойдет десятки и сотни лет спустя.

Ведь еще целых семь лет должно пройти до рождения Роберта Гука, которому суждено сначала увидеть множество ячеек, из каких состоит ткань коры пробкового дерева, а затем — ячейки в ткани бузины, камыша, стеблей укропа и трав и, увидев все это, пророчески спросить: не является ли такая структура общей схемой строения всех растений? (А ведь он задал этот вопрос!)

Ведь еще 166 лет предстоит затем созревать науке, чтобы Теодор Шванн сформулировал понятие о клетках как элементарных частицах всех организмов, которым свойствен один и тот же принцип развития.

И затем — еще 16 лет пройдет до рождения великой формулы Рудольфа Вирхова: «Omnis cellula e cellula»—«каждая клетка только от клетки».

Был всего лишь 1628 год.

И Чези был первым, кто увидел отдельные живые клетки. Он их увидел, зарисовал, угадал их конкретную функцию, хоть и не понял их сущности как «элементарной единицы» живого.

Что ж, на все требовалось время.

Евгения СЕРГИЕНКО

Рисунки Р. Авотина.

ШТРАФНОЙ БАТАЛЬОН

РОМАН

Андрей учился уже в восьмом классе, и Виктору Николаевичу всякий раз, когда он видел, как мальчик уходит со двора, представлялось помимо воли одно и то же: вот Андрюша пройдет арку ворот, растворится в солнечном пятне бульвара и больше никогда не вернется.

— Андрюшенька, сынок! — кричал Курносов, высовываясь из окна, а высокий стройненький подросток в тесноватой школьной форме оборачивался:

— До свидания, па-а. Ты зайдешь за мной?

— Ну, конечно!

Виктор Николаевич работал неподалеку техником в телевизионном ателье и в обеденный перерыв приходил к школе встречать сына. Они вместе возвращались во двор, шли рядом по узенькому щербатому тротуарчику вдоль палисадников и у третьего тополя расставались. Сын и отец жили в разных подъездах одного дома. Жена Виктора Николаевича ушла от него, вернулась к своим родителям, когда Андрюша только родился.

— Андрей, сию минуту домой! — напоминала с балкона второго этажа большеносая сердитая старуха, едва завидев отца и сына вместе. Ей постоянно казалось, что Курносов пьян, она не верила, что он бывает трезвым, и, не стесняясь его присутствия, выговаривала внуку:

— Шляешься после школы неизвестно где! Иди обедать, суп остынет!

Виктор Николаевич, не замечая вражды, миролюбиво приветствовал бывшую тещу:

— Добрый день, — и почтительно наклонял голову.

Ответа не следовало. «Пропади ты пропадом, пьянчужка!» — говорили Курносову бабкины глаза, хотя он был совершенно трезв, аккуратно одет и выглядел прилично. Теща была убеждена, что он загубил дочкину жизнь.

— Па-а, я приду к тебе вечером, — обещал Андрей, вбегая в подъезд. — Обязательно приду!

— Если мама отпустит, — дополнял со степенным смирением Виктор Николаевич и независимой, деловой походкой шел к другому подъезду, а неумирающие, вечные старухи, пережившие и революции, и войны на этом

Печатается в сокращении.

дворе, судачили вслед ему на вечных, вросших в землю лавочках.

Теплый дождь налетел на тополиные ветки, лопнувшие почки — зелененькие птенцы — ловили жадными клювиками влагу. Дождевые капли шлепались на асфальт, разбивались вдребезги, как спелые ягоды, и от них, как от ягод, оставались на сером асфальте темные пятна. Капля ткнулась в носок башмака, и Курносову вспомнилось, как падали на генеральские сапоги слезы его покойной матери. Генерала тоже уже давно не было в живых, а мать умерла в прошлом году весною. Виктор Николаевич почему-то помнил ее не такой, какой она была в больнице в предсмертные дни, — безропотной, высохшей, жалкой и терпеливо покорной, а той, какой валялась в ногах Константина Константиновича в сорок третьем.

«Спасите Виктора, умоляю вас! Он единственный у меня, а мы вам не чужие!» — вопила шепотом мать, заглатывая воздух широким черным ртом и, будто удушливую петлю, рвала на груди нарядный заграничный халат — подарок мужа...

Проживи Курносов не одну жизнь, а две или три, и тогда бы он не забыл все это...

ГЛАВА I

Артист эстрады гитарист Николай Курносов умел устраиваться. Калерия Ивановна, шумно защищая мужа от зряшных наговоров, мнение это, однако, не очень опровергала. Пусть дураки хвалятся своей простотой, а Николай Демьянович вовремя успел перейти из одного ансамбля в другой, чтобы попасть в гастрольную поездку по Западной Украине, когда эта бывшая заграница воссоединилась с Советской Украиной, и привез оттуда много разных подарков. Калерию Ивановну хлебом не корми, а дай повыхваляться, подразнить соседей.

Она гордилась супругом, обожала его, боготворила — веселого, румяного, кругленького, знающего, что и где и как сказать, умеющего найти выход из всякого положения. Ей нравилось, что их единственный сын старается во всем подражать отцу — походкой, манерами, и, как отец, постоянно мурлычит с утра какую-нибудь песенку — одну и ту же на весь день до ночи.

Слушая, как Витя поет, мать незыблемо верила, что и он будет удачлив, что и сына обтекут стороной все беды. Она же сама расшибется для этого в пыль, мостиком под ноги ему ляжет, но добьется. У Курносовых все должно быть лучше, чем у других, на то они и Курносовы.

Калерия Ивановна важно расхаживала по коммунальной квартире, хвалясь перед соседями благополучным житьем, нося, будто титул, свое превосходство над ними. А соседей — всяких там Митрохиных, Савельевых, Воробьевых, Греховых, Русановых, Голошубовых — семь комнат в длинном полутемном коридоре. Дверь Курносовых почти весь день настежь, за ней — вторая, в спальню, тоже раскрытая, чтобы все глядели и завидовали высокой пышной постели, кружевным накидкам, плюшевым креслам и портретам хозяина, снятого в артистической позе с гитарой.

— Мы Курносовы, нас все знают! — отчитывала Калерия Ивановна кого-то несведущего по телефону, а сын стоял рядом и насмешничал озорник:

— Загибаешь, мамуля, нас знают не все.

Телефон был общий, висел в коридоре, и Марья Митрохина непременно встревала в чужой разговор:

— Эна, какая знаменитая нашлась! Лежебока, чужеспинница. И сыночек весь в тебя, лодырь. Вместе того чтобы уроки сидеть учить, стоит тут зубы скалит.

— Не тронь моего сына! — кидалась на Марью Калерия Ивановна. — И не глупее он твоего Андрюшки! Репетиторов найму, а Витя мой в институт поступит.

Хватало-таки Калерии Ивановне забот с сыночком! Учился Виктор плохо, еле-еле дотягивал десятилетку, отставал чуть ли не по всем предметам. Ходила родительница упрашивать учителей, только что в ногах у них не валялась, и соседям Савельевым старалась угодить, улыбалась сладенько — и ему, директору Витиной школы, и ей, учительнице начальных классов, намекала им обоим на большую свою благодарность. Савельиха обиделась на эти намеки, а директор сделал вид, что не заметил их, и просто так, задаром, вечерами и по воскресеньям занимался с Витей по русскому языку. Витя сдал экзамены и получил аттестат, но с аттестатом-то и не было задержки... Началась война!

— Боже, не допусти! — молилась Калерия Ивановна, потому что настала страшная пора, и она могла потерять единственного сына.

Брали уже Витиных ровесников на фронт, и мать с отцом заметались. Он по знакомым, а она зачастила в церковь, купила с рук у какой-то бабки икону Николая чудотворца, освятила ее в храме для большей надежности, повесила в передний угол и становилась

на колени перед сном, вымаливая чуда. И вымолила. Устроили Витю чертежником в конструкторское бюро на завод, помог один хороший знакомый, а с того завода пока еще не призывали.

Савельев ушел рано утром. Жена с дочкой уехали неделю назад в гости к родственникам в какую-то деревню на реке Каме. Он накануне звонил кому-то по телефону и тихо сказал:

— Отбываю к восьми. Да, да. Оставлю им записку...

Виктор услыхал и догадался, и вот утром выскочил, будто умываться, а на самом деле, чтобы проститься с Савельевым.

— Доброе утро, Ананий Петрович, — поздоровался чинно Виктор, теребя край полотенца, и во все глаза смотрел, как запирает на ключ дверь своей комнаты директор школы. Обычное дело, что запирает человек свою комнату на ключ, но у ног человека лежит серый холщовый мешок с лямками, сшитый, наверное, им самим. — Вы на фронт уезжаете, Ананий Петрович?

— Да, Витя, еду. Я там на кухню вынес герань, попроси, пожалуйста, маму, пусть она поливает цветок до приезда Ольги Илларионовны и Алечки.

Виктору сделалось обидно, что Савельев в минуту прощания говорит с ним о пустяке: кто же на общей кухне даст цветку засохнуть?

— Ананий Петрович, а что передать Ольге Илларионовне и Але? — спросил Виктор, чтобы хоть как-то быть причастным к значительному поступку своего учителя.

Савельев вскинул на плечи вещевой мешок, пошел к выходу, остановился перед Виктором и ответил:

— Скажи им, что уезжал, мол, в хорошем настроении. Да они знают. Я написал им веселое письмо. Ну, до свидания, дружок. Будь счастлив. Будь мужчиной! — и крепко обнял Виктора.

Никого не было больше в этот час в коридоре, и ни с кем больше Савельев не простился.

В тот же день Виктор заявил родителям, что решил вместе с Андрюшкой Митрохиным добровольцем идти на фронт.

— Не лезь, дурак, в пекло, пока не призывают, — строго прервал отец. — Для кого я старался? Обойдется война и без тебя.

Мать рыдала и грозилась проклясть сына страшным материнским проклятием, если он не одумается.

— Коля, поговори с ним как следует! — стонала она, и Виктору долго пришлось выслушивать от отца о том, что на фронте не только щеголяют в красивой военной форме, отдают честь и щелкают каблуками. Там стреляют, там можно и под пулю угодить, а пуля дура. Родину, конечно, надо защищать. Что же говорит, что не надо. Но на то есть военкомат, чтобы призывать тех, кого он считает нужным.

Виктор кивнул, хотя в душе и не согласился, но вот дня через два мать Ивана Чижова, которого проводили в армию в прошлом году, закричала вдруг во дворе диким голосом, вцепилась руками в запрокинутую голову, раскачивалась и причитала вслед виновато понурой почтальонше:

— Убили! Убили-и-ииии... Сыночка, Ваню, убили-и-и-и...

Крик казался невероятно страшным оттого, что стоял ясный день, голубело над двором небо, светило солнце и кровельщики звонко гремели серебряной жестью, и заплаты на крыше блестели, как большие конфетные обертки. А Ивана Чижова, сына домоуправского слесаря, убили...

Сердце Виктора екнуло, упало, но тут же всплыло, спасенное твердой мыслью: Ваньку убили, а его не убьют, его не могут убить. Не ему же, Курносову, умирать, когда и солнце, и небо, и серебряные крыши — все остается на своем месте. Он послушно поехал с отцом к какому-то хорошему знакомому врачу в какой-то диспансер, где старательно высовывал язык и глубоко дышал, и получил справку, что у него врожденный порок сердца и слабые легкие. В этом диспансере его поставили на учет и велели показываться один раз в четыре месяца.

— На кого же ты нас с отцом старых кидаешь! Вон Витька на полгода старше тебя, а сидит, как младенец, дома! — голосила на кухне мать Андрея Митрохина.

Андрюшка, ровесник и одноклассник, не дожидаясь призыва, попросился на фронт. Провожать его Виктор не пошел, сказал, что не отпустят с работы. Отпустили бы, но стыдно было бы смотреть в глаза Андрею.

Стыдно было Виктору после отъезда Андрюшки тащить в бомбоубежище здоровенный чемодан, набитый всякими тряпками. Отец волок такой же. Мать, изнемогая от жары в новом драповом пальто, несла, что полегче: сумку с продуктами и бидончик с водой на ту беду, если завалит и придется неизвестно сколько времени отсиживаться в подземелье.

— Застегни воротник, укутай шею, ты болен, тебе нельзя простуживаться, а здесь сыро! — громко велела мать Виктору, и он, краснея, прикрывал воротником лицо — круглое, розовое, щекастое, давая себе обещание, что ни разу больше не спустится сюда, не потащится с барахлом на смех людям, один останется в квартире или вовсе не придет с работы домой, заночует у ребят на заводе в красном уголке, где койки поставлены для тех, кто дежурит на крыше.

Но наступал вечер, и мчался Виктор домой, висел на подножке битком набитого трамвая, спешил, как от непогоды, укрыться от темноты — фонари на улицах не горели, черные окна, перекрещенные полосками бумаги, глядели незряче в затемненную Москву, на толпы людей с чемоданами и узлами, спешивших к станциям метро, чтобы спрятаться от бомбежки.

А дома у Курносовых, когда они вернутся под утро из убежища, все, как до войны, — прочно и покойно. Отец пьет чай из подаренного стакана в серебряном подстаканнике, мать из любимой чашки. Виктор мечтал: вот проснутся они утром и услышат по радио, что война кончилась.

Но случилось неожиданное и невероятное — отец получил повестку! Виктор был удивлен и перепуган. Значит и они, Курносовы, как все? Мать рыдала и сетовала на несправедливость, перечисляла заслуги отца — артиста, работника искусств, — звонила влиятельным знакомым, отбила себе лоб об пол перед углом, где раньше стоял приемник, а теперь висели иконки, и снова помогло. Отца назначили заведовать продовольственным складом в запасном полку. Машины оттуда частенько следовали через Москву, и старшине Курносову удавалось передать с оказией посылочку своим.

— Ели бы уж у себя в комнате, все не на глазах, — бурчала Марья Митрохина, когда Виктор или мать по забывчивости выходили на кухню с ломтем хлеба, намазанного маслом.

У Виктора тут же кусок застревал в горле, он краснел, давился и удирал к себе. Русановские ребятишки — двойняшки, мальчик и девочка, повертывая головенки, глядели завороженно на бутерброд в его руке. А матери хоть бы что!

— Продлили Вите отсрочку, ай нет? — спрашивала жалостливо бабка Никитишна Воробьева и, подслеповато присматриваясь, обдирала картофельную шелуху. — Боюсь, кабы лишку не счистить.

Забыла уже вся кухня, как варится картошка без мундира. Мать же чистила сырую без страха, выбрасывая в помойное ведро кожуру.

— Толсто срезаешь, — укоряла бабка. — И не жалко добра?

— Чего жалеть? — отмахивалась мать. — Люди вон на фронте жизни кладут.

Никитишна всхлипывала, и слезы капали на картошку.

— Зятечек мой дорогой. Виталик!

Две смерти прошли уже по общему коридору. Две смерти пролезли в узкую щель для писем. Табличка на двери обозначала, кому сколько раз звонить. Смерть не звонила. Она лежала немым конвертом в темной прихожей на железном курносовском сундуке.

Катерина, дочь бабки Никитишны Воробьевой, держа перед лицом раскрытое письмо, шла твердо до середины коридора, а тут Калерию Ивановну дернуло спросить:

— Что пишет твой летчик, Катя?

Белая, как мел, Катерина, с посиневшими губами, хотела ответить, повернула лицо, но никак не могла разжать губы, наконец разжала, крикнула страшно и покачнулась... Друг ее мужа, тоже летчик, сообщил, что Виталий с задания не вернулся.

Русанова, молоденькая улыбчивая говорунья, жена шофера такси, тоже однажды упала на сундук и встала с него старухой. Муж сгорел в танке под Сталинградом... А Савельев, то ли жив, то ли нет, как уехал, так ни писем, ни весточки.

Стала и Калерия Ивановна бояться своего собственного сундука. Кончились отсрочки, и Витю призвали. Он учился в военном училище недалеко от Москвы, всего часа три поездом, и наведывался часто к матери. Она осунулась от страха и беспокойства, но держалась гордо, повесила на стену рядом с портретом мужа увеличенную фотографию сына в военной форме, послала такую же младшей своей сестре, Варваре Ивановне Травкиной, и напомнила в письме, чтобы супруг ее, Константин Константинович Травкин, порадел бы о племяннике.

Калерия Ивановна считала, что дядя, командуя полком, находящимся не на самом фронте, не на линии огня, был обязан взять Витю к себе, под свое крылышко. Но время шло, а от полковника Травкина не было еще ответа. Сестра, однако, писала, что мужу предстоит в самом скором времени явиться в Москву. Вот тогда, может быть, он и заберет с собой Витю? Разрывалось материнское сердце от страшных предчувствий, ум заходил за разум, не наглядится Калерия Ивановна на сына: долго ли его видеть осталось? Закончит учение, ушлют на фронт и ее не спросят...

Шел к концу сорок третий год. Утром шестого ноября, под праздник, передали по радио, что наши войска освободили город Киев, столицу Украины. А там всего-ничего и до границы осталось. Плакала бабка Никитишна от радости, что кончается людская погибель — война, и от горя, что не дожил до ее конца зять Виталик. Всхлипывала Марья Митрохина об Андрюшке, не было от него известий. А Калерия Ивановна жалела более себя, засыпала и просыпалась с одним и тем же страхом, и во сне видела, как увозят в товарном вагоне Витю на фронт, а она бежит, бежит, задыхается, тянется, чтобы достать, выхватить сыночка из вагона.

Прощаться сын забежал под вечер. Моросило на улице, дождь ли, снег ли, погода стояла слякотная, и шапки на ребятах празднично искрились. Виктор пришел с товарищем своим Шуркой Лагиным. Мальчик этот, высокий, тихий и застенчивый, бывал уже у Курносовых, и Калерия Ивановна не возражала, но сейчас она не хотела его видеть. Она поняла все, прежде чем Витя ей сказал, и задохнулась, застыла на месте, потом кинулась было к телефону в коридор — надо же кому-то звонить, кого-то умолять — и опустилась у двери на стул, заплакала... Ах, если бы взял сейчас и приехал вдруг Константин Константинович!

Оба новоиспеченных младших лейтенанта, украшенные новенькими желтыми ремнями, стояли перед матерью, виновато понурившись. Необмятые полевые погоны приподнимались крылышками, готовыми вспорхнуть. Улетит сыночек — только его и видела! Пришлют матери извещение, что пал он смертью героя. А нужен он ей погибший? Он нужен ей живой.

— Рано ты слезы льешь, мамуля, — сказал весело Виктор.— Сообрази-ка нам лучше порубать. Мы ужасно голодные. Правда, Шурик? Гоняли наши вагоны по окружной, то прицепят, то отцепят, а сейчас стоят они на Каланчевке. Мы отпросились у командира на полтора часа.

— На полтора? А потом что? — спросила Калерия Ивановна, надеясь, что она не все поняла.

— Потом прибудет эшелон, нас к нему прицепят, и поедем мы с Шуриком за орденами на энское направление энского фронта.

Калерия Ивановна, жаря картошку и разогревая консервы, плакала на кухне навзрыд. Ей сочувствовали, ее утешали. Бабка Никитишна предложила свою керосинку, — вскипятить чайник, Ольга Илларионовна принесла шерстяные носки.

— Отдайте Вите. Это я Ананию Петровичу связала, все думала, как узнаю адрес, так отошлю.

Поздно вечером ребята ушли. Проводила их Калерия Ивановна, громко приговаривая и всхлипывая, видели их и Савельева, и Никитишна, а вот как они вернулись на цыпочках в комнату, этого не видел никто. Но никто и не удивился, что после отъезда сына Калерии Ивановне занездоровилось, вышла она утром с обвязанной головой, нацедила из крана воды в чайник, забрала керосинку в комнату и заперлась на ключ. И прильнула ухом к двери, слушала, что говорят соседи о ней.

— Ох, как нелегко провожать, — сказал грустный голос Савельевой. — А мне, Марья Степановна, и проводить мужа не довелось, — голос умолк, быстрые шаги прошли по коридору: ушла Савельева плакать к себе.

— А кого проводили еще? — удивился ей вслед басовитый голос Марьи Митрохиной. — Нешто Витька не дома? С кем же Курносиха разговаривает? Али рехнулась и шепчется сама с собой?

Калерия Ивановна окоченела от страха. У дурищи этой хватит наглости и в комнату прийти! Повалилась Калерия Ивановна на колени перед богородицей и чудотворцем. Богородицу, заступницу всех скорбящих матерей, купила недавно.

— Мать пресвятая, не выдай! Царица небесная, сына моего спаси!

Виктор и Шурка, скрючившись, как в материнской утробе, сидели загороженные чемоданами под кроватью. Шурка уже понял, что падает в какую-то скользкую, страшную глубину. Пусть бы Витька сам поступал, как ему хотелось. А он-то зачем пришел сюда? Он пробовал оправдать себя и спотыкался в уме о позорное страшное слово, и боялся думать дальше, хотя Витька объяснял ему, что с этим страшным словом их поступок ничего общего не имеет. Тетка обещала, что полковник Травкин затребует Виктора в свою часть, как только тот окончит училище, и, хотя никакого требования от Трав-

кина на младшего лейтенанта Курносова не поступило, Витька не переставал надеяться, что скоро вместе с дядей будет ловить дезертиров. Дядя должен приехать на днях по своим делам в Москву, вот они оба, Виктор и Шурик, попросятся к нему на службу. Обидно же, он приедет, а их уж нет, их уже убили.

Долго не соглашался Шурка, пораженный отчаянностью шага. Но за время дружбы с Виктором он привык подчиняться ему, восхищаясь его бойкостью. Виктор был старше Шурки на три года, и ему льстила дружба с сыном артиста.

— Держись за меня, Шурик, со мной не пропадешь! Моя мамуля все устроит, она уговорит Травкина. Не дрейфь!

Но тогда Шурка не догадывался, что Виктор просто боялся удирать из эшелона один, кто-то должен был стать его соучастником. Теперь-то он, наверное, жалел, что посвятил Шурку в свои планы и взял с собой. Одному же прятаться легче. Витька бледнел при каждом стуке и лез под кровать первым.

— Ах, Аврора Алексеевна, я совсем больна, — жаловалась в первой комнате Витькина мать вошедшей соседке. — Ты подумай, какую чушь несет Митрохина, говорит, будто бы Витя дома! Ты же видела, как я его провожала вчера, видела?

Подтверждения Шурка не расслышал, но вот женщина сказала что-то, и Калерия Ивановна обрадовалась:

— Дошла-таки моя молитва! Слава богу! — а когда соседка удалилась и можно было снова вылезать из-под кровати, мать порадовала их шепотком: — Уезжает сейчас Марья в деревню. Мешок под картошку попросила у Авроры Алексеевны.

Шурка стоял и смотрел в зимние сумерки, не подходя к окну близко. Горластые дворничихи соскребали во дворе первый снег. Снежные хлопья летели и летели мимо окон, и чудилось Шурке, что стоит он не в комнате, нагретой керосинкой, а на дне глубокой ямы, и сверху на него падает холодный снег — заваливает, погребает...

Вот так же валил мокрый снег, когда семилетний Шурка стоял с матерью на берегу моря. Мать, как помешанная, повторяла: «Выбросит, выбросит... И мы его в землю захороним». Море свирепо кидалось на них, не доставало и расшибалось о берег...

«Выбросит... А ты, Шура, никогда не ходи в море. Слышишь? Обещай мне, что не пойдешь». «Не пойду», — шептал замерзший Шурка и дергал мать за руку, звал домой. Уводила их тетя Даша, тоже рыбачка. «Бывает, и через полгода выбрасывает, — говорила она матери. — Так ты полгода будешь здесь стоять? Мальца застудишь, он уж чуть живой».

Была бы мать жива, стояла бы, наверное, сейчас дома, там, в Крыму, на берегу и ждала бы, когда волны выбросят Шурку. А он не утонул в море, не погиб на войне. Его засыпает снегом в чужой теплой яме, пахнущей керосинкой.

Ночью Шурка обулся, оделся, затянул ремень, поправил шинель и сказал, что уходит, и увидел, как обрадовалась Калерия Ивановна. Она глядела тревожно и жалко на сына, теребила халат на груди, словно собиралась схватить Виктора и спрятать за пазуху. А он подскочил к Шурке, потряс кулаком и зашипел:

— Выдашь меня — убью! Говори, что один отстал, прогулял с бабами в Марьиной роще. Понял?

— Понял. Идем вместе, а Витя?

— Куда? В трибунал? К стенке? — усмехнулся Виктор.

Калерия Ивановна кинулась к сыну, обхватила, как спеленала, шипела, тяжко выдыхая слова:

— Нет! Нет! Не пущу! Уходи ты один, Шура! Уходи скорей! — и легонечко подтолкнула: — Уходи, пока на кухне нет никого!

— Шлепнут тебя, — злорадно предрек Виктор. — Дом твой к тому же на оккупированной территории, вот и шлепнут.

— Ну и пусть, — равнодушно сказал Шурка, удивившись, к чему это Витька приплел сейчас его старую хату на берегу моря. Сгорела, небось, или разбило снарядом. Шурка не был там с одиннадцати лет, с тех пор, как умерла мать, а ее брат, Шуркин дядя, забрал племянника к себе в Кривой Рог. Ах, да Кривой Рог ведь тоже на оккупированной территории. — Пусть шлепнут, — еще раз сказал Шурка. — Так мне и надо! Некому по мне плакать, — и твердым шагом, не на цыпочках, не горбясь, вышел в прихожую, нащупал выключатель, щелкнул, поднял железный длинный крюк, которым запирались двери квартиры на ночь, повернул колесико английского замка, вышел.

Дверь захлопнулась, как отсекла что-то тяжкое и чужое. Сквозь густую тьму слабо серел над лестничной площадкой квадрат окна, дуло в разбитую шибку. Пахло снегом и улицей. Шурка глубоко вздохнул и подумал, что хорошо бы встретить на улице патрульных. Уж сразу...

Девушка в белом платке вошла во двор. Шурка посторонился к штакетнику, чтобы дать ей на тротуарчике дорогу, а она бросилась к нему, окликнула взволнованно:

— Андрюша! — и поняв, что ошиблась, заплакала, сказала сквозь слезы: — Извините, мне показалось.

— Пожалуйста. Ничего. Только не надо плакать. Вернется ваш Андрей, — ответил Шурка и спросил: — Это ваш муж?

— Нет, что вы! Он жил в этом доме. Мы с ним дружили.

— Значит, вы невеста Андрея. Вот он и спросил бы вас, откуда вы возвращаетесь так поздно?

— С работы. Смена наша кончается в два. Я на швейной фабрике работаю, где шьют шинели.

— Может быть, и мою сшили? Хорошая шинель, — сказав это, Шурка ощутил комок в горле, а на глазах своих слезы. Сказать бы сейчас девушке, кто он такой? Испугается? Он вынул из кармана фонарик и посветил себе в лицо: — Смотрите, похож я на вашего Андрея?

— Ой, у вас кто-то погиб? Вы плакали?

— Никто не погиб. Но возможно я сам скоро...

— Откуда вы знаете?! Нельзя так говорить!

Он посветил на нее. Большие темно-серые глаза глядели с сочувствием, тревогой и нежностью. Маленькие девичьи ладони коснулись его груди, будто защищая, укрывая. Он погладил их, хотел поцеловать, но постеснялся. Не приходилось ему еще целовать женских рук и вообще целоваться не приходилось.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Спасибо, что постояли со мной. А теперь мне идти надо.

— Вы к кому приезжали? — спросила она. — Вы не из нашего двора. Я не видела вас здесь раньше.

— Да, я по ошибке зашел. Заблудился...

Мимо арки по улице четко прошагали двое военных, проплыли суровыми тенями в черно-белесой лунной мгле.

— Военный патруль, — проговорил себе, а не ей Лагин. — Прощайте, девушка! — и опять посветил фонариком, запоминая грустное большеглазое лицо на всю свою жизнь, сколько ее осталось.

Он догнал патрульных и сказал им:

— Младший лейтенант Лагин. Я дезертировал из воинского эшелона.

ГЛАВА II

Еще не смолкли в лестничном пролете оглушающие Шуркины шаги, а Калерия Ивановна, стуча в ознобе зубами, шарахнулась к самой дальней двери за чуланом, где коридор, поднявшись на ступеньку, поворачивает и заканчивается.

— Открой на минутку, Аврора! Помоги, умираю! — глухо просила она, дыша в щелку.

Аврора (по паспорту Анисья) Алексеевна Грехова, кассирша промтоварного магазинчика на Преображенском рынке, жила одна, выдав перед войной дочку замуж. Дружили Аврора с Калерией с тех далеких, еще царских, времен, когда обе молоденькие и расторопные служили в галантерейной лавке у француза на Петровке. Подруги часто ссорились по пустякам, кричали, обзывали друг друга обидными словами, но дружбы не теряли. Поругаются утром, а в обед шушукаются опять, как ни в чем не бывало. Сосед Митрохин в таких случаях замечал, что связал-де их черт одной веревкой и на той веревке с годами узлов прибавляется все больше и больше.

— Отвори, ради бога, Аврора... Скорей, мне плохо!

Вскоре Виктор уютненько лежал на тюфячке в глубокой стенной нише, задвинутой высоченным шкафом. Дом был старинный, купеческий, с капитальными стенами метровой толщины, со множеством ниш, выемок, уступов.

— Но дальше-то как? Прикажешь мне в тюрьму садиться из-за твоего сыночка? — спрашивала Аврора Алексеевна.

— Вспомни, Аврора, разве я тебя не выручала?

— Помню. Потому и пустила. Иду ведь на риск! Но дальше уж выкручивайся сама, как знаешь. Без меня! Оставлю тебе ключи и ходи поливай мои цветочки.

На следующий день утром, в седьмом часу, уходя из дому, Грехова объявила на всю кухню (а были там Савельева да бабка Никитишна), что по-

живет несколько дней у дочки в Черкизове, прихворнула та, да и в магазин оттуда на работу ближе, почти что рядом.

Калерия Ивановна прокралась к сыну, накормила, напоила, прислушиваясь и замирая. Но некого было особенно и опасаться. Учительница Савельева уже ушла в школу, дочка ее Алька поступила в этом году в медицинский институт да еще помогает в госпитале ухаживать за ранеными, придет домой поздно ночью; Голошубовы не вернулись из эвакуации, воротятся, наверное, весной; Катерина, бабки Никитишны дочь, дежурит сутки на телеграфе; Митрохина все еще в деревне; Русанова после похоронки перебралась со своими двойняшками к матери на Плющиху.

«Только бабка Никитишна может что-нибудь заметить. Но она же слепая и глухая!» — успокаивала себя Калерия Ивановна, однако ей все слышались на лестнице громкие шаги, все вскакивала она, готовясь к страшной встрече.

И вот пришли часов в десять утра майор и совсем молоденький лейтенант, спросили, не известно ли Курносовой, где находится ее сын Виктор Курносов, не поверили ей, что неизвестно, и принялись осматривать квартиру.

Виктор, объятый ужасом, словно помешательством, выбрался из ниши и залез в диван, умирая от леденящего, иссушающего душу страха. Он слышал и голоса, и шаги, лежа, как в гробу, в коробке низкого дивана. Нарастающим громом приближался топот, и в голове у Виктора тоже грохотало, а тошнота подкатывала к горлу. Он знал, что когда войдут и найдут его, то увидят его мертвым. Он и живой уже был мертвец, труп с колотящимся сердцем. Это был тот смертельный страх, от которого дети седеют, беременные женщины выкидывают плод, а мужчины становятся бесплодными.

Голос матери, спустя черную вязкую вечность, спросил:

— Ты где, Витя?

Он хотел ответить, но лишь слабо простонал и подумал, что она не услышит, не найдет его, и он останется погребенным в тесном диване навсегда, до самой своей смерти.

Мать откинула, как пуховую подушку, тяжелый матрац и рухнула рядом.

Трое суток изо дня в день майор и лейтенант наведывались в квартиру, и каждый день Виктор умирал в ящике дивана. К своим смертям он так и не привык, и всякий раз все происходило, как в первый. Пропадали мысли, высыхал мозг, страх распирал пустой череп, а тошнота делалась такой невыносимой, что если бы Виктор смог приподнять голову, то казалось, хлынули бы из горла внутренности.

И не в мозгу, а в сердце удивляющей искрой вспыхивало желание закричать, позвать на помощь, сбросить своим криком гробовую диванную тяжесть, освободиться от удушающего страха. Но что тогда будет!? Не расстреляют, так убьют в штрафном батальоне на фронте.

— Боже праведный, это какой-то кошмар! Вы подумайте, они мне не верят! — призывала Калерия Ивановна в свидетели бабку Никитишну.

Майор и лейтенант, придя в третий раз, осмотрели снова все комнаты в квартире, но от последней, самой дальней не было ключа. Гражданка Грехова временно здесь не проживала. Калерия Ивановна едва не упала, когда майор, подергав дужку массивного замка, приказал лейтенанту:

— Ломай!

Лейтенант двинулся к замку, а в глазах Калерии Ивановны потемнело, пол уходил из-под ног, все качнулось и поплыло. Она уперлась спиной в стену, боялась упасть и крепко сжимала кулаки в глубоких карманах шелкового нарядного халата, боялась, что руки ее не послушаются, вырвутся из карманов и вцепятся в шинель лейтенанта.

— Практически, конечно, можем, — сказал он и покачал замок на ладони, и отпустил, сожалея. — Но юридически придется писать объяснение нашему полковнику. Он взломов не одобряет. Скажет, а почему не вызвали с работы хозяйку данной комнаты? И почему именно эта комната показалась вам подозрительной? Чем руководствовались?

— Проявлением беспокойства на лице гражданки Курносовой при нашем приближении к двери Греховой.

— Ха-ха! Что же, по-вашему, я не должна беспокоиться? Я мать! Пропал мой сын, а не ваш! — истерически хохотала и вскрикивала Калерия Ивановна, махая руками, дав волю охватившему ее ужасу и гневу. — Не имеете права ломать замки! Это незаконно!

— Сбегай, позови кого-нибудь из домоуправления, — сказал майор лейтенанту, и тот умчался.

— Боже мой, боже мой! — зарыдала она. — Какая жестокость! Муж на фронте, сын пропал, а вы не сочувствуете!

Плакала и следила за левой рукой майора (правая его висела на груди, на перевязи), и успокаивала себя слабой надеждой: не сломать ему этого замка одной-то левой! А дворничиха Нюра — теперь домоуправ, она в хороших отношениях с Авророй, она не позволит взламывать Аврорин замок.

Нюра пришла с участковым, он и уперся:

— Нельзя взламывать без санкции прокурора.

— Так ведь война! — говорил майор.

— Вот на войне и ломайте, а здесь мой участок. Принесите бумажку, взломаю сам. А вы мне еще за обыск по всем комнатам ответите. Кто это вам позволил?

Неловко, одной левой рукой, майор вынул из пачки папиросу, сунул себе в зубы и сам одной рукой пытался зажечь спичку. Подскочил лейтенант, помог закурить, а милиционер чуть не разжалобился, чуть не уступил, но вздохнул и значительно произнес:

— Я же по конституции.

— Ловят что ли кого у нас? — спросил сухопарый сутулый солдат, входя в коридор смело, как домой.

— Батюшки, ты, Сергей Саввич? А Марья твоя уехала в деревню уж поди с неделю, — сказала бабка Никитишна и пояснила: — Витька пропал, с фронта убег, его ищут.

— Рядовой Митрохин прибыл в составе команды для получения вещевого довольствия! — по-военному отрапортовал Сергей Саввич майору, опустил руку, сгорбился и обыкновенно произнес: — Заскочил вот узнать, нет ли письмеца от сына.

— Здорово, отец, — ответил майор и шевельнул раненой рукой, забыв, наверное, что она ранена. — Где воюешь?

— Под городом Энском на охране военного объекта.

— Что же, по годам твоим и служба. Трудно?

— Не жалуюсь. Невесть какое храброе дело стоять в тылу на часах, но коли еще на это гожусь и на том спасибо. А вы, товарищ майор, и вправду ищите младшего лейтенанта Курносова?

— Дезертира.

— Эна нашли где ловить, в Москве, почитай в самом центре, — не одобрил Митрохин. — Дезертиры прячутся в диких безлюдных местах — в лесах, в оврагах. Помню, в ту мировую войну, как стояли мы в Галиции, был у нас в роте случай...

— Случаи, отец, случаются и в эту войну. И не в Галиции, — сказал майор и пошагал к выходу.

Погодя, когда уже совсем смерклось, Калерия Ивановна, измученная еще одним ужасным днем, сидела обессиленная в кресле, прислушивалась к сумеречной тишине и ждала неотвратимой беды — шагов Митрохина. Не вынесла ожидания, вышла сама в коридор, надеясь, что, может быть, Митрохин уже уехал. Говорил ведь, что сержант с машиной будет ждать его в семь часов возле Курского вокзала. Но митрохинскую дверь в кромешной тьме намечала слабенькая полоска света. Падают, обрываются одинокими слезами капли из крана на кухне.

Вернулась. Включила свет. Села. Стукнуло в дверь. Подождало. Стукнуло снова. Вошел Митрохин и спросил:

— Витьку где скрываешь, соседка? У подружки? Знаю, есть у ней подходящий уголок. Кое-какой товарец она там прятала от обысков, как я понимаю. Иначе бы давно попалась. Помнишь? Трикотажные шелковые мужские сорочки по дюжине в пачке.

— Что ты выдумываешь! — громко возмутилась Калерия Ивановна, поняв, что Митрохин слезам не поверит.

— Дай ключ, — потребовал он, шагнув ближе, и раскрыл ладонь. — Пойду сам гляну, жив ли твой оболтус. Небось наклал полные штаны со страху. И уж прости, набью ему морду. Ох и набью!

— Нет у меня ключа! Не знаю я, где Виктор!

— Врешь, знаешь. Так нету ключа? Делать нечего, сломаю замок. Милиции я не боюсь. Сам рядовой, — спокойно сказал Митрохин и двинулся к двери.

Калерия Ивановна вскочила, взметнулась, чтобы задержать, преградить путь, и не хватило сил, упала, бухнулась ему в ноги, обнимала митрохинские обмотки:

— Савич, помилуй! Пощади, Христа ради...

— О, чтоб тебя! — отпрянул он. — Значит, верно? Ну и сволочи вы, Курносовы, какие же вы сволочи!

— Не погуби... Не погуби! Мы же соседи! — лепетала она и будто искала что-то у митрохинских ног, что-то маленькое, но очень важное, то, чем сумеет заставить Митрохина пощадить, пожалеть ее, и не находила.

— Подымайся и слушай, — вынес

он свой приговор, видел как тяжело ей вставать, но руки не подал. — Слушай! Я обязан сейчас же заявить. Позвоню давешнему майору, пришлет он наряд, придут и заберут твоего Витьку. Но я не хочу мараться о ваше курносовское дерьмо. Сама его выпроводи. Слышишь? Пусть идет на любой вокзал и там явится с повинной к военному коменданту. Пускай брешет, что вот сию минуту приехал в Москву, и сочиняет, что хочет. Может быть, его и не расстреляют, а помилуют, пошлют в штрафной батальон на передовую. Кровью позор смоет.

— Клянусь тебе, Сергей Саввич, Христом богом клянусь, сегодня провожу. Сейчас же!

Показывая, что он ей верит, что об этом решенном деле достаточно говорить, он спросил:

— Марья моя когда уехала?

— Четвертый день, Саввич. К своим поехала в деревню за картошкой. Просила письма Андрея сохранять. Не было писем от Андрюши.

Митрохин быстро вышел.

Калерия Ивановна брошенным кулем полулежала в кресле. Не было слез, чтобы плакать, не было сил, чтобы подняться... О, господи, надо же вставать и бежать спасать Витю, надо же что-то делать! Митрохин ушел, но кто знает, куда он направился? Доносить? Боже, как спрятать сына? На улице задержит патруль. Могут же у Вити спросить документы? Остается надеяться, что Саввич не донесет. Но невозможно вот так сидеть и, словно казни, ждать звонков, голосов, чужих неотвратимо приближающихся шагов? Ждать, когда придут и заберут Витю! Нет, нет, надо хотя бы молиться, молиться, просить, просить... Боже, спаси, надоумь, где найти для Вити другое, надежное место?

Телефонный звонок обрушился оглушающим трезвоном, прибил к креслу. Идут! Уже требуют, спрашивают по телефону, не сбежал ли из дому Виктор Курносов! Ах, обманул негодяй Митрохин. Донес! Калерия Ивановна вдавилась в жесткие, выталкивающие пружины, умерла душой. Все кончено!

Звонок умолк... Пришла в себя. Снова жуткий настойчивый трезвон на всю пустую гулкую квартиру. Звонит... Звонит!

— Алё! Кого? Дома, дома. Сейчас позову. Подождите, — сказала Никитишна, потом дверь мягко скрипнула, отворилась... — К телефону, Калерия Ивановна! Зовут тебя. Какой-то мужчина.

Еле поднялась, разбитая, измученная, больная, шла на смерть, придерживаясь за стену. Взяла трубку, приложила к уху, а говорить нечем: отнялся язык. Шепелявo пискнула пересохшей глоткой.

— Шлушаю...— и задохнулась от радости, от счастливых слез: — Это вы? Вы? Ах... Ах... Константин Константинович, дорогой! Приходите скорей! Скорей! У нас несчастье. Пропал наш Виктор. Умоляю, приходите. Вы давно приехали? Сегодня утром? Ах почему же не прямо к нам? Почему? Ах... Через полчаса? Я вас так жду! Я вас так давно жду! Так долго... так долго... — и в бесчувствии осела на пол.

Травкин прибыл в Москву по случаю присвоения ему звания генерала. Остановился в гостинице, управился с делами, а вечером позвонил Курносовым. Вот тогда, в ту ночь, Калерия Ивановна ползала в его ногах и слезы ее падали на блестящие сапоги, оставляя на них матовые полоски.

Константин Константинович, видимо, не рассчитал, а может быть, и не желал рассчитывать, и закатил племяннику такую оплеуху, что Витя не устоял на ногах, упал, сел на пол и глядел не на дядю, а на мать, спрашивая ее глазами, что же ему делать, вставать ли, чтобы дядя Костя ударил его снова, или сидеть смирненько на полу, или стать, как и она, на колени? А она, не поднимаясь с колен, плакала от радости, от свершившегося, выстраданного долгожданного счастья. Она уже знала, и Витя знал, что если его сейчас ударил Травкин, то уже потом, после, никто не расстреляет Виктора Курносова.

А Травкин с побелевшим лицом, со сжатыми свинцовыми губами, тер правую ладонь носовым платком. Платок хрустел и мялся, как лист бумаги: вот-вот разорвется.

— Мерзость какая! — с отвращением говорил Травкин. — Понимаешь ты, выродок, я в первый раз ударил! А с подобной дрянью, вроде тебя, мне приходится сталкиваться не редко. И если бы тебя привели ко мне там, на фронте, не было тебе от меня пощады.

«Застрелил бы! — подумала в ужасе Калерия Ивановна. — Ну пусть уж лучше при мне еще ударит!» — и закричала на сына:

— Вставай, чего развалился! Горе мое... К вам все служить рвался!

Но генералу рук марать о Витьку больше не хотелось. Откричался и поостыл, и молча скрипел из угла в угол новыми сапогами.

— Да встаньте же вы наконец! Дикость какая-то! — возмущенно рявкнул он, остановившись, но она будто и не слыхала, еще ниже припала к полу и лепетала, умоляя:

— Возьмите Витю к себе. Ради Варюши, сестрички моей, возьмите. Она же, как и я, не переживет, если, не дай бог, что с ним случится. А он для вас, он за вас... Жизни не пожалеет!

— Ну что вы валяетесь? — продолжал возмущаться Травкин. — Как вам не стыдно? — и подал наконец-то руку.

Калерия Ивановна, ухватившись жадно за нее, поднималась долго, а встала на ноги, выпрямилась в рост и поверила в свершившееся. Спасла она Витю! Спасла!

— Оболтус! — закричала она на сына. — И в кого ты такой? Отец честно сражается на фронте, а ты? — и крепко стукнула сидящего на полу Виктора по затылку, ударила со вновь обретенной силой и по всему материнскому праву. — Учила тебя, дурака, напиши сам дяде Косте. Дядя Костя не чужой, он бы тебе и ответил, сообщил бы, как нужно действовать, чтобы попасть в его часть. А ты понадеялся на мать да на тетю Варю. А что мы, женщины, можем? Вот теперь и полюбуйтесь. Заявился домой, спрятался за материн подол, вас дожидался. А если бы тебя здесь нашли? Мне-то, матери, каково пережить позор? Кто это за тебя воевать обязан? Андрюшка Митрохин?

Войдя в роль, Калерия Ивановна выставила грудь, налилась горячим гневом и поперхнулась, осеклась, поймав насмешливый взгляд Травкина. «Ну и артистка!» — сказали ей колючие его глаза, и она, разоблаченная, пристыженная, моментально выдохлась, сгорбилась, сникла, опустилась за пустой, сиротливый стол, уронила голову на озябшие, все в пупырышках от холода, голые локти и горько и долго рыдала, оплакивая без всякого притворства свое унижение и стыд и перед Травкиным, и перед Митрохиным, и сегодняшний пережитый страх, и всю страшную, ею самой созданную муку, когда каждый день из четырех тянулся нескончаемым вечным ужасом.

Травкин смотрел и не успокаивал, не трогал, дал ей выплакаться. Пить чай не остался. Напрасно Калерия Ивановна суетилась и хлопотала, доставала припрятанные бутылочки и баночки, жалея, что не видят соседи, какого гостя принимает она. Он прочитал ей строгую мораль о неправильном ее поведении с сыном, снова отругал Виктора и приказал ему быть в восемь утра в вестибюле гостиницы. А потом они поедут в управление, чтобы выписать проездные документы на младшего лейтенанта Курносова.

— А если вдруг они заявятся раньше? — спросила растерянно Калерия Ивановна, подавая Травкину полушубок, будто защищаясь им от надвигающейся бессонной ночи.— Оставались бы ночевать у нас. Места всем хватит,— а хотелось крикнуть: «Опять мне прятать Витю?», но спросила тихонько:—Можно Вите спать уже в своей комнате?

— Мама! — как на дуреху какую прикрикнул Виктор, стыдясь за ее глупый вопрос, и она обозлилась.

— Что — мама? — заорала на него. — Об тебе, идиоте, хлопочу. Мне и на перине мягко, а ты, небось, задницу отмял до синяков в жестком чужом углу. Неблагодарный! — и снова заплакала.

Ведь не оценит, паршивец, ее материнского страдания, не скажет спасибо за все, что для него сотворила и вынесла кривая материнская душа, а то и того хлеще, попрекнет когда-нибудь этой же ее заботой. Попрекнет!

Провожать гостя до прихожей мать и сын пошли вместе. Калерия Ивановна готова была колотить кулаками во все двери, призывая соседей посмотреть, с кем это ее сын Виктор идет рядом. Она сама себе завидовала, потому и разговаривала громко, смеялась весело. А как иначе должна вести себя обрадованная мать, когда пропавший сын заявляется домой в компании с близким родственником — генералом?!

Шипел в кухне примус, слышалось мокрое шарканье по стиральной доске.

— Кто же это у вас полуночничает? — поинтересовался Травкин, он знал почти всех жильцов в этой большой квартире, потому что до войны каждый год приезжали Травкины в Москву в отпуск. — Здравствуйте, Авдотья Никитишна! — сказал он, входя на кухню.

Никитишна обтерла руки фартуком, поклонилась степенно:

— Здравствуйте, Константин Константинович. С приездом вас. С фронта едете, ай на фронт? — и всхлипнула, уткнула нос в латаный-перелатаный передник, пожаловалась: — Зять мой, летчик, Виталик наш погиб. Овдовела моя Катерина. Девятнадцать годочков— и вдова.

— Большое горе у вашей Кати, — посочувствовал Травкин, обнял старуху и, как родную, поцеловал в лоб, пригладил пряди, выбившиеся из-под косынки. — Не стареете вы, Авдотья Никитишна. Вон у вас — ни единого седого волоска.

— Да и вы, голубчик, все одинаковый, сколько я вас знаю. Сорок уж стукнуло?

— Тридцать девять.

— И то не мало. Ай-я-яй. А ведь помню вас молоденьким, как вы сватались к Варваре Ивановне. Мороженым нас тут всех на кухне угощали. Вы тогда в Спасских казармах служили, а с Варварой Ивановной в Екатерининском саду познакомились. Помните? Она в ту пору из деревни сюда к сестрице приехала Витюшку нянчить.

— Хорошее было время, — просиял генерал. — Учился я на курсах младших командиров. Ответственности — никакой! Эх, и походили мы в те вечера с Варюшей на танцы!

— Во-во! — продолжила Никитишна. — Влетало ей, няньке-то, за эти танцы. А она безответная была, смирная, деревенская. Поплачет здесь на кухне возле моего стола — вот и вся обида.

Такого бессовестного поведения бабки Калерия Ивановна не могла стерпеть. Ишь, нашла что вспомнить! Эдакто — о генеральше? Она выскочила вперед и, схватив старуху за локоть, оттащила ее от Травкина, показывая на него:

— Что же вы самого главного не видите, Никитишна? Гляньте, какие погоны на Константине Константиновиче. Он теперь генерал!

— Генерал? — протянула Никитишна, вглядываясь пристальней в невысокого, коренастого и плотного Травкина, в его овчинный полушубок, в новенькие погоны, и махнула рукой: — Мне все едино. Не разбираюсь. Военный и военный. А ежели их повысили, значит заслужили, потому как они очень душевный человек.

Уважительная бабкина речь о Травкине во множественном числе рассмешила Виктора, и он хихикнул, прячась за генеральской спиной.

— Ой, и Витя тут? Нашелся, милый! Ну, не хоронись за дядю, выходи, дайка поглядеть на тебя пропащего. Небось отощал? — сказала бабка, не очень удивившись появлению Виктора, и Калерию Ивановну это задело.

— Почему бы ему тощать? Мой сын никуда не пропадал. Кто это выдумал? Брякнет кто-нибудь ерунду, а другие и верят. Витя и Константин Константинович приехали по своим военным делам сегодня утром в Москву. Константин Константинович еще раньше, еще из училища затребовал Витю в свою часть. Он и поехал. Но я же этого не знала! Если бы я все знала, стала бы я беспокоиться, терпеть стыд и страх?

Объясняя бабке, как все получилось, Калерия Ивановна краснела и заикалась и не отводила глаз от Травкина, а он был не на шутку рассержен и смущен. Ей подумалось, что он окончательно сейчас рассердится, хлопнет дверью и уйдет, бросив ее и Виктора на произвол судьбы.

— Страху-то было много, — подтвердила бабка. — Приходили двое военных три раза, допытывались у соседей, не прибегал ли к матери тайком. И я за Витьку вся испереживалась. Жалко же, соседское дитё, а его обзывают: дизентир да дизентир. Брехня, думаю, глупый он, молодой, дурной, вот и вся его беда, что своего ума еще нет. А без разума, сами понимаете, неизвестно куда парня занесет. Дай, думаю, схожу помолюсь к Пимену в Косой переулок на Краснопролетарскую. Катерину свою (она у меня младшенькая, поскребыш) я в этой церкви крестила, у Пимена, и нынче все туда хожу. Кто Новодевичий хвалит, кто Нечаянные радости, что в Марьиной роще, — кому что. А я все хожу в Косой переулок. Венчались мы с моим покойным Фаддеичем там.

— Как же вы молились за Виктора? — спросил со строгим интересом Травкин.

— А просто. Царица, говорю, небесная, раба твоего позорного Витьку Курносова наставь на ум.

— О своих собственных детях молитесь! Их наставляйте на ум. Не ваша печаль чужих качать! — взъярилась Калерия Ивановна, кипело ее сердце и сдержаться не смогла. Но не ругаться же на кухне при постороннем значительном человеке да еще во втором часу ночи. И выложила ядовито, с расстановкой: — Вдова молодая ваша вчера ночью, когда вернулась из кино со своим капитаном, дверь на крюк не заперла. Передайте ей, чтобы запирала. А то всю квартиру жулики обворуют, а я на кухне на веревках оставляю белье. Мои простыни все новые. И еще неизвестно, кто он есть, ее капитан!

— Дура ты дура, — произнесла с сожалением бабка.

А за генералом уж захлопнулась дверь... Выскочила Калерия Ивановна на лестницу, да в пустой уже след.

— Что это вы за глупости здесь плели про моего Виктора? — допросила она бабку, наступая на нее, задрав подбородок, сложив руки на груди.

— Курица ты надутая, — ответила ей бабка. — Эх ты, бесплатная кино, — поманила чистой-пречистой отстиранной ладошкой в глубь кухни и оглоушила:— Передо мной-то не выкобенивайся. Мне-то не в диковинку твои спектакли. Ну, укажи я давеча тем военным на твоего Витьку, подыму я зятя? Нет. не подымешь и не воскресишь, а только бога разгневаешь. По всему свету сейчас и без Витькиного сраму полно горя и смертей, и никто не знает, где оступится, где прославится. А возле хорошего человека, возле Константина Константиновича, может, что путное получится и из твоего Витьки. Он же не своим умом. Ну об этом что толковать-то. Не такая уж я слепая и глухая. Считай, что быльем поросло. Было и нету.

Зашелся дух у Калерии Ивановны. Холодный сквозняк протянул по щекам. Рот раскрыла и закрыла. Проговорила удивленно, будто так удивлена, что и язык не ворочается:

— Ннн-не понимаю... О ччем вы? — и легкой травиночкой, тише воды, выскользнула из кухни.

Генерал Травкин на следующий день отбывал из Москвы в сопровождении адъютанта, младшего лейтенанта Курносова. Калерия Ивановна беззвучно плакала, собирая в новенький чемоданчик вещи сына. Счастливые слезы вымывали из материнской души последние пылинки страха, и облегченная душа ликовала. Сын — адъютант! Адъютант! Кто же не позавидует? Начищенный Витя, весь с иголочки с головы до ног, будет красоваться возле строгого и всесильного генерала Травкина, будет вытягиваться и щелкать каблуками. Витя уже и сейчас щелкает и красиво отдает честь, так, что просто залюбуешься.

Любовалась им и Аврора Алексеевна. Она все те предыдущие ужасные трое суток звонила по нескольку раз на день, спрашивала испуганным и раздраженным голосом, есть ли новости. Вот и сегодня утром позвонила и, услыхав, что Витя объявился, прибыл вчера ночью с генералом Травкиным, примчалась домой и, захлебываясь сбивчивым шепотом, рассказала, как все эти три ночи сама не спала и дочери с ребенком не давала: вставала ежечасно, припадала ухом к двери, ждала, что явятся за гражданкой Греховой и арестуют ее за укрытие дезертира.

Такое признание подруги кровно обидело Калерию Ивановну. Неужели бы она, мать офицера (как в старину!) позволила бы себе заплатить черной неблагодарностью за любезность? Она сказала бы, если бы, не дай бог, Витю обнаружили, что самовольно воспользовалась доверием соседки, оставившей ей ключ, чтобы поливать цветы. Но зачем теперь весь этот страх вспоминать? Обошлось — и слава богу!

— Витя и Константин Константинович обязаны ехать только в мягком вагоне, — похвалилась Калерия Ивановна на кухне, когда не было бабки.

Бабку она со вчерашней ночи боя-

лась, хотя сделала вид, что не придала значения тому разговору и не запомнила, о чем таком говорила ей Никитишна. Да все и вправду будто забылось, и те предсмертные дни и часы, когда на тонюсенькой паутинке в своих руках держала сына над бездной.

— Цыпочка! Говорит лейтенант Курносов, адъютант генерала Травкина. Еду на 1-й Белорусский фронт. Через час мы с генералом отбываем, — трезвонил Виктор в коридоре.

— А ну иди сюда! — крикнул из комнаты Травкин. — Всю Москву оповестил, что едешь на 1-й Белорусский?

— Я думал, вы не слышите, дядя Костя. Прошу прощения, товарищ генерал.

— Зачем ему вся Москва. Ему хватит и Марьиной рощи, — сказала с лукавой усмешечкой мать, не упуская возможности отвести гнев дяди Кости, и он в самом деле смягчился:

— Ближе не нашлось по-соседству хороших девчат?

— Есть одна и очень хорошенькая, да не нравится ей наш Витя. В этом же доме живет, в первом подъезде, Ниночка Антипова.

— Ма-а!

— Разве не правда? За нее ведь Андрюшка отколотил тебя в десятом классе? Соседей наших Митрохиных сын. Вчера его отец приезжал — командирован по делам службы. Заходил вот вечером, узнавал, нет ли чего от Андрея. Месяца два уж не пишет.

И, увидав, как изменился взгляд Травкина, пожалела Калерия Ивановна, что обмолвилась про Андрюшку и загубила легкий приятный разговор. А, безмозглая курица!

Виктор ненавистно зыркнул на мать из-под насупленных бровей, полоснул ее по сердцу. Ох, как ударил ее этот сыновний взгляд! За что же, Витя? Да ты мне обязан за все поклониться в ножки! И проговорила вполголоса:

— Сказал бы спасибо... Дяде Косте вот скажи большое спасибо.

ГЛАВА III

Ранило Виктора случайно уже перед самым концом войны. Осколок мины отбил каблук и засел в пятке. Пришлось лечь в госпиталь в Берлине.

Приехала тетя Варя, навещала племянника каждый день, приносила домашнюю еду, не верила, что в госпиталях хорошо кормят. Сорокалетняя генеральша выглядела моложе своих лет, была смешливой и простоватой, но как раз эта простоватость ей очень шла и нравилась в ней людям. Варвару Ивановну пропускали в неположенные часы строгие и придирчивые медсестры, ей приветливо улыбались обитатели палаты легкораненых, где лежал Виктор, и пока он им не сказал, никто в госпитале и не догадывался, что скромная посетительница старшего лейтенанта Курносова и есть жена его дяди, генерала Травкина. Про дядю все знали.

Осанка тетки и черты румянощекого скуластого лица напоминали Виктору мать. Похожи были глаза, узенькие, утопленные в подушечках век, такие же, как у Виктора, похожи носы — короткие и вздернутые, но на этом сходство сестер кончалось.

— Эх, генеральша, важничать ты не умеешь, — подтрунивал Виктор, но самому нравилось видеть ее такой как есть, простой и доброй. — Вот бы мать мою на твое место, она бы показала!

Тетя Варя оглянулась, не наблюдают ли за ней, согнула правую руку в локте, будто несет кофейник, а левую томно приподняла, оттопырила мизинчик и прошлась павой.

— Точно! — хохотал Виктор. — Ну вылитая моя мамуля в свои лучшие дни.

Тетка перестала дурачиться, села возле племянника на садовую скамью и, грустно глядя на него, спросила:

— А были у твоей мамули лучшие-то дни?

Виктор замолчал, услышав в вопросе тетки упрек. Конечно, мать все рассказала ей, когда тетя Варя была проездом в Москве, а здесь, в Берлине, ей все рассказал дядя Костя. Каждый из них оценивал щекотливое семейное событие со своей стороны, противоположной другой стороне своими принципами. Но ведь Виктор смыл кровью свой тот негласный позор! На войне не спрашивается, как в кого попало, спереди или сзади, и кровь есть кровь с неоспоримым правом смывать грехи, и все равно, откуда она вытекает, из сердца или из пятки.

— Витя, мы письмо получили от твоих. Просят, чтобы ты, когда будешь ехать в Москву, телеграмму им дал. Они встретят. Доставь им эту радость.

Ах, не то она хотела сказать, вернее не то он хотел услышать! Он просил тетю Варю уговорить мужа оставить у себя Виктора на службе. Значит, Травкин не согласился...

— Попроси его еще раз. А, тетя Варя? Он для тебя сделает, — умолял Виктор, провожая тетку до госпитальных ворот, скача на одном костыле подстреляным воробьем.

— Я уже просила. И слышать не хочет, чтобы оставить, — тетка помолчала и нехотя произнесла: — Это он из-за того, как ему пришлось взять тебя... Он мне признался, что это самое черное пятно на его совести и в его жизни. Я не могу его больше просить, Витя. Извини, мне его жалко. Он не только тебе не простил. Он себе не простил. Наверное, ему легче будет, когда ты демобилизуешься, уедешь...— тетя Варя улыбнулась горько, но в то же время как-то светло и продолжала: — Помнишь, я рассказывала, как мы с ним познакомились на бульваре? Крикливый ты был. Сижу я на лавочке, баюкаю тебя, а ты орешь и соску выплевываешь. А тут идет молодой красноармеец и говорит: «Эх, барышня, что же вы ребенка не так трясете? Дайте покажу, как надо». Это он познакомиться со мной захотел, а я поверила и отдала тебя. Он присел рядом и нянчит. Вот идет старушка, увидела нас и говорит: «Какие же вы хорошие, молоденькие, славные и дитеночек ваш славный. Первенький?» — спрашивает она, а я молчу, онемела от стыда, сижу красная, как свекла. А Костя, я еще не знала, что его Костей зовут, отвечает ей: «Первенький, бабуся, первенький он у нас!» Наш-то первенец родился через год, заболел малярией, мы в Азии тогда жили, и умер. А больше детей у меня и не было. Ты понял меня, Витя?

Тетя Варя открыла сумочку, достала платок и утерла слезы. Виктор узнал этот, обвязанный по краю синими нитками носовой платок. Таким Травкин вытирал ладонь, когда закатил оплеуху Виктору в ту ночь, в сорок третьем году, дома.

Накануне отъезда Виктора тетя Варя собрала застолье, справила проводы. Не чужой человек уезжал от Травкиных, а родной племянник. А он в одиночестве, пока не было гостей, ходил с рюмкой вокруг накрытого стола и снимал пробу — заливал обиду. Полтора года и в мирной жизни не короткий срок, а на войне в пять раз длиннее. Покатались они вместе, генерал Травкин и его адъютант, по всяким дорогам — и по тем, что значатся на картах жирной чертой, и по тем, что тонюсенькой линией. Белоруссию проехали всю и насквозь всю Польшу. Одер перемахнули на виллисе по понтонному мосту. Воевали не хуже людей, хотя и не в первом эшелоне. Но война на войне везде война, пуля достанет и в последнем. Предоставлялась генеральскому адъютанту возможность попасть в посмертные герои.

— Жалеешь, что не попал? — спросил сам себя Виктор, отходя от очередного графина, и не удивился честному своему вопросу.

Собрались гости, помощники и замы Травкина, выпили порядком за отъезжающего, а еще раньше в честь Победы, потом снова за старшего лейтенанта Курносова, уходящего в гражданку, за его дальнейшую успешную жизнь.

— Скажи откровенно, дядя Костя, скажи на прощанье, плохим был я у тебя порученцем? — спросил Виктор, презрев официальность.

Хотелось задать этот вопрос с гордым достоинством, а получилось пьяно и слезливо, и было мучительно стыдно, оттого что приходится выпрашивать себе похвалу.

— Витя, милый, о чем ты? — вмешалась моментально тетя Варя, похожая сейчас сильнее обычного на мать. — Дядя Костя хвалил тебя в каждом письме ко мне. Помнишь ведь, — обратилась она к мужу, — ты писал, что отпустил Виктора временно по его просьбе в роту, и Витя там показал себя с хорошей стороны?

— Ха, тетя Варечка! — обрадованно воскликнул Виктор, ощущая, каким он стал легким и ярким. Тетка вспомнила именно тот случай, о котором Виктор мог говорить без конца. Но было что!— Мы их гадов накрыли так скоренько, что пшенная каша в чугуне не успела остыть. Застрял наш студебеккер. Полесье — что джунгли! Стоим и думаем, в какую сторону идти? И вдруг ветерочек на нас подул и запахло дымочком. Чувствуем, собираются бандюги завтракать, заправляют салом кулеш. Они за ложки, а мы им: «Руки вверх!»

Про горячую кашу в бандитской землянке рассказывал Виктору лейтенант Ионин, командир взвода, где в декабре сорок четвертого порученец генерала Травкина был несколько дней кем-то вроде стажера. Ионин взял его на вылазку, но в бой не пустил, зная, во-первых, чей племянник лейтенант Кур-

носов, а во-вторых, опасался, что штабной офицер, не имеющий боевого опыта, может испортить план действий. Бандитское логово было выслежено, каждый шаг заранее рассчитан. Виктор вместе с шофером дожидался в кабине грузовика. «Не доверили — не надо, — думал тогда Виктор. — Но что, если операция не удалась, если вспугнутая озверевшая шайка вывалится сию минуту из леса на недвижимый, заглохший студебеккер?»

Колючей мыслью этой, нервно хохотнув, Виктор поделился, будто в шутку, с шофером, молоденьким ефрейтором, молчащим от застенчивости. Тот сказал: «Не бойтесь. От нашего лейтенанта не уйдут. Я вот думаю про другое. Пошли наши своими ногами, а кого-то из ребят принесут на руках?»

Принесли двоих — младшего сержанта и рядового, того, что перед уходом постоял вместе с шофером и покурил. Поэтому и запомнилось Виктору белокожее лицо с густым румянцем, белесыми ресницами, забавным носом-топориком и пухлыми, растянутыми в улыбке, губами. Совсем еще был пацан, лет восемнадцати. А младшему сержанту исполнилось двадцать.

Оба убитые лежали на снегу на носилках, смастеренных из досок, выломанных в бандеровской землянке. Виктор, вглядываясь в очень красивые лица, успокоенные глубоким сном, тихонько проговорил: «Может, они еще живы?» Шофер, морщась от подступивших слез, помотал головой и полез в кабину, долго там стучал железками и сиденьем, вытащил плащ-палатку и накрыл ею обоих покойников.

Бандеровцы, четырнадцать человек со связанными назад руками, переминались тут же, топтали свежий снег, запорошивший след колес машины, — обыкновенные на вид деревенские мужики в валенках и кожухах, патлатые и небритые. Один хлопец еще видать и не начинал бриться. Он стоял позади всех, и у него, не переставая, дрожали губы. Все они не разговаривали между собой, не переглядывались, а молча и равнодушно глазели на солдат, выпихивающих студебеккер из снежной каши. Виктор, отчасти по обязанности, но больше от нетерпеливого стремления показать, что он здесь не даром, опросил арестованных, записал фамилию каждого, имя, отчество и год рождения. Отвечали они хмуро и не сразу и, может быть, называли чужие имена и фамилии. Пятеро оказались его ровесниками, он усмехнулся, спросил: «Ну, разбойнички, а кто вы в основном? Полицаи? Немцам служили?»

«Не тебе ж, легавый», — буркнул набычившийся мужик, похожий на неандертальца. А стоявший посередине арестованных парняга лет тридцати с русой бородкой, синеглазый и узконосый, какими рисуют святых на иконах, пошевелил плечами под коротеньким и тесным ему черным кожушком, переступил высокими, стройными, в немецких штанах и советских начсоставских сапогах, ногами и, нагло глядя, сказал: «В основном, товарищ лейтенант, мы есть дезертиры. А полицаи — это мы после». Говорил он с западноукраинским акцентом и с откровенной насмешкой.

Виктор закрыл блокнот, спрятал его в планшет, застегнул кнопку, и только тогда опроверг: «Я тебе не товарищ, бандеровская сволочь!»

В тот же день лейтенант Курносов занимался расследованием злодейского убийства, происшедшего, по-видимому, нынешней ночью. Хозяйка хаты, ближней и бывшему колхозному сараю, ныне брошенному и наполовину разобранному на доски, прибежала еще затемно к соседке и поведала о том, что слыхала. Вышла она ночью глянуть на своего кабанчика, а из сарая доносятся голоса. Один стонал страшно, а вроде бы трое на него ругались. А на утро для устрашения жителей Осиновки, чтобы молчали и ни в чем не признавались энкаведешникам, лежал на льду возле колодца труп неизвестного с выколотыми глазами и вырезанной на груди звездой. Повторить свои слова Виктору хозяйка кабанчика отказалась, твердила, что ничего не слыхала.

Он записывал в протокол приметы убитого: «Возраст — лет двадцать семь, рост — метр восемьдесят, плечи широкие, ключицы и ребра сильно выступают — крайне истощен. Волосы — темно-каштановые, вьющиеся. Рубахи нет, одет в синие поношенные брюки из домотканой холстины. Смерть наступила от множества ран: выколоты глаза, большая рана в области сердца, вырезана на груди пятиконечная звезда, а со спины двумя полосами от плеч до пояса содрана кожа». Смотреть было жутко. Пронизывало насквозь то холодом, то жаром и острой горячей болью пекло кожу на груди, будто у самого Виктора вырезают звезду. Он пошатнулся, сказал, что пойдет в хату, потому что на морозе пальцы не держат карандаш.

Личность убитого выяснить удалось. Дивчина из соседней деревни опознала в нем старшину из батальона железнодорожных войск. Приезжал старшина к ним в деревню осенью с разнарядкой на двадцать подвод. Девушка та ездила за отца. Батальон восстанавливал на Припяти взорванный немцами железнодорожный мост. Подводы недели полторы возили грунт для путевой насыпи. Потом их отпустили домой.

Старшина второй роты Афанасий Соболев, серьезный, чубатый и вообще красивый, пекся о возчиках все это время, наведывался вечерами в их артель, спрашивал, хватает ли продовольствия, читал последние сводки из газет, объяснял, как важно теперь закончить мост досрочно, когда советские войска уже вступили в Польшу и вышли к реке Висле. Очень полюбили возчики старшину. Обещал он приехать в Полесье после войны, поглядеть, какая здесь начнется колхозная жизнь. Рассказывал Соболев про свой колхоз, передовой во всей Московской области. Там работал Афанасий агрономом, там живет его мать, а жены нет, не успел жениться. Призван на службу в желдорвойска в тридцать восьмом году, в партию вступил в сорок первом.

Труп старшины, завернутый в ветхую дерюгу, положили в кузов на солому рядом с теми двумя — младшим сержантом и рядовым. «Вот служили они в разных частях далеко от передовой линии фронта, не ходили в наступление за населенные пункты...» — начал было речь Ионин, запнулся и направился к сараю, крикнул: «На-а-ряд! Выводи бандюг ко второй машине!»

Виктора сорвало с места, он кинулся следом, закричал: «Погоди, Ионин!» — обогнал того, а едва часовой отволок нескладное тяжелое сооружение, заменяющее дверь, сколоченное солдатами два часа назад, Виктор, торопясь, чтобы Ионин ему не помешал, первым влетел в сарай и, дергая кобуру, не умея второпях расстегнуть ее, заорал бешено, что было силы: «Кто из вас, сволочь власовская, зарезал старшину! Признавайтесь! Скажете кто — застрелю одного этого гада, который зарезал... — и прицелился трофейным парабеллумом в неандертальца, — а не признаетесь, перестреляю всех подряд!»

Арестованные застыли. Кое-кто уже успел приподняться, а кое-кто еще сидел на земле, занесенной снегом, нападавшим сквозь дырявую крышу. Виктор с наслаждением водил дулом от одной окаменевшей рожи к другой, мстительно упивался их страхом, сделавшим всех похожими, как братьев-близнецов. Неандерталец погружался в землю от собственной каменной тяжести.

«Брось психовать, Курносов. Ехать надо», — сказал Ионин спокойно, без укора, и опустил руку Виктора, сжимающую парабеллум, похлопал по плечу, повторил: «Пора нам двигаться». Виктору было стыдно уходить из сарая вот так ни с чем, он упрямо твердил: «Пусть гады сознаются. Должен я написать, кто замучил Соболева? Э, ладно, я все равно такое их признание занесу в протокол», — и пошел к двери.

«То будет неправда, пан лейтенант! — воскликнул русобородый, и ясно были видны на его иконном посеревшем лике смятение и беспокойство. — Мы не знаем, кто кого здесь зарезал. Мы ни разу не приходили в эту деревню. Вы нас захватили рано утром в лесу и ничего другого писать не имеете права».

«И никто из местных жителей вас не знает?» — спросил Ионин. «Никто!» — твердо ответил русобородый. Сподвижнички его ожили, закопошились и громко поддакнули: «Так, так!»

«Васыль!» — дико закричала молодая женщина, когда из сарая вывели русобородого. Он растерялся на короткий миг, сделал вид, что крик относится не к нему, и пошел к машине. «Васыль, Васылько!» — отчаянно голосила молодайка, и он дернул связанными руками и хмуро кивнул — попрощался все же.

«О, бандюга, он же в моем списке Стефан Ковтун», — сказал Виктор. — «Значит, стреляный», — определил Ионин. Но они еще не догадывались тогда, что это тот самый Васыль Дыба, чья банда долго зверствовала на Волыни, заливая кровью деревню за деревней, была наконец в марте сорок четвертого захвачена на одном укромном хуторе, но главарю с его ближайшими сподручными удалось скрыться...

Продолжение следует

200 лет со дня смерти

Новые переводы Вольтера

Когда однажды Вольтер, прогуливаясь в своем саду, вздрогнул от неожиданного удара грома, а его спутник, улыбнувшись, заметил, что господин философ, наверное, все-таки страшится смерти, то «умов и моды вождь» ответил: «Да, вы правы. Но не столько я боюсь умереть, сколько обрадовать церковников. Они тотчас раструбили бы, что это божья кара за мои издевки над ними. Необразованные люди сему поверили бы, и философии пришлось бы на полстолетия отступить».

Хотя в смерти Вольтера, которая наступила ровно 200 лет назад, 30 мая 1778 года, не были повинны никакие стихийные силы, если не считать, конечно, ту бурю восторга, которую парижане излили во время возвращения в столицу Франции престарелого изгнанника, тем не менее церковь нашла, как ему досадить. Она запретила хоронить его на кладбище. Впрочем, ее решение нельзя назвать беспрецедентным. В XVII веке такая же участь постигла крупнейшего драматурга Мольера. Тот и другой равным образом вызвали целую серию эпиграмматических эпитафий (надгробных надписей) со стороны всех ретроградов. Представители прогрессивной части общества дали им отпор. Так, Мольера высоко оценил знаменитый баснописец Лафонтен, сравнив его в написанной на смерть писателя эпитафии с комедиографами Плавтом и Теренцием, бичевавшими в III и II веках до нашей эры пороки римского общества.

У Вольтера тоже было много защитников. Когда 84-летнего старца пригласили вернуться в Париж, он вскричал: «Но разве не известно, что в этом городе живет 40 тысяч фанатиков, которые принесут 40 тысяч охапок хворосту, чтобы в угоду небесам сжечь меня на костре?» «Да знаете ли вы, — ответил патриарху склонявший его поехать в столицу, — что в Париже также живет 80 тысяч ваших друзей, которые не замедлят явиться, чтобы погасить этот костер?»

Вольтер, надо полагать, предвидел, что его не оставят в покое и после кончины. Поэтому он заблаговременно позаботился составить такую автоэпитафию:

С профанами всю жизнь я вел открытый бой.
Следы невежества мне так смешны и жутки,
Что если есть оно за гробовой доской,
То и у призраков гоню я предрассудки.

А рассадницей предрассудков Вольтер считал религию, под хоругвями которой в одной только Франции собралось 60 тысяч монахов и 6 тысяч священников. Вместе с дворянами они владели почти половиной национальных земель.

Вольтер находился на стороне бесправного третьего сословия, к которому он принадлежал и по своему социальному происхождению. Автор известных «Мемуаров» — герцог Луи де Рувруа, Сен Симон, так вспоминал о нем: «Он был сыном того нотариуса, которого я неоднократно видел в нашем доме с бумагами на подпись, приносимыми к моему отцу по долгу службы у него. Нотариус ничего не мог поделать со своим сыном-вольнодумцем». А ведь маленький Мари Франсуа Аруэ (псевдоним Вольтер придумал, став писателем) был отдан родителями в иезуитский коллеж. Кто знает, может статься, именно монашеский орден иезуитов, в борьбе за чистоту католической веры руководствовавшийся правилом: для достижения поставленной цели все средства хороши, — послужил первопричиной вольтеровской ненависти к церкви?

Как и его критически мыслившие предшественники, Вольтер с деизмом не порвал, он пытался увязать материализм с «предустановленной гармонией» созданного богом мира. Более того, он полагал, что существование бога не может быть убедительно доказано, но этот вопрос решает в конечном счете не интуиция, а человеческий разум, взвесив все доводы «за» и «против». У Вольтера доводы «за» оказались сильнее, чем у его младших сподвижников — Ламетри, Дидро, Гельвеция и Гольбаха, которые исходили из других посылок.

Однако отстаиваемая этим философом позиция чудовищно подрывала авторитет церкви, которую он считал вредной и ненужной. Вольтер как-то произнес: «Мне надоело слушать, что для установления христианства было достаточно двенадцати апостолов; я хочу доказать, что для ниспровержения христианства достаточно будет одного». А его призыв «Раздавите гадину!» (то есть церковь) стал знаменитым.

Не будучи юристом-профессионалом, Вольтер выиграл несколько процессов, взяв под защиту французов, павших жертвами вопиющей религиозной нетерпимости. Их имена высечены на его надгробии в Пантеоне, куда парижане по решению революционного Конвента в 1791 году перенесли останки прославленного борца за справедливость.

Из своих трудов по истории Вольтер изгнал божественное провидение как движущую силу общества, а историю Европы характеризовал так: «Кровь лилась на полях и эшафотах то в одной стороне, то в другой в течение 500 лет — и все из-за богословских доказательств».

Боролся он с церковью и как поэт. Уже в его первой трагедии «Эдип» героиня Иокаста заявляет, что жрецы вовсе не те, за кого их принимает невежественная толпа, и делает заключение: «Их знанья зиждятся на нашем легковерье». Бессмысленность религиозной розни ярко показана в трагедиях «Заира» и «Фанатизм, или Магомет пророк» и в драме «Саул».

Писатель восстает против религии во всех литературных жанрах, которыми он пользуется. В качестве примера можно привести поэму «Орлеанская девственница» (где «обругана», по выражению Пушкина, переведшего на русский язык ее первые 25 строк, «святыня обоих Заветов»), «За и против (Послание к Урании)», сатиру «Системы», так называемые сказки (стихотворные новеллы) «Азолан, или Обладатель бенефиция» и «Папская туфля», а что касается антиклерикальных эпиграмм, то им несть числа: это «Надпись под эстампом с изображением Иисуса Христа в сутане иезуитского ордена», «Г-ну Д... В ответ на стихи, присланные ему Бордоским обществом веротерпимости», «На ковчежец с мощами», эпиграмматические эпитафии Клермону-Тоннеру, епископу Нуайонскому, папе Клименту XIII и т. д. Вольтер ухитрялся задеть

религию даже в мадригалах (стихотворных комплиментах), перевод одного из них приводится ниже.

Дух Вольтера проник в Россию и овладел умами наших соотечественников еще в XVIII веке. Но вплоть до Октябрьской революции царская цензура всячески препятствовала изданию на русском языке автора «Философского словаря» и других «вредоносных» книг, а в том, что прорывалось сквозь рогатки цензуры, оказывалось много умолчаний и замен. Так, в повести «Гурон, или Простодушный», опубликованной в 1789 году в переводе Н. Е. Левицкого, Библия обозначалась латинской буквой В и тремя точками, Новый завет — инициалами Н.З., действительная благодать — д.б., вместо выражения «я раскрещиваюсь (je me débaptise) стояло «все брошу»» и т. д.

Противники «новой философии» неистово критиковали «веру естественную, запечатленную в сердцах наших», которая заключается лишь в «наблюдении нескольких правил нравственности и поклонении верховному существу, под каким бы то ни было видом, не привязываясь к обрядам», как формулировалось в русском переводе книги французского аббата К.-М. Гюйона «Оракул новых философов, или Кто таков г. Вольтер. Критические замечания» (М., 1803, стр. 8). Однако зарубежные и отечественные глашатаи старой веры не могли заглушить нового веяния.

На помощь пытливым искателям истины пришла «рукописная книжность». В списках широко распространялись антиклерикальные памфлеты «Катехизис честного человека», «Китайский император и брат Риголе», повесть «Белый бык», разоблачающая христианский догматизм, и другие произведения Вольтера.

Из этого обилия вольнодумных трудов Вольтера мы составили стихотворную подборку, куда включили «Папскую туфлю» как весьма характерное для писателя произведение по выражению его «крамольных» мыслей и неизвестное еще у нас на русском языке, а также несколько коротких стихотворений, живо передающих общий настрой их автора.

Папская туфля

Сын божий, как писал Матфей святой,
Был на гору затянут сатаной.
«Сир, полюбуйся, — рек ему лукавый,—
Глянь на моря и земли сей державы,
Что основали римляне». — «Но я
Не мог бы столь обширные края
Узреть с горы и много выше этой», —
Ответил Иисус. А черт: «Не сетуй!
Я сделку предложу тебе, друг мой». —
«Что ж, предложи, пожалуй. Но постой:
А в ней непогрешимость не задета?» —
«Сир, — молвил сатана, — сей частью света
Владею я с тех пор, когда Адам
Вкусил запретный плод. Но я отныне
Земную твердь навек тебе отдам,
Коль мне поклон отвесишь, божий сыне».
Мессия рассмотрел со всех сторон
Условия такого соглашенья.
Их посчитал приемлемыми он.
Но, с детства помня, что не ждать спасенья
Тому, кто жаждет здесь обогащенья,
Он поступиться честью не рискнул.
И в Рим помчался друг наш Вельзевул.
Избранниками Рим, как муравейник,
Кишел в счастливейшее время то.
Там папа был бедняк, первосвященник
Да пастырь чад. И более никто.
Войдя к нему в убогое жилище,
Злой дух воскликнул: «Вас хочу, дружище,
Я сделать всех богаче и сильней».
Святейший в новой роли прозелита
У демона облобызал копыто,
И важный, как сенатор, черт-пигмей
Понтифика вмиг увенчал тиарой:
«Вот вам мой дар. Мы стали верной парой.
Так соизвольте тенью быть моей».
Днесь оттого, что дьявольского кошта
Сподобился весь клир и оттого, что
Копыто у мессира сатаны
Поцеловал понтифик, мы должны
Послушливо, с покорливостью рабской
Прикладываться тоже к туфле папской.
От гугенотов, милые друзья,
Узнав о сей истории веселой,
Ей, слава богу, мало верю я,
Поскольку отдает она крамолой.
И если благородный человек
Вдруг увлечется виршами моими,
То пусть по крайней мере имярек
Не вздумает показывать их в Риме.

Г-ну???

Мне в ту страну пора, откуда уж не сможет
Никто и никогда прийти на этот свет.
Но бог израильтян туда мне не предложит,
Как добряку Илье, златой кабриолет
С четверкою коней из солнечных конюшен.
Сегодня бог, увы, не слишком благодушен,
И к прежней роскоши возврата нет как нет.
Мы в строгости живем по Новому завету.
Все изменяется в раю и на земле:
Ведь ежели Илья заполучил карету,
То Иисус Христос радел лишь об осле.

Экспромт женевской даме, которая в диспуте с автором защищала учение о троице

Я в троицу не веровал вначале.
Но наступил неверию конец,
Когда, мадам, вы предо мной предстали,
Явив собой трех граций образец.

На скульптурное изображение аббата де Сен-Пьера

Смотрю: Сен-Пьер* как вкопанный стоит.
И я, как он, окаменел, решая:
Что это предо мною? Плоть живая
Иль скульптором изваянный гранит?
К чему, однако, я догадки строю?
Ей-ей, из камня сей ученый муж!
Ведь стой он во плоти передо мною,
Вмиг брякнул бы какую-нибудь чушь.

На епископа Буайе, метящего в кардиналы

Чем становится выше твой сан,
Тем яснее для всех прихожан,
Что пленяешь ты глупостью папу.
Каждый знает, что папа, увы,
Хоть и даст кардинальскую шляпу,
Но не даст никогда головы.

На эстамп с изображением Иисуса Христа в сутане иезуитского ордена

Сыны Лойолы! Ясно, отчего
Вы дали нам Христа изображенье
В своем иезуитском облаченье:
Дабы никто не возлюбил его.

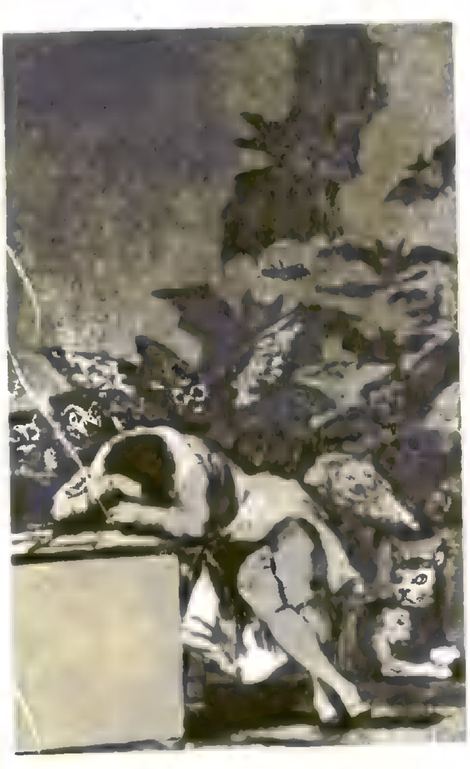
Вступительная статья и переводы
Вл. ВАСИЛЬЕВА

* Аббат де Сен-Пьер (1658—1743 гг.) витал в эмпиреях, у современников он пользовался известностью как беспочвенный благотворитель и прожектер.

150 лет со дня смерти Франсиско ГОЙИ

А. МАТВЕЕВ

"СОН РАЗУМА

Сон разума рождает чудовищ». Офорт из серии «Капричос». 1797—1798 гг.

Франсиско Гойя занимает особое место в испанском искусстве и испанской культуре: не будет преувеличением сказать, что это самый крупный художник, которого дала Испания за триста лет, прошедшие после «золотого века» испанского искусства, отмеченного именами Эль Греко и Веласкеса, Сервантеса и Кальдерона. Особое место принадлежит Гойе и в европейском искусстве своего времени — он намного опередил поиски и дерзания своих современников. Когда сравниваешь произведения Гойи с картинами классициста Давида или романтика Жерико, сразу бросается в глаза, насколько свободен Гойя от каких-либо априорных схем и доктрин, насколько непосредственно реагирует его искусство на окружавшую художника действительность. Кажется, что творческим возможностям его кисти и офортной иглы нет предела. Это сближает Гойю с искусством XX века. Как писал французский исследователь Мальро, Гойя «предвосхитил все современное искусство».

При жизни Гойя не был известен за пределами своей родины. Для остального мира его открыли в 40-х годах прошлого века французские романтики, которых привлекла в творчестве художника прежде всего фантастика.

Оценка творчества Гойи неоднократно менялась. Для наших современников он не только создатель образов, поражающих своей фантастичностью, но прежде всего большой мастер реалистического искусства. Однако постоянно возрастающий в наше время интерес к творчеству художника вызван не только его мастерством реалиста. Творчество Гойи — это интереснейший человеческий документ и документ эпохи. Именно поэтому его картины и офорты не могут оставить равнодушным — их принимаешь или не принимаешь.

Жизнь и творчество Гойи начинались в XVIII веке — существовавший порядок вещей казался тогда прочным и неизменным; умер художник в 1828 году, когда после мучительной ломки рождались новое общество и новая культура. Художник оказался в исключительном положении: оставаясь блестящим знатоком испанской жизни XVIII века, испанских традиций, он приобрел новый взгляд на мир, взгляд человека XIX века, расставшегося со многими старыми иллюзиями, предрассудками и суевериями. Эта позиция на рубеже двух столетий, на грани двух исторических эпох позволила Гойе с большой достоверностью и страстностью отразить в своем творчестве противоречивость и сложность своего времени.

Франсиско Гойя родился 30 марта 1746 года в арагонской деревушке в семье позолотчика. Юность провел в Сарагосе и Мадриде, учился живописи, в 1764 и 1766 годах выставлял свои картины на конкурс в Академию Сан-Фернандо, но потерпел неудачу: картины не были приняты. Затем уехал в Италию. Вернулся в 1771 году. Живопись итальянского классицизма и античное искусство не привлекали Гойю. Он много копирует Веласкеса, совершенствует свою живописную технику, делает первые офорты.

В 1776 году Гойя начал работать на королевской шпалерной мануфактуре в Мадриде. За 15 лет он создал большую серию так называемых картонов — композиций, по которым изготовлялись шпалеры. Эти работы заставили говорить о Гойе как об одном из самых крупных мастеров в изобразительном искусстве Испании. Несмотря на прикладной характер, ограниченность тематики и выразительных средств этого жанра, уже здесь Гойя показал себя как оригинальный и самобытный мастер.

Картоны Гойи отличает радостное, мажорное мироощущение. Перед нами небольшие жанровые зарисовки народной жизни, в которых нет нарочитого изящества и утонченности. В картоне «Завтрак на лужайке» (1788, Лондон, Национальная галерея) Гойя показывает группу из пяти кавалеров и двух дам во время пикника. Никакой идеализации: национальные испанские костюмы, выразительные, подчеркнуто некрасивые лица. В других картонах Гойя еще дальше отходит от французских образцов: в композициях «Ходули» (1791—1792, Мадрид, Прадо), «Игра в пелеле» (1791, там же) он показывает народные игры и развлечения. Гойя не только противопоставляет торжественному холодному придворному портрету и классицистическим композициям радостную стихию народной жизни,— но в таких картонах, как «Зима» или «Раненый каменщик» (обе — 1786, Прадо), он показывает полные драматизма сцены из жизни простых испанцев.

Работа на королевской мануфактуре все меньше удовлетворяла художника, хотя и принесла ему почет и славу: в 1780 году он был принят в члены Академии Сан-Фернандо, где в скором времени стал сначала вице-директором, а потом и директором живописного отделения, в 1789 году — назначен придворным живописцем нового испанского короля Карла IV.

Отказавшись от работы над шпалерами, Гойя приступает к созданию живописных полотен.

К 90-м годам относятся несколько картин, в которых Гойя запечатлел характерные сцены испанской жизни. В «Похоронах сардинки» мы видим народный праздник, который проводился в Испании в последнюю среду перед великим постом. Гойя прекрасно передает задор и искреннее веселье, охватившее участников праздненства. А вот другая процессия — «Процессия флагеллантов». Это иная, оборотная сторона жизни народа. Процессии флагеллантов, самобичующихся, были запрещены в Испании еще в 1777 году, но, как и многие другие суеверия, этот обычай настолько укоренился в сознании людей, что, несмотря на запрет, шествия флагеллантов продолжались и в начале XIX века. Динамичность композиции, ее нервный ритм подчеркивают эмоциональную напряженность сцены, граничащую с безумием экзальтацию, в которую впала толпа.

В картине «Заседание трибунала инквизиции» под тяжелыми сводами огромного зала на помосте сидят осужденные в высоких остроконечных шапках, разрисованных языками пламени, — каросах, которые надевались на жертв инквизиции. За столом восседают члены трибунала, чуть ниже — монахи-доминиканцы. Заседание в разгаре. Гойя противопоставляет мужественность жертв низменности палачей.

Параллельно Гойя работает над «колдовской» серией. Это небольшие по размеру картины, в которых художник обращается к суеверным представлениям о силах ада и зла. В центре «Шабаша ведьм» (Мадрид, Музей Лазаро) изображен дьявол в виде огромного козла. Вокруг него сидят ведьмы с тельцами младенцев в руках. По освещенному луной небу летят де-

РОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ..."

моны в образе черных летучих мышей. Эта картина, как и «Лампа дьявола», «Кухня ведьм» и другие, свидетельствует о том, что в творчество Гойи проникает фантастика, ставшая в дальнейшем одной из главных особенностей его искусства.

Картины, созданные в 90-е годы, тематически связаны с его известным произведением — серией офортов «Капричос» — и являются своего рода прелюдией к этому произведению.

«Капричос» были созданы в 1797—1798 годах. В этих офортах отразились многолетние наблюдения художника над испанской действительностью, его стремление к изменению существующего порядка вещей. Торжество Глупости над Разумом, суеверие, нравственное падение — эти темы проходят красной нитью через все 80 офортов серии. Долгое время исследователи пытались расшифровать тайный смысл листов: намеки на исторические события того времени, на конкретных лиц и конкретные обстоятельства из жизни самого художника, но их поиски не увенчались успехом. Дело в том, что в «Капричос» Гойя создал обобщенный философский образ действительности, не прибегая к иносказанию и «эзопову языку». Он мыслит противопоставлением категорий: день и ночь; разум и глупость, суеверие; молодость и старость и т. п.

Фантастика служит для более глубокого раскрытия реальности. Эпиграфом к «Капричос» может служить подпись к 43-му листу: «Сон разума рождает чудовищ». Этим сном спит Испания—страна, оказавшаяся на окольных путях Ис-

Автопортрет. Офорт из серии «Капричос».

тории; страна, в которой правит Глупость, а не Разум; страна, где суеверия, веками внедряемые в народ церковью, стали неотъемлемой частью его сознания. Картина, которую рисует Гойя, неоднозначна: виновны не только палачи, но и жертвы. Развращенные многовековым царством Глупости, они не стремятся вырваться из-под ее власти.

«Капричос» начинаются с сатирических зарисовок испанской жизни; постепенно персонажи офортов — махи, старухи-сводни, глупцы, попадающиеся в сети продажных женщин, монахи — изменяются, в их облике начинает проявляться их подлинная сущность. Все меньше человеческого и все больше животного, ведьмовского мы видим в лицах.

Вот лист 23. Перед нами снова заседание трибунала инквизиции. На заднем плане — море монашеских лиц, отмеченных чертами порока; единственное сохранившее благородные человеческие черты лицо — лицо осужденной. Но Гойя заставляет зрителей расстаться с иллюзиями. «Безобразие! С такой порядочной женщиной, которая за гроши всем оказывала услуги, такой усердной, такой полезной — и так обойтись! Безобразие!» Род занятий грешницы очевиден. На следующем листе Гойя показывает процессию, которая сопровождает осужденную на костер,— здесь уже не возникает никаких сомнений: жертва не лучше своих палачей.

С наступлением Ночи метаморфоза персонажей ускоряется: спадают личины, проявляются подлинные лица. В царстве Тьмы Глупость уже не рядится в одежды лицемерия.

«Этому праху!». Офорт из серии «Капричос».

На листе 46 «Строгий выговор» ведьмы и ведьмаки получают последние наставления перед тем, как отправиться на шабаш. «Без выговоров и нравоучений нельзя преуспеть ни в какой науке, — комментирует Гойя, — а ведовство требует особого таланта, усердия, зрелости, покорности и послушания Великому Ведьмаку, который ведает Колдовской семинарией...» В этой колдовской семинарии ученики одеты в монашеские рясы, как и те, кто присутствовал на суде инквизиции. Что это, адская пародия на деятельность «святых отцов»? Нет, это портреты, обнажившие их сущность.

Одна за другой предстают перед нами силы Тьмы. Вот монахи-доносчики (лист 48) — образ, связанный с деятельностью иезуитов в Испании. Гойя обыгрывает двойной смысл слова soplones — доносчики и дующие. На этот раз эти прислужники зла, занимающие низшие ступени в дьявольской иерархии, сами становятся жертвами «дующего» дьявола, летящего на коте. На следующем листе «святые братья» показаны в виде домовых. Алчные и ненасытные, проникающие повсюду.

Картины кошмарного ночного шабаша Гойя перемежает возвратами в реальность. Но на этот раз силы Зла не скрывают своих намерений и целей. Лист 58 тоже построен на игре слов: GERINGAR буквально означает «ставить клистир», а в переносном смысле — «докучать». Монахи обступили несчастного, который молит о милосердии. В руках у одного из них огромный клистир. «Кто станет жить среди людей, — утверждает Гойя, — тому не избежать клистира. А если он этого не хочет, ему придется удалиться в леса и горы. И там он все равно убедится, что жизнь — сплошной клистир». В царстве Глупости человек не может спрятаться от власти Зла, его заставят подчиниться.

Следующие несколько офортов посвящены приобщению к адским ремеслам. Для того чтобы стать полноправным «гражданином» мира Тьмы и приобщиться ко всем его таинствам, недостаточно заявить о своем желании — надо пройти обряд дьявольского крещения. Гойя пародирует каноническую композицию христианского изображения крещения (лист 70): река Иордан превратилась в смрадное болото, из которого торчат головы «окрещенных», голубь (Святой Дух) — в сову, на крыльях которой сидят два колдуна в митрах. Крещение производит козлоногий ведьмак, который крепко держит начинающую ведьму за ноги. Словесная формула обряда такова:

— Клянешься ли ты слушаться и почитать своих наставников, подметать чердаки, прясть паклю, бить в бубен, визжать, выть, летать, варить, подмазывать, сосать, поддувать, жарить — всякий раз, как тебе прикажут?

— Клянусь!

— В таком случае, милая, ты уже ведьма. В добрый час!

Того же требовал устав ордена Иисуса: «отречения от собственной воли и собственных суждений», послушания и смирения, готовности «исполнить трудные и противные нашим чувствам вещи».

Близится час рассвета, когда вся дьявольская нечисть должна попрятаться в свои норы, происходит обратное превращение — монстры и нетопыри начинают приобретать свой «дневной» облик. Листом 80 «Уже пора», на котором ведьмы и ведьмаки, переодетые в сутаны, снова готовы наставлять на «истинный» путь людские души, править дневным миром, завершается серия «Капричос».

Не случайно в художественной системе «Капричос» понятие Разума занимает центральное место. Лучшие умы эпохи Просвещения считали, что после уничтожения старых феодальных порядков жизнь общества будет строиться на разумных началах. Для установления справедливости достаточно будет воззвать к разуму людей. Однако история показала утопичность этой идеи. Это понимал Гойя, бывший современником и свидетелем якобинской диктатуры и наполеоновской империи во Франции. Поэтому «Капричос» обрываются на тревожной ноте. День наступил, но силы Зла не побеждены, они ненадолго затаились и готовы снова двинуться в бой, чтобы подчинить человечество. Нужно немедленно действовать, пользуясь тем, что в дневное время они не так сильны, как ночью!

Гойя работал над «Капричос» для себя, параллельно с деятельностью придворного живописца. В 90-е годы им было написано много заказных портретов. Чем решительнее отказывался художник от заказов, тем настойчивее стремилась испанская знать увидеть себя увековеченной на портретах, написанных прославленным мастером. Среди этих работ много поверхностных, но есть и подлинные шедевры. К их числу принадлежит «Семья короля Карла IV» (1800, Прадо).

Когда смотришь на это произведение, невольно вспоминаются строки одного из писем Гойи: «Честь художника — очень деликатная вещь. Он обязан хранить ее чистоту, ведь от этого зависит все его существование. В тот день, когда хотя бы малейшее пятно ляжет на нее, исчезнет его счастье». Действительно, в этом портрете Гойя ничем не погрешил против правды.

Перед нами традиционная схема парадного группового портрета. Прекрасно выписаны интерьеры, костюмы. Но лица явно не соответствуют торжественному предстоянию, изображенному художником. С беспощадным реализмом Гойя показывает вырождение тех, кто правит Испанией. Особенно выразительны две центральные фигуры: глупый безвольный Карл IV, монарх, который пустил государственный корабль на произвол судьбы, и королева Мария-Луиза, сластолюбивая низменная натура, которая поставила во главе государства временщика Годоя, отменившего все прогрессивные реформы предшествующего времени. Своим лицом она напоминает ведьм и своден из «Капричос».

Художник должен был обладать большой смелостью, чтобы изобразить королевскую чету в столь неприглядном виде. Но Разум погрузился в глубокий длительный сон, Истина не имела никакого смысла для тех, чья дневная жизнь стала лицемерным ритуалом. Ирония заключалась в том, что портрет был восторженно принят заказчиками и помещен на почетное место в королевской коллекции.

Новый век принес Испании новые бедствия. Бездарная политика Годоя, пытавшегося лавировать между Англией и Францией, привела к тому, что Испания постоянно была в состоянии войны с одной из этих стран. Неизменно кончавшиеся поражением Испании, эти войны вели страну к разорению и упадку. В 1807 году французские войска оккупировали Испанию, в 1808 году на престол был возведен брат Наполеона Жозеф Бонапарт. Начавшееся в марте 1808 года в королевской резиденции в Аранхуэсе народное восстание переросло в вооруженную борьбу против французских войск на всей территории страны. Началась первая испанская революция. В течение нескольких лет продолжалась в Испании партизанская война. Стихийные бедствия и эпидемии настигали тех, кто не стал жертвой оружия.

Во многих произведениях этой поры

«Разве для этого вы были рождены?» Офорт из серии «Бедствия войны». 1810-е гг.

Семья короля Карла IV. Фрагмент. 1800 г. Мадрид, Прадо.

Гойя выступает как летописец бедствий, постигших его родину. Уже сами названия картин говорят о том, что художник не стоял в стороне от борьбы, которую вел его народ за национальную независимость: «Изготовление пороха в горах Сьерры де Тардиенте», «Литье пуль», «Женщины, сражающиеся с французскими солдатами». Наибольшей известностью пользуется картина «Расстрел повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года» (1814, Прадо), на которой запечатлено подавление народного восстания против французских оккупантов в Мадриде.

Как свидетельствуют современники, Гойя часто бывал на местах событий, делал многочисленные зарисовки. Эти наблюдения легли в основу серии офортов «Бедствия войны», в которой художник обобщил свои впечатления этих лет. Мы видим пламя пожаров, последствия голода, зверства французских солдат и жестокость «герильеров» — испанских партизан, мародерство и разбой. Гойя патриот, который сочувствует всем, кто борется против французских захватчиков, но он знает, что, хотя народ и пробудился после многолетнего сна, силы Зла еще не потеряли власти над ним.

«Все взбунтовались». Офорт из серии «Бедствия войны». 1810-е гг.

Герильеры во многих листах серии не менее жестоки, чем наполеоновские солдаты. Результат — горы трупов, тысячи загубленных жизней. «Разве для этого вы были рождены?» — задает Гойя вопрос в листе 12. Для самого художника ответ ясен — нет, не в этом заключается предназначение человека.

Высшее духовенство присягнуло на верность Наполеону, но в то же время вело переговоры с представителями кругов, поддерживавших свергнутых испанских Бурбонов, опасаясь потерять свои привилегии при их возвращении на трон. Низшие слои священнослужителей неоднократно выступали на стороне герильеров. На листе 42 «Все взбунтовались» изображена группа монахов и монахинь. Беспорядочное движение их фигур создает ощущение растерянности — они не знают, куда и зачем бежать. Если мы сравним этот офорт с другими, на которых изображена борьба простых испанцев с наполеоновскими солдатами, где герильерами движет только одна мысль — уничтожить врага, отношение художника к духовенству станет очевидным.

В других листах тема этого офорта конкретизируется. «Странная приверженность» — так назвал Гойя офорт, на котором изображена перевозка святых мощей во время войны. Осел везет стеклянный гроб, в котором покоятся останки святого, взирающего на происходящее пустыми глазницами. Он окружен коленопреклоненными фигурами монахов. Этим ли надо заниматься в годы народного бедствия! — как бы восклицает художник.

Работу над «Бедствиями войны» Гойя продолжал и в последующие годы, когда с реставрацией Бурбонов в 1814 году в стране восторжествовала реакция. На офортах снова появляются образы «Капричос» — монстры и нетопыри, глумящиеся над надеждой художника на установление царства Разума. «Истина умерла» — так назвал Гойя один из последних листов серии. Женская фигура, олицетворение Истины, лежит на земле. Над ней склонились фигуры монахов, епископов, в самом центре — папа. Слева от него — Истину оплакивает Справедливость. Но вера в возможность перемен, в возможность победы Света над Тьмой не покидает художника. «Она воскреснет», — утверждает он в следующем листе.

Параллельно с последними листами «Бедствий» Гойя работает над серией рисунков «Заключенные». В последнее время искусствоведы связывают их с «Критической историей инквизиции» Х. А. Льоренте, основанным на ставших доступными в годы революции архивных документах сочинением, разоблачавшим преступления испанской церкви. Возможно, мысль о создании рисунков возникла у художника под влиянием этой книги. «Заключенные» — своеобразная история инквизиции, показанная через образы ее жертв. На рисунках Гойи оживают деятели испанской революции, образы Галилео Галилея, скульптора Торреджано и других узников, погибших и пострадавших за верность своим убеждениям.

В начале 20-х годов 70-летний художник создает знаменитые росписи «Кинта дель Сордо» — «Дома глухого» — 16 панно, украшавших стены его заго-

родного дома, которые в 50-х годах нашего века были перенесены на холст и теперь хранятся в Прадо. Это своего рода итог раздумий художника о судьбах его родины. Снова, как в «Капричос» и «Бедствиях войны», фантастические образы служат Гойе для того, чтобы перейти от конкретных жизненных наблюдений к синтезу, обобщению. Гойя возвращается к олицетворениям темных сил, правящих миром: дьявол-козел, председательствующий на шабаше, лицемеры-монахи, безумная толпа, слепо стремящаяся к своей гибели. Особенно выразителен старик, пожирающий младенца, так называемый Сатурн — это олицетворение ада, Тьмы, губящей человеческие души и жизни. В цикле «Кинта дель Сордо» Гойя достигает вершины колористического мастерства. Несмотря на то что росписи исполнены почти в монохромной гамме — здесь преобладают черный и темно-оливковые тона — они поражают точностью передачи пространства, психологических и физиономических характеристик.

Работая над росписями «Кинта дель Сордо», Гойя продолжал деятельность придворного художника. Он пишет ряд заказных портретов, портреты друзей. К этому же периоду относятся и его прославленная картина «Махи на балконе» (Нью-Йорк, Музей Метрополитен) и ряд других, серия офортов «Тавромахия», посвященная корриде.

В 1824 году под предлогом лечения на водах художник покинул родину и поселился во Франции, в Бордо. В апреле 1828 года он умер в возрасте 82 лет.

Долгое время творчество Гойи казалось загадкой. Многие исследователи пытались по-разному интерпретировать его искусство. Одни видели в нем только фантаста, гениального безумца, визионера, предтечу фантастического искусства XX века, предшественника сюрреализма. Другие пытались свести гневный протест художника против окружавшей его несправедливости к сатире и критике нравов в духе идеалов Просвещения. Сейчас, когда мы можем шаг за шагом проследить жизненный путь и творчество Гойи, становится ясно, что оба толкования приуменьшают значение его искусства. Здесь нам хочется вспомнить слова Александра Бенуа, историка живописи и художника, который писал о творчестве Гойи:

«Это мятеж, бунт, но в самом широком смысле, не во имя какой-либо программы и без причастности к какому-либо учению; это бунт как отрицание всего инертного, косного, установившегося или разлагающегося».

Действительно, у Гойи не было четкой философской или политической программы, но это отнюдь не умаляет значения его искусства. Гойя был художником, который всегда воспринимал беды и несчастья Испании как свои собственные. Он мыслил историю как многовековую борьбу человечества за гуманистические ценности. Именно этим ощущением проникнуты его лучшие произведения. Именно поэтому его искусство переросло исторические рамки и границы и обращено не только к настоящему, но и к будущему. В этом смысл и непреходящая ценность искусства Гойи.

СТУДЕНТАМ — ИДЕЙНУЮ УБЕЖДЕННОСТЬ

Олоф Клор.

Ганс Люттер.

В прошлом году в ГДР побывал профессор Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС доктор философских наук Л. Н. Великович. Предлагаем вниманию читателей ответы, которые дали на его вопросы проректор по общественным наукам Высшего инженерно-мореходного училища в г. Варнемюнде, руководитель исследовательской группы по проблемам научного атеизма доктор философии профессор Олоф Клор и ректор Высшей педагогической школы имени Лизелотты Херманн в г. Гюстрове доктор философии профессор Ганс Люттер.

ОТВЕТЫ ОЛОФА КЛОРА

— Как формируется научно-материалистическое мировоззрение студенчества ГДР?

— При формировании научно-материалистического образа мыслей у молодежи мы прежде всего руководствуемся известным положением новой Программы СЕПГ, принятой ее IX съездом (1976 г.). При социализме, подчеркивается в ней, господствующей идеологией является научное мировоззрение рабочего класса — марксизм-ленинизм. Этот вывод, естественно, имеет прямое отношение и к нашим вузам. Именно поэтому, кстати, Союз свободной немецкой молодежи (ССНМ) с давних пор считает первейшей задачей своих членов овладение марксизмом-ленинизмом.

Фундамент научно-материалистического мировоззрения закладывается прежде всего в процессе трехлетнего изучения всеми студентами основ марксизма-ленинизма. Оно осуществляется по новой, разработанной в итоге обстоятельного обсуждения программе, согласно которой формирование научно-материалистического мировоззрения входит в задачу всех курсов общественных наук — не только диалектического и исторического материализма, но и политической экономии, научного коммунизма, истории международного рабочего движения. При этом ставится задача отчетливо показывать атеистический характер марксизма-ленинизма во всей его целостности. Разумеется, в процессе формирования научно-материалистического мировоззрения особую роль играет философия, которая преподается уже начиная с первого года обучения.

Пропаганда и формирование научно-материалистического мировоззрения являются также одной из важнейших задач студенческих парторганизаций и ячеек ССНМ. При этом я хотел бы отметить, что пропаганда и формирование научно-материалистического мировоззрения представляют собой двуединую задачу. С одной стороны, это задача образовательная — преподавание и усвоение полученных знаний, а с другой — воспита-

тельная — формирование твердых убеждений. Я подчеркиваю это здесь потому, что среди наших студентов есть и верующие. Согласно учебным программам всех наших вузов, они должны изучать марксизм-ленинизм. Что же касается воспитания у этих студентов убежденности в его правоте, то успех здесь зависит от умения преподавателей и активистов ССНМ.

— Как обстоит дело с преподаванием научного атеизма?

— Главным путем формирования атеистического мировоззрения мы считаем постоянное и повсеместное подчеркивание характерных атеистических черт, присущих марксизму-ленинизму. Кроме того, у нас читаются спецкурсы по научному атеизму для студентов-философов и для преподавателей марксизма-ленинизма. В прошлом году, например, такой спецкурс был прочитан в университетах Лейпцига, Галле и Иены профессором МГУ доктором философских наук Д. М. Угриновичем.

Начиная с 1977/78 учебного года в рамках преподавания марксистско-ленинских дисциплин вводится факультативный 24-часовой курс основ научного атеизма для студентов других специальностей, который будет читаться — главным образом на пятом году обучения — наряду с остальными факультативными курсами (этика, философские проблемы естествознания, история СЕПГ).

— Какие исследования в области научного атеизма и критики религии ведутся в ГДР?

— В 1962—1968 годах исследования в основном координировались тогдашней кафедрой научного атеизма Иенского университета имени Фридриха Шиллера. Теперь же научно-исследовательская работа в этом направлении ведется уже в большинстве вузов ГДР. Ученые, которые ею занимаются, встречаются друг с другом в среднем раз-два в год на научных совещаниях, обсуждают интересующие их проблемы и обмениваются опытом. Последнее такое совещание состоялось в июне 1977 года в Варнемюнде.

В последние годы исследования в области научного атеизма сосредоточивались преимущественно на подготовке его вузовского курса. В итоге было создано около 20 учебных пособий по различным темам этого курса. Сейчас идет работа над обобщающим пособием — книгой «Вопросы научного атеизма», которая будет завершена к концу 1978 года. Мы намерены также подготовить к 1982 году учебник по научному атеизму и критике религии.

Наши исследования ведутся в нескольких направлениях. Одно из них — борьба с интенсивными попытками клерикального антикоммунизма, особенно в ФРГ, проводить идеологические диверсии против ГДР. По этой тематике уже завершен ряд исследований. Одно из них, например, вскрывает фальсификации клерикалов, использующих в антикоммунистических целях «дискуссию о правах человека».

Понятно, что мы также подвергаем научной критике протестантизм — конфессию, наиболее распространенную в нашей республике. Этим занимается специальная исследовательская группа, возглавляемая профессором Гансом Люттером, которая уже проделала значительную работу.

И, разумеется, поскольку важнейшим для нас вопросом является формирование атеистического мировоззрения студентов, исследования в этой области представляют собой существенную часть нашей научной работы.

Предметом наших исследований также продолжают оставаться атеистическое наследие классиков марксизма-ленинизма и связанная с этой проблематикой критика буржуазных и теологических фальсификаций научного атеизма. Наше внимание привлекают и такие важные проблемы, как вклад атеизма в решение основного вопроса философии, как атеистический характер материалистической диалектики, взаимосвязь естествознания и атеизма, атеистический характер социалистической морали и этики.

— Какие проблемы научного атеизма наиболее важны для вас в теоретическом плане?

— По моему мнению, одной из таких коренных проблем является правильное определение роли и места атеизма в марксизме-ленинизме. При этом важно избегать как переоценки, так и недооценки этой роли. Данный вопрос приобретает большое значение еще и потому, что он тесно связан со второй проблемой — с правильным сочетанием сотрудничества марксистов и верующих в основных вопросах общественного развития, с одной стороны, и атеистической пропагандой — с другой.

При решении конкретных вопросов та простая формула, что при достижении общих политических целей мировоззренческие расхождения должны отодвигаться на задний план, в наших условиях уже оказывается недостаточной. Более того, важно применять этот принцип сугубо конкретно и дифференцированно развивать его дальше. Это имеет большое значение как для практическо-политической работы и пропаганды, так и для установления доверия между марксистами и верующими. Итак, чтобы атеистическое образование и воспитание приносило максимум общественной пользы и способствовало дальнейшему развитию и совершенствованию социализма, оно должно осуществляться на очень высоком теоретическом уровне и при правильной политической ориентации.

ОТВЕТЫ ГАНСА ЛЮТТЕРА

— В чем специфика научно-атеистической подготовки будущих учителей?

— Преподавание всех дисциплин учебно-педагогического цикла, как и вообще весь процесс формирования и развития личности учителя, мы стремимся подчинить требованиям коммунистического воспитания: ведь сегодняшнему студенту — будущему учителю предстоит воспитывать будущие поколения коммунистического общества и в следующем столетии.

К тем знаниям, которые необходимы будущим учителям, можно отнести понимание сущности и функций религии, ее объективно обусловленного отмирания, научно обоснованное понимание того, что коммунистическая личность должна быть сво-

бодна от религиозных иллюзий. Мы показываем также — и практика всех социалистических стран достаточное свидетельство тому, — что революционное изменение общественных отношений в процессе строительства социализма и коммунизма хотя и является решающим и необходимым, но ни в коем случае не достаточным условием окончательного отмирания религии и должно получить свое дополнение и завершение в процессе научно-атеистического образования и воспитания. Эту мысль сформулировал еще Карл Маркс в конце 1878 года в своем интервью корреспонденту газеты «Чикаго трибюн»: «Наше мнение таково: **религия будет исчезать** в той мере, в какой будет развиваться социализм. Ее исчезновение должно произойти в результате общественного развития, в котором крупная роль принадлежит воспитанию».

Таким образом, главная задача процесса «воспитания воспитателей» заключается в том, чтобы не только сформировать и воспитать убежденных учителей-атеистов, но и одновременно сделать все возможное для того, чтобы они в своей будущей педагогической деятельности могли осуществлять атеистическое воспитание на высоком уровне.

Само собой разумеется, что основополагающие дисциплины марксистско-ленинского цикла, которые изучаются всеми студентами, уделяют этим вопросам неослабное внимание. Кроме того, научному атеизму отводится важное место в учебных программах вузов по всем общественным и естественным дисциплинам. При этом широко используются возможности научно-атеистического воспитания и образования, заложенные в учебном материале этих дисциплин.

Важную роль в овладении методами атеистического воспитания играют педагогические дисциплины, в особенности теория воспитания и дидактика, а также психология.

— Используются ли в процессе подготовки будущих педагогов внеучебные формы атеистического воспитания?

— Да, такие формы используются, но в каждом вузе по-разному — в зависимости от профессионального уровня преподавательских кадров.

Разумеется, проблемы атеизма, интерес к которым возникает непосредственно среди нашей молодежи, обсуждаются и дискутируются в вузах также при рассмотрении мировоззренческих вопросов на занятиях в сети политического просвещения Союза свободной немецкой молодежи.

В нашем и других педагогических вузах ГДР наряду с этим применяются и другие формы атеистического воспитания. Например, всякий раз при проведении «Студенческих дней ССНМ» читаются доклады по актуальным проблемам научного атеизма, обсуждение которых выливается в оживленные и интересные дискуссии. Регулярно по вузовскому телевидению транслируются дискуссии за круглым столом, на которые выносятся вопросы, поставленные самими студентами. Разумеется, при этом прежде всего затрагиваются проблемы, которые прямо или косвенно связаны с учительской профессией, например: «Может ли верующий быть учителем в нашем обществе?» (кстати, в условиях нашей республики это вопрос весьма злободневный) или «Как должен относиться учитель к родителям-христианам и их детям, к местному священнику?» и другие. И здесь снова и снова встает действительно сложный вопрос: как правильно сочетать политическое сотрудничество с верующими в рамках Национального Фронта, осуществляемое в соответствии с Конституцией ГДР, с одной стороны, с проведением научно-атеистической пропаганды в процессе воспитания и обучения — с другой, избегая при этом скатывания в болото политического сектантства или непоследовательности? Здесь следует добавить также, что этот вопрос, — принципиальный ответ на который, как известно, дал еще в 1909 году В. И. Ленин, — представляет исключительную важность для нашей республики, учитывая конкретно-исторические условия ее развития, и поэтому требует тщательного разъяснения.

На эти и подобные вопросы мы и пытаемся дать ответ посредством наших телевизионных дискуссий. Впрочем, по проблемам научного атеизма они пока что проводятся только в нашем вузе, где вот уже несколько лет довольно интенсивно ведутся исследования в этой области.

— Специализируются ли студенты на изучении проблем научного атеизма?

— Каждый студент выполняет курсовую работу по дисциплинам марксистско-ленинского цикла. Темы предлагаются на выбор. Приблизительно десятая часть наших студентов пишут курсовые работы на атеистические темы.

Те же, кто избирает одну из этих тем для своей дипломной работы, уже с III курса обязательно участвуют в исследованиях, которые ведет наш профессорско-преподавательский коллектив. Причем уже на этой стадии им помогает специально выделенный научный руководитель.

Вот лишь несколько тем, по которым за последние годы наши студенты успешно защитили дипломы: «Анализ и критика взглядов протестантских теологов ГДР по актуальным политическим вопросам (разрядка международной напряженности, строительство социализма)», «Критика фальсификации марксизма теологом Хельмутом Голльвитцером», «Критика капитализма на V ассамблее Всемирного совета церквей в Найроби (1975 г.)», «Мировоззренческо-атеистическая позиция студентов — будущих учителей на основе анализа проведенного среди них анкетного опроса».

— Каков круг проблем, разрабатываемых в руководимом вами исследовательском коллективе?

— Наш коллектив еще относительно молод: он возник только в 1974 году, хотя, конечно, многие из нас и раньше довольно интенсивно занимались проблемами научного атеизма и выступали с соответствующими публикациями. В настоящее время над этой проблематикой у нас работают 12 сотрудников и шесть студентов-дипломников.

Все эти исследования в той или иной степени связаны с критикой протестантизма — исторически наиболее распространенной на территории ГДР религии. При этом главным объектом научного анализа и критики являются протестантские и экуменические

концепции современности, в особенности та роль, какую они играют в современной идеологической борьбе. Кстати, именно этой проблематике был посвящен международный симпозиум, состоявшийся в нашем вузе в октябре 1976 года*.

Особое внимание при этом наш исследовательский коллектив уделяет критическому анализу наиболее распространенных в капиталистических странах, прежде всего в США и ФРГ, религиозных концепций, которые, проникая по различным каналам из ФРГ в нашу республику, становятся составными элементами идеологических диверсий. Все большую актуальность приобретает и анализ дальнейшего углубления идеологического кризиса империалистической системы и связанного с ним кризиса религии.

Мы внимательно следим также за отчетливо наметившимся в последние годы возвратом части протестантских теологов к мистицизму и теоцентризму (например, «теология креста»), что представляет собой одно из проявлений все углубляющегося кризиса религии.

Мы также стремимся как можно глубже анализировать определенные формы приспособления богословия к современным условиям и в этой связи уточняем такие понятия, как «модернизм» и «консерватизм» в теологии.

Наконец, несколько месяцев назад мы приступили к исследованию специфических проблем протестантской теологии в ГДР, уделяя первостепенное внимание изучению вопроса о том, как теология и церковь понимают и реализуют свой собственный тезис «церковь при социализме», с тем чтобы сделать из этого анализа соответствующие выводы для практическо-политической идеологическо-теоретической работы.

Результаты этих исследований публикуются в издаваемых нашим вузом «Ученых записках».

В заключение мне хотелось бы выразить глубокое удовлетворение развитием весьма плодотворного для нашего коллектива международного сотрудничества. Оно находит свое выражение как в публикации некоторых результатов наших исследований в научных журналах СССР и ПНР, так и в очень полезном, прежде всего для нас, сотрудничестве с учеными Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС, которым, пользуясь случаем, я передаю сердечную благодарность.

* Отчет об этом симпозиуме см. в № 12 нашего журнала за 1977 г. (прим. ред.).

КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ ● КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ ● КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ

СОКРОВИЩА ВОССТАНАВЛИВАЮТСЯ

В прошлом году землетрясение, охватившее юго-восточные районы Румынии, в том числе Бухарест, унесло многие сотни человеческих жизней, нанесло огромный материальный ущерб. В столице и ряде городов страны продолжаются работы по ликвидации его последствий.

Нелегкая задача стоит перед музейными работниками — реставраторами, художниками, скульпторами. В результате землетрясения пострадали музеи, художественные галереи, в том числе 90 ценнейших коллекций, исторические и архитектурные памятники. В связи с этим тысячи художников и реставрвторов со всех концов республики добровольно изъявили желание внести свой вклад в восстановление пострадавших шедевров. Не жалея ни времени, ни сил, они делают все, чтобы спасти ценнейшее народное достояние.

Настоящим «реставрационным штабом» стал в эти дни Музей искусств Румынии. Свыше 400 высококвалифицированных специалистов тщательно исследуют и реставрируют его многочисленные экспонаты — керамику, фарфор, эмаль, ценные скульптуры и другие произведения. В обширные хранилища музея перенесено более 10 тысяч произведений румынского и мирового искусства из девяти других музеев, особенно пострадавших. Для ускорения работ дополнительно созданы две реставрационные мастерские, где рядом со столичными мастерами трудятся реставраторы и из других городов республики.

Приняты также срочные меры по восстановлению ряда ценных исторических памятников и архитектурных ансамблей города — таких, как дворец Могошоай, Музей народного искусства. Многие известные художники, скульпторы и архитекторы, студенты учебных заведений принимают активное участие в этих работах.

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Двадцать восемь древнеболгарских надписей и свыше ста рисунков и знаков были обнаружены при исследовании пещерных монастырей и скитов по течению рек Белый и Малый Лом в Северной Болгарии.

На рисунках преобладают изображения коней, оленей, людей, сохи, а также различных знаков. Хотя многие из рисунков не закончены, они дают известное представление о тогдашнем быте, ремеслах и верованиях жившего в этих местах болгарского населения.

Многие надписи сделаны паломниками или монахами, жившими в монастырях. Они отличаются непосредственностью изложения, приближаясь в этом отношении к припискам, встречающимся в рукописных книгах. Имеются основания отнести найденные надписи ко времени Второго болгарского царства (XIII—XIV вв.).

Вероятно, исследованные скальные церкви, кельи и ниши являются частью пещерных монастырей, расположенных в бассейне реки Русенски Лом и ее притоков.

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ

В Будапеште и Сомбатхее состоялось международное совещание по вопросам охраны памятников деревенской архитектуры и быта, созванное Венгерским национальным комитетом ИКОМОС — организации по охране памятников при ЮНЕСКО. 140 специалистов по охране памятников старины обсудили достигнутые в этой области успехи и дальнейшие задачи. Были разработаны предложения, которые будут представлены на рассмотрение руководства ИКОМОС. Одновременно с совещанием в Будапеште проходила выставка, посвященная охране памятников народного искусства. Около 150 крупноразмерных фотоснимков и рисунков рассказали о реконструкции 1200 памятников архитектуры.

НОВОЕ О ДИНОЗАВРАХ

В Институте палеоботаники Польской Академии наук закончен очередной этап исследования останков динозавров, найденных на территории Монгольской Народной Республики.

Ученым удалось восстановить формы нескольких ранее не известных науке динозавров, в частности новый вид хищного ископаемого, передние конечности которого достигали двух с половиной метров. Как предполагают специалисты, это был самый крупный наземный хищник, когда-либо существовавший на нашей планете.

Исследования польских ученых позволили восстановить анатомию некоторых групп динозавров, обитавших в доисторические времена в Азии и на Американском континенте.

Старинная мечеть вблизи Багдада, одно из святых мест шиитов.

В святых городах шиитов

О. ГЕРАСИМОВ

Во время поездок по Арабскому Востоку мне довелось побывать в иракских городах Куфе, Неджефе и Кербеле, где находятся главные святыни шиитов — последователей одного из двух основных направлений в исламе — шиизма *, именно здесь и зародившегося в VII веке.

Город Куфа сегодня — небольшой, но оживленный речной порт на берегу Евфрата. Его почитают как первый мусульманский центр в Ираке. Еженедельно, в пятницу, в дни мусульманских праздников сюда стекаются сотни верующих не только из Ирака, но и из соседнего Ирана, где шиизм — государственная религия, и большинство населения — шииты. На западной окраине города — овальная, сложенная из камня и кирпича крепость VII века с полубашнями, в которую ведут высокие, украшенные изразцами ворота. Именно здесь при выходе из мечети (она действует и сейчас) в 661 году после пятничной молитвы был смертельно ранен отравленным мечом халиф Али — у него было немало политических противников, имевших свой взгляд на право власти. Перед смертью Али завещал казнить убийцу, а свое тело привязать к седлу верблюда, выпустить его в пустыню, и пусть его похоронят там, где верблюд опустится на колени. Легенда рассказывает, что верблюд с телом халифа опустился на колени, пройдя 20 километров. Приверженцы Али похоронили его, насыпали над могилой большой холм, а вокруг разбили свои палатки. Так возник город Неджеф, что в переводе с арабского означает «холм», «бугор».

Рядом с крепостью в Куфе, даже сегодня имеющей весьма внушительный вид, на небольшом возвышении стоит крошечный домик с голубой куполообразной крышей — в нем жил халиф Али. На пороге этого дома в духе древних племенных традиций Аравии он разбирал споры, улаживал

* Шииты (от арабского ши'а — партия) — сторонники четвертого праведного халифа — Али, утверждавшие в первые десятилетия существования ислама, что только потомки Али и его жены Фатимы (имамы) имеют право на власть в халифате. О возникновении и особенностях шиизма см. в нашем журнале (1970, № 7) статью Е. Дорошенко «Пока не явился «скрытый имам».

разногласия, выносил приговоры. И крепость, и домик сегодня — популярные туристские объекты.

По улицам городка, засаженным кустами олеандров и акаций, семенят крошечные ослики, впряженные в низкие тележки с тентами. Они курсируют по определенным маршрутам. На низких скамеечках этих своеобразных экипажей часто можно видеть ребятишек со стопками книг или женщин в темных накидках — абаях, возвращающихся с базара с пучками пахучей зелени.

В порту Куфы всегда оживленно, здесь перевалочный пункт: грузы из Багдада доставляют сюда на автомашинах, а затем на баржах сплавляют вниз по течению в Басре.

Вдоль всего берега Евфрата день и ночь скрипят водоподъемные колеса, достающие мутную воду для полива огородов и обширных рощ финиковых пальм.

По улице, названной именем средневекового поэта аль-Мутанабби, я выезжаю на дорогу, ведущую в город Неджеф — центр шиитов всего мира. Здесь живут главные религиозные авторитеты шиитов, действуют шиитский университет «Аль-Мадраса аль-Джаафария» и несколько десятков религиозных школ, основанных выходцами из различных стран мира.

Здание университета построено в конце 60-х годов на средства иранского текстильного фабриканта Иттифака. Трехэтажное, с полукруглым широким вогнутым фасадом, оно отделано дорогим мрамором и яркими керамическими плитками. Вначале, как и все старые религиозные школы, оно не имело крыши, потом ее все же сделали — стеклянную. Во внутренний двор смотрят комнаты, где живут студенты. Настоятель в коричневой накидке и красной феске, перетянутой зеленым шарфом, показывает мне их жилище. Убранство весьма скромное: ковер на полу, в углу несколько подушек и матрац, полка с книгами. Сюда входят босиком, обувь у всех без задников, ее удобно снимать и надевать. У каждого студента свой веник и кувшин, они сами наводят у себя чистоту. На каждом этаже по два умывальника. Обряд омовения перед молитвой — один из главных в исламе, и не случайно здешние наставники гордятся образцовой чистотой и современным устройством санузлов общежития.

— В нашем университете учатся 160 студентов из Ирака, Ирана, Индии, Пакистана, Афганистана и других стран мусульманского Востока,— рассказывает мне настоятель.— Срок обучения — восемь лет. В библиотеке — восемь тысяч книг, преимущественно религиозного содержания. Это различные издания Корана, тома его толкований, своды мусульманских законов, философские трактаты на арабском и персидском языках. Мы даем самое лучшее мусульманское образование!

Главная достопримечательность города — усыпальница халифа Али и одновременно мечеть. Она стоит в центре круглой, обнесенной стеной площади — сухна. Это продолговатое здание с несколькими входами. У каждого обычно сидит служитель, которому паломники за мелкую монетку сдают на хранение свою обувь. Он складывает ее в длинные деревянные ящики, а по возвращении владельца ловко длинным крючком выбрасывает оттуда его башмаки. Купол центрального зала снаружи покрыт тонкими листами золота. Минареты видны издалека, в лучах яркого солнца они похожи на золотые свечи. На широкой стене, окружающей площадь с мавзолеем, есть невысокая невзрачного вида башня с часами, показывающими европейское время. Над куполом самой мечети — другие часы, отмеряющие время по солнцу.

Я не был в усыпальнице халифа Али — немусульманам посещать мечети, а тем более такую не разрешается. Но я знаю со слов своих иракских друзей о ее богатейшем внутреннем убранстве. В купольном зале с потолком, инкрустированным перламутром,— большое надгробие простой формы, закрытое серебряной решеткой изящной и тонкой работы. Стены мавзолея изнутри до половины облицованы мрамором, а выше украшены обычным орнаментом и росписью с позолотой.

Неджеф ежегодно посещают десятки тысяч паломников, и никто не приезжает сюда с пустыми руками. Иные подарки очень ценные. Для них сделаны специальные хранилища. Одно — прямо в стене, окружающей мечеть. Здесь собраны золотые подсвечники, украшенные алмазами и рубинами подвески, редкие жемчужины, называемые в отличие от общепринятого арабского «лулу» словом «дурр», то есть «перл», букет из 24 веточек, на каждой из которых девять жемчужин, большой рубин и изумруд. Тут же содержится и Коран, написанный, по преданию, рукой Али. Второе хранилище расположено за пределами мечети. В нем иранские ковры, оружие, большая люстра из чистого золота, которая ранее была подвешена над усыпальницей Али. Среди ценнейших вещей этой сокровищницы — старинный персидский ковер длиной 92 метра и шириной 1,8 метра. Он оценивается в два с половиной миллиона долларов. В дар Али принесены несколько бриллиантов, которые по своим размерам, как утверждают иракцы, превосходят знаменитые бриллианты британской короны. Последнее, возможно, и преувеличение, но факт существования огромных ценностей в мировом центре шиитов не вызывает никакого сомнения и подтверждается в ряде письменных источников.

Как раз во время моего пребывания в Ираке из Ирана в Неджеф привезли двери для мавзолея халифа Али, на изготовление которых пошло более трех тонн золота. У самого надгробия лежат дорогие золотые и серебряные украшения, жемчуг, драгоценные камни. Если учесть, что уже тысячу лет миллионы шиитов поминают в своих молитвах халифа Али и не упускают случая послать подарок в его усыпальницу, можно предположить, что сведения об огромных ценностях, сосредоточенных здесь, не преувеличены.

В Неджефе находится одно из самых больших в Ираке кладбищ, которое продолжает расширяться: каждый шиит мечтает быть похороненным вблизи усыпальницы Али. Сюда привозят покойников и из других стран. Богатые люди имеют тут семейные склепы, сделанные, как правило, в виде круглого мавзолея с голубым куполом. Посещение кладбища немусульманами считается большим оскорблением памяти умерших. Лишь издалека я смотрел на голубые маковки богатых усыпальниц, выглядывающие из-за высокой стены.

У четырех высоких ворот в стене, окружающей площадь, толпятся мальчишки с глиняными кувшинами, наполненными водой, которую они раздают в неглубоких медных тарелочках любому жаждущему. Вода бесплатная: состоятельный мусульманин, желающий быть замеченным Аллахом, нанял мальчуганов для этого богоугодного дела. Иногда ребята позванивают тарелочками, как кастаньетами, приглашая прохожих освежиться холодной водой.

Одни из четырех ворот мечети выходят к большому крытому рынку. Между лавками и магазинами, забитыми тканями, четками, башмаками без задников, встречаются и ювелирные мастерские. Здесь продают золотые ножные дутые браслеты, цепочки и подвески, серьги, кулоны из мелкого жемчуга, серебряные филигранные поделки, золотые монеты самой различной чеканки, размера, веса и стоимости. Как правило, все они сделаны не слишком искусными мастерами. Самые распространенные украшения — браслеты и кулоны с золотыми английскими гинеями и иранскими риалами. Их приносят сюда из Ирана, Индии и Пакистана бедняки-паломники, многие из которых всю жизнь копят деньги на дорогу к святым местам. Состоятельные люди, как правило, наличные деньги не привозят. Они уже привыкли и здесь пользоваться чековой книжкой.

Целая улица на рынке занята продавцами благовоний. В больших бутылях, которыми заставлены полки лавочек, налиты зеленая, голубоватая, коричневая и золотистая жидкости — благовонные масла и эссенции. Здесь продают розовое масло, амбру, жасминовую настойку, мирру, мускус и многие другие благовония, названия которых известны только их владельцу. Все это довольно дорого, мало кому по карману, и торговля не бойкая. Но иногда в городе появляются оптовые покупатели — иностранные туристы. И тогда во множество крошечных пузырьков на вес и на капли отмеряются самые дорогие духи «Семь роз», мускус и амбра и другие экзотические благовония.

В 80 километрах к северу от Неджефа лежит еще один город, глубоко почитаемый шиитами,— Кербела. В провинции, центром которой он является, обитают только шииты. Проживание суннитов в городе нежелательно, христианам же вообще запрещено жить и работать в Кербеле. Тут — одна из самых почитаемых святынь шиитов, могила имама Хусейна — сына халифа Али и внука пророка Мухаммеда.

Среди иракских историков нет единого мнения о происхождении названия этого города. Однако большинство сходятся на том, что оно происходит от сочетания таких слов, как «карб аль-илаха» (рядом с богами), или «кур Бабель» (район Вавилона), или же «аль-курб ва аль-бала» (скорбь и беда). В сознании простого иракца Кербела — это прежде всего место, где похоронен погибший мученической смертью имам аль-Хусейн, который хотел вернуть халифат роду Али, и он не представляет себе иного, кроме третьего, происхождения названия города.

Расстояние от Неджефа до Кербелы паломники раньше проходили за четыре дня. В пустыне, в двухстах метрах от

теперешней асфальтированной дороги, соединяющей города, остались три старых постоялых двора — четырехугольные, крепостного вида сооружения с башнями и толстыми кирпичными стенами. Пройдя за день четверть пути, путники ночевали в первом постоялом дворе хана-руба («руба» и значит «четверть»), на следующий день они отдыхали в хана-нысф («нысф» — «половина») и последняя остановка — в третьем — тоже хана-руба.

Сейчас паломники лишь мельком успевают взглянуть из проносящихся с огромной скоростью современных автобусов и автомашин на пустующие хана, некогда дававшие приют их дедам и служившие защитой от разбойников и грабителей. Редко какой-нибудь турист свернет с шоссе, чтобы осмотреть постоялый двор, построенный в лучших традициях арабских крепостных укреплений. Ветер носит по его центральной площади обрывки бумаги, в углах свалены пустые консервные банки, толстые кирпичные стены исцарапаны надписями. Иногда бедуины, пасущие стада в пустыне, заходят сюда, чтобы отдохнуть в тени этих стен.

Шииты признают право на главенствующую роль в мусульманской общине только за прямыми потомками пророка Мухаммеда, то есть детьми его дочери Фатимы и халифа Али. Сын халифа Али, аль-Хусейн, человек решительный и смелый, начал борьбу за власть, опираясь на иракских арабов. После смерти халифа Муавии он отказался присягнуть в верности его наследникам и перебрался в Мекку, где стал готовиться к выступлению. Иракские арабы посетили его и заверили в своей верности и поддержке. Родственник аль-Хусейна, посланный им в Куфу, сообщил, что население мусульманской столицы Ирака готово выступить на его стороне.

Однако события развивались не в пользу аль-Хусейна. Куфа не поддержала его в нужный момент. В 680 году вблизи Кербелы наместник омейядского халифа Язида во главе большого отряда встретил аль-Хусейна, которого сопровождали лишь 300 человек из его ближайшего окружения. Отряд аль-Хусейна занял оборону. Наступающие засыпали канал и лишили его воды. Изнывающие от жары и ослабевшие от жажды люди на десятый день осады бросились в бой, но все были перебиты.

«Трагедию Кербелы» шииты ежегодно в месяц мухаррам мусульманского календаря отмечают как месяц траура и скорби по великому мученику аль-Хусейну. Почти на каждой улице Кербелы стоят баки с водой. Они поставлены для паломников состоятельными людьми, которые не забывают написать на баках свои имена. К бакам или выведенным на улицу водопроводным кранам на длинных цепочках прикреплены простые жестяные кружки. Возле некоторых таких источников — черные полотнища с надписями: «Пей и помни о погубленном аль-Хусейне!», «Пей, о жаждущий прохожий, пей воду и проклинай Язида!»

Мечеть, возведенная над могилой аль-Хусейна, не отличается по архитектуре от мечети Али в Неджефе: она стоит также в центре обширной площади, усыпальница тоже окружена серебряной решеткой. Купол и два минарета сплошь покрыты золотыми пластинами. Так же ведут на площадь четверо высоких ворот, инкрустированных перламутром и выложенных изразцами с растительным орнаментом.

В Кербеле я был во время мусульманского поста в месяц рамадан. Через открытые ворота было видно, как мальчишки играли в салочки во дворе мечети и, зажав в зубах подолы длинных рубах, бегали друг от друга, перепрыгивая через спящих на циновках людей. А прямо за воротами, в тихих уголках, начертив на земле сетку, девочки, как все девочки в мире, играли в классики. Они бросали в квадраты пустую банку из-под гуталина и, придерживая спадающую с узких плеч традиционную накидку — абаю, старательно прыгали на одной ноге. В Кербеле женщины не могут появиться на улице без абаи, и даже маленькие девочки, играя в свои нехитрые игры, надевают эту черную шелковую хламиду.

В другом конце города, над могилой аль-Аббаса, брата аль-Хусейна по отцу, убитого вместе с ним в бою, тоже построена мечеть — копия первой по архитектуре и внутреннему убранству. Но она несколько скромнее отделана снаружи: лишь купол покрыт золотыми пластинами, а минареты облицованы простой керамикой.

Над стенами, окружающими мечети аль-Хусейна и аль-Аббаса, и примыкающими к ним зданиями трепещут на ветру зеленые, черные и красные полотнища. Зеленый — традиционный цвет ислама. На лубочных картинках, завезенных из Ирана, пророк Мухаммед и халиф Али всегда изображаются в зеленых чалмах. Черное знамя аббасидских халифов — знак траура по убиенным потомкам Али. Согласно мусульманскому преданию, отряд имама аль-Хусейна сражался с халифскими солдатами под красным знаменем. Вот почему в дни мусульманских праздников над глинобитными хижинами в иракских деревнях вместе с государственным флагом Ирака полощутся еще и зеленые, черные и красные. В святых городах шиитов эти знамена вывешены всегда.

По обе стороны одних ворот, ведущих в мечеть аль-Хусейна, расположились лавочники. Разноцветными гроздьями висят четки, стопками поднимаются аккуратно сложенные круглые, прямоугольные и ромбовидные глиняные плитки «турба» с выдавленными на них незамысловатым орнаментом и надписями. Они изготовляются из глины, добываемой в Кербеле в том месте, где, по преданию, произошел бой и был убит аль-Хусейн. Во время молитвы шииты кладут перед собой этот кусочек глины, «впитавший капли крови аль-Хусейна», и во время поклонов касаются его лбом.

Ежегодно в месяц мухаррам в Кербелу приезжают тысячи паломников. Точно сказать, сколько их, никто не может. Они оккупируют многочисленные гостиницы и постоялые дворы, устраиваются на ночлег прямо вокруг усыпальниц аль-Хусейна и аль-Аббаса. 10-го мухаррама в день смерти Хусейна, к четырем часам утра в Кербеле у двух мечетей собирается огромная толпа и начинаются «аза» — «процессии огорчения». Во главе самой простой и скромной процессии идут люди, бьющие себя в грудь. Они одеты в черные рубахи. За ними и перед группой сопровождающих выступает хади, руководитель процессии, громко рассказывающий о «трагедии Кербелы» и гибели аль-Хусейна. Участники второй по сложности процессии также одеты в черные длинные рубахи, они бьют себя по плечам и спине цепями. Иногда к цепям припаиваются мелкие гвоздики, разрывающие рубаху и рассекающие тело. Как и в первом случае, идущий за ними хади рассказывает о битве при Кербеле и гибели аль-Хусейна. Третий и самый сложный вид аза заключается в том, что мужчины, выступающие во главе этого траурного шествия, ударяют себя мечом по голове три-четыре раза и рассекают кожу. Кровь струится по лицу, по белой рубахе, но они продолжают бить себя по голове палашом, хотя уже плашмя. Некоторые в экстазе бьют себя так сильно, что теряют сознание и их увозят в больницу на санитарной автомашине, которая сопровождает эту процессию. После окончания шествия рану на голове залепляют глиной с добавлением каких-то народных лекарственных снадобий.

В Кербеле все процессии начинаются у мечетей аль-Хусейна и аль-Аббаса и к ним возвращаются. Они проходят в музыкальном сопровождении: ритм отбивают барабан и медные тарелки, а все присутствующие скандируют фразы, выкрикиваемые хади, или звукосочетания в ритм барабанному бою. Такие траурные шествия 10-го мухаррама устраиваются также в Куфе, Неджефе и пригороде столицы Ирака — Эль-Казимайне, где похоронены два шиитских имама.

За несколько дней до траурных шествий в Кербеле и других религиозных центрах шиитов устраиваются «ташабих» — театрализованные представления, в которых показываются битва под Кербелой и все события, происходившие в отряде Хусейна во время осады. Зрители часто бросают грязью и камнями в убийцу аль-Хусейна, на роль которого поэтому трудно найти исполнителя. Королевское правительство Ирака запрещало устраивать ташабих и аза, из-за того что они часто использовались для антиправительственных выпадов. Нередко хади вместе с рассказами об убийстве аль-Хусейна проводил аналогии с современным положением в стране. Ведь король Ирака и его правительство были суннитами, так же как и солдаты халифа, убившие аль-Хусейна, поэтому у шиитов, представлявших в большинстве своем неимущие слои населения, к классовой ненависти в отношении правителей королевского Ирака примешивалась и религиозная неприязнь.

Веками не менялись святые города шиитов. Но сейчас время берет свое. Города вечного траура постепенно втягиваются в современную жизнь. Неджеф переживает период реконструкции. Сквозь толщу старых, построенных несколько столетий назад домов пробиваются новые улицы, расчищаются площади вокруг мечети, прокладываются новые трассы водопроводов и канализации. В Куфе, Кербеле построено несколько предприятий, исчезают старые кварталы, открываются светские школы. Однако пройдет, по-видимому, еще немало лет, пока иссякнет или хотя бы поредеет поток паломников к могилам Али, аль-Хусейна и аль-Аббаса.

Ю. РУСАНОВ

Зигзаги португальской действительности

Немногим более четырех лет назад «Революция красных гвоздик», которую совершили лучшие представители вооруженных сил Португалии при поддержке трудящихся масс, положила конец почти полувековой фашистской диктатуре. Тем самым открылась возможность покончить с безраздельным хозяйничаньем монополистического капитала, провести глубокие социально-экономические преобразования и установить демократический строй, который, как это записано в конституции страны, ведет к социализму.

Португальская революция имела ряд характерных особенностей. Важнейшая из них заключалась в том, что с первого ее дня начал складываться и крепнуть союз между народом и вооруженными силами. Как отметил Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии (ПКП) товарищ Алваро Куньял, этот союз явился выражением социального антимонополистического союза и движущей силой революционного процесса. Другой особенностью этой революции было то обстоятельство, что, хотя массы и революционные силы и не обладали политической властью, им все же удалось в процессе борьбы осуществить глубокие социально-экономические преобразования — ликвидировать монополистический капитализм, национализировать банки и основные секторы промышленности, установить рабочий контроль на сотнях предприятий, провести аграрную реформу с экспроприацией латифундий и создать коллективные производственные объединения на одной пятой всех обрабатываемых в стране земель [1].

Уже одно это простое перечисление говорит о громадных сдвигах, происшедших в Португалии за сравнительно небольшой промежуток времени.

Различные социальные слои и политические силы по-разному встретили 25 апреля 1974 года и последующие преобразования. Группы профашистских элементов, независимо от того, какое положение они занимали в португальском обществе, не только не поддержали новые веяния, но, напротив, с первого же дня революции стали вставлять ей палки в колеса. Португальская социалистическая партия (ПСП) и особенно ее руководство эволюционировали довольно последовательно в том, что касается их отношения к революционным процессам, причем тенденции этой эволюции, вне всякого сомнения, показывают в национальном масштабе очевидный сдвиг вправо. На различных этапах послереволюционного развития то поднимались на гребень волны, то вновь опускались всевозможные левацкие и ультралевацкие, в том числе маоистские и троцкистские, организации. Все развитие событий за минувшие четыре года убедительно продемонстрировало их нежелание сотрудничать с подлинно революционными силами, не-

Члены сельскохозяйственного кооператива по дороге на полевые работы.

[1] См.: А. Куньял. Сегодня, как всегда: плечом к плечу с КПСС. «Правда», 28 октября 1977 г.

умение серьезно и объективно анализировать создававшуюся ситуацию.

Всем сердцем принял революцию и активно включился в ее будни португальский рабочий класс. Крестьянство же страны не отличалось таким единством. Это объяснялось, с одной стороны, его социальной неоднородностью (бедняки, середняки, кулаки, батраки), а с другой — реакционным влиянием католической церкви и полувековой обработкой, какой подвергала народ фашистская пропаганда при Салазаре и Каэтану. И все же беднейшее крестьянство, мелкие и средние землевладельцы довольно быстро прониклись идеями «красных гвоздик», стали на позицию поддержки социально-экономических преобразований в стране вообще и в деревне в частности.

Что касается духовенства, то оно в массе своей не приняло и не поддержало революцию и те изменения, какие она привнесла в португальскую действительность [2]. Не изменила своей позиции церковь и в дальнейшем, на протяжении всех этих четырех лет. Изменились лишь, и это естественно, методы ее деятельности и средства достижения целей. Причем менялись они в зависимости от внутриполитического положения в стране.

Например, в первые два года после победы апрельской революции, когда в стране шла ускоренная ломка старых структур, церковь довольно открыто выступала против утверждения новых начал в португальской экономике и социально-политической жизни. Проповеди с амвона, агитация среди политически отсталых и неграмотных крестьян, разнузданная антикоммунистическая пропаганда, организация сопротивления деятельности специальных комиссий, направленных руководством Движения вооруженных сил и правительством в сельские районы для проведения в жизнь аграрной реформы, наконец, подстрекательство к актам прямого саботажа и диверсий, к нападениям на революционных активистов, поджогам и взрывам комитетов ПКП — таков далеко не полный перечень подрывных акций, предпринятых церковью в борьбе с революционными преобразованиями.

С приходом к власти однопартийного правительства лидера социалистов Мариу Соареша церковь постепенно начала менять свою тактику, делая все больший упор на легальные действия. Большую активность, в частности, стала развивать католическая партия Социал-демократический центр (СДЦ), консерватизм которой не вызывает сомнений ни у кого в Португалии.

Изменение методов и форм деятельности католической церкви вызвано в первую очередь тем, что правительство соцпартии стало проводить линию, во многом удовлетворявшую правые силы страны, выразителями интересов которых являются СДЦ и Социал-демократическая партия (СДП). Полтора года пребывания социалистов у власти наглядно показали, что руководство соцпартии явно отступило от своих политических обещаний и обязательств по выполнению конституции страны.

Так, при поддержке СДП и СДЦ правительство М. Соареша протащило ряд законов, означающих в целом большой и опасный шаг назад по сравнению с завоеваниями двух первых лет после установления демократии в стране. Достаточно упомянуть законы о стимулировании частных капиталовложений, о разграничении государственного и частного секторов экономики, «О правах рабочих на предприятии» (фактически сводивший на нет контроль трудящихся над производством и участие в его управлении) и, наконец, законодательные акты, урезывавшие, а по сути упразднявшие, аграрную реформу.

По мнению многих, в том числе и португальских, специалистов, наиболее реакционной из всех этих регрессивных мер является принятие так называемого «закона Баррету». По существу, он направлен на частичное возвращение старым владельцам земель, экспроприированных крестьянами-бедняками, и постепенную ликвидацию тех кооперативов и коллективных производственных объединений, всего за несколько лет обеспечивших небывалый для Португалии подъем сельскохозяйственного производства, которое в частных крестьянских хозяйствах продолжает оставаться одним из самых отсталых в Европе.

Генеральный секретарь ЦК ПКП товарищ Алваро Куньял очень точно охарактеризовал то, что происходит сейчас в португальской деревне после принятия закона Баррету. «Правительство социалистической партии,— писал он,— ежедневно передает бывшим крупным собственникам экспроприированные на основе аграрной реформы земли, которые трудящиеся, организованные в производственные коллективные объединения и кооперативы, уже начали обрабатывать. Оно ежедневно передает прежним хозяевам, реакционерам, эксплуататорам, без зазрения совести творившим любого рода произвол и беззаконие, предприятия, которые благодаря усилиям трудящихся при осуществлении ими рабочего контроля, а во многих случаях и самоуправления продолжали функционировать. Правительство использует для этих операций крупные милитаризованные силы с применением броневиков, автоматов, собак, с избиением трудящихся, чтобы навязать им эти полные произвола решения, а затем позволяет хозяевам проводить репрессии в деревне и на предприятиях, и они увольняют и преследуют трудящихся, создают частную полицию, чтобы подавить сопротивление» [3].

Главной жертвой этого закона стал португальский крестьянин, которого вновь лишают права хозяйствовать на земле, которую он веками обрабатывал. По словам лидера левого крыла социалистической партии бывшего министра сельского хозяйства Португалии Лопеша Кардозу, цель закона Баррету заключается в том, чтобы «способствовать в деревне тому капиталистическому развитию, которого давно уже добиваются конфедерация землевладельцев и крупные ассоциации предпринимателей».

Вот несколько цифр, красноречиво вскрывающих суть и последствия нового закона о выплате компенсаций держателям акций, бывшим владельцам национализированных предприятий, банков, страховых компаний и сельскохозяйственных имений. Только на первом этапе им предусмотрено выплатить до 100 миллиардов эскудо, а всего за

На поле во время отдыха. Крестьянка читает «Аванте!» — газету португальских коммунистов.

20 лет действия закона бывшие владельцы получат 170—220 миллиардов эскудо. Это привело к тому, что уже к концу 1977 года внутренний государственный долг Португалии превысил 210 миллиардов эскудо, составив 37 процентов всего валового национального продукта страны. Более щедрый подарок имущим классам трудно себе представить!

Здесь следует особо остановиться на одном очень важном моменте. Дело в том, что правая печать Португалии и других западных стран все время твердит, что, мол, партии правее ПСП также критиковали ее правительство и его финансово-экономическую политику и даже иногда голосовали заодно с коммунистами против выдвинутых социалистами проектов. И действительно, при голосовании в парламенте, например, закона о выплате компенсаций, СДЦ, как и компартия, высказался против него, а депутаты от СДП воздержались.

Чем же было вызвано это странное совпадение? Сами представители СДЦ сразу же поспешили объяснить его тем, что, оказывается, данный закон «не обеспечивает условий, гарантирующих в должной степени оживления частнопредпринимательской деятельности». СДП в свою очередь полностью солидаризировалась с этими объяснениями. Таким образом, обе правые партии не поддержали внесенный правительством социалистов законопроект лишь потому, что, по их мнению, он мог бы быть более «всеобъемлющим», то есть более реакционным.

Остается лишь еще раз напомнить, что СДЦ — партия католическая, выражающая интересы португальского епископата, практически совпадающие с интересами крупных промышленников, банкиров и землевладельцев.

[2] Более подробно об этом см. в статье Ю. Русанова «По ту сторону баррикад». «Наука и религия», 1975, № 8 (прим. ред.).

[3] «Правда», 28 октября 1977 г.

Впрочем, на словах церковные иерархи и ответственные представители различных светских религиозных организаций при каждом удобном случае любят повторять, что они никоим образом не вмешиваются в политическую жизнь страны. Более того, португальские клерикалы теперь утверждают, будто они преданы «идеалам плюралистической демократии». Именно в этом духе, например, высказался в интервью португальскому еженедельнику «Паиш» пожелавший остаться анонимным представитель службы информации португальского филиала международной светской католической организации «Опус деи»[4].

Так ли это? Неужели всего за каких-нибудь три-четыре года церковь в Португалии из рьяного защитника старых салазаровских порядков и упорного противника революционных преобразований превратилась не только в лояльного созерцателя бурных событий, происходящих в стране, но и в активного проводника или, по крайней мере, сторонника политического плюрализма и демократии?

Демонстрация крестьян провинции Алентежу в защиту аграрной реформы.

Представители «Опус деи», например, неустанно твердят, будто ее членами могут быть все, даже простые рабочие, служащие и крестьяне. Социальное происхождение последних, мол, не мешает их продвижению по общественной лестнице, возможности получить «прекрасное образование и отличную профессиональную подготовку». Португальская печать сообщает в этой связи, что университет города Коимбра, судя по всему, является своего рода центром по подготовке кадров «Опус деи».

В упомянутом интервью утверждается также, будто эта организация объединяет в своих рядах не только католиков, но и лиц других вероисповеданий, даже атеистов, которые, дескать, абсолютно «свободны в выборе своей идеологической ориентации». Но при всем том, «скромно» уточняет представитель «Опус деи», действия ее членов «должны способствовать претворению в жизнь христианских идеалов».

Ну, а теперь разберемся во всем этом.

Прежде всего, каковы у португальских рабочих и крестьян возможности отправить своих детей учиться в университет Коимбры, а тем более за границу для получения «прекрасного образования»? Португальская действительность свидетельствует о том, что эти возможности минимальны, если не сказать призрачны. А вот возможности португальской церкви, тесно связанной и с крупными предпринимателями и латифундистами, и с партией христианских демократов (СДЦ), гораздо шире, что позволяет ей отбирать верующих из неимущих классов и направлять их на учебу. Разумеется, по ее завершении тем приходится отрабатывать затраты на свое образование под контролем и в направлении, угодном «Опус деи».

Таким образом, ни о какой «свободе действий» членов католических организаций не может быть и речи. Вся деятельность лиц, вовлеченных, например, в «Опус деи», строго контролируется и направляется соответствующими духовными наставниками, в рядах организации поддерживается железная дисциплина. Нарушение ее или малейший отход от религиозных канонов и тех чисто политических задач, какие преследует «Опус деи», чревато весьма серьезными последствиями. А эти задачи, как уже говорилось, во всем совпадают с интересами крупного национального и международного капитала.

Стало быть, разглагольствования церковников, будто они денно и нощно пекутся о благе трудящихся и будущей судьбе демократической Португалии, есть не что иное, как чистой воды обман верующих, демагогия, под прикрытием которой вынашиваются явно реакционные планы.

С другой стороны, духовенство не отказывается и от прежних, террористических методов борьбы с новым, прогрессивным. Во всяком случае, португальские церковники ни разу, хотя бы для приличия, не осудили насилия, которые продолжают творить правые экстремисты, причем большей частью в районах проведения аграрной реформы. В Лиссабоне, Сантарене, Сетубале, Алкасер-ду-Сале, Беже и Эворе, например, ими были подложены бомбы в здания правительственных организаций, контролировавших проведение аграрной реформы.

В Португалии убеждены, что это дело рук правых реакционных элементов, которые в провокационных целях стремятся вызвать в народе, особенно среди крестьян, настроения страха и истерии, пытаются обвинить левые силы в том, будто они поощряют в зоне аграрной реформы «кампанию гражданского неповиновения» закону Баррету. В связи с этим обращает на себя внимание начатая правой печатью клеветническая кампания, имеющая целью спровоцировать карательные меры властей против трудящихся, критикующих эту ревизию аграрной реформы.

Террористические акции, манипуляции в парламенте, «лояльные» проповеди деревенских священников, проникнутые духом воинствующего антикоммунизма, — все пускается в ход противниками последовательного осуществления идеалов революции 25 апреля. Наступление ведется по всем фронтам — в городе и деревне, на промыш-

[4] Более подробно об этой организации см. статью Ю. Каграманова «Господа из «Опус деи». «Наука и религия», 1973, № 3.

ленных предприятиях и в университетах. «Реакция и все враги португальской революции,— говорил А. Куньял,— прилагают настойчивые усилия с целью раскола трудящихся и всех демократов, пытаются помешать сплочению прогрессивных сил, способных обеспечить продолжение демократического процесса. Для защиты единства надо вести борьбу против антикоммунизма, против попыток расколоть профсоюзное движение, необходимо остановить наступление на аграрную реформу».

Надо сказать, что такая борьба ведется уже сегодня. Против антинародных решений выступают самые различные слои португальского общества. Практически все политические партии левее социалистов подвергли эти правительственные акты резкой и справедливой критике, считая, что они прежде всего направлены против интересов трудящихся и страны в целом. «Новые экономические и валютно-финансовые меры, одобренные правительством соцпартии, оказались явно непопулярными, а их практическая эффективность весьма сомнительна»,— писала по этому поводу столичная газета «Диариу ди Лижбоа».

Лучшим доказательством тому служит тот факт, что политика правительства М. Соареша встретила сопротивление даже в рядах его собственной партии. Только в прошлом году из нее были исключены бывший министр сельского хозяйства Лопеш Кардозу и три депутата парламента, а еще раньше — члены левой фракции «Рабочее братство».

Непрестанное давление правых на и без того уже весьма далекий от революционности однопартийный кабинет Мариу Соареша в конце концов привело прошлой зимой к его падению и почти двухмесячному правительственному кризису. Ход событий показал, что сформирование второго — уже девятого по счету правительства со времени свержения диктатуры — кабинета М. Соареша, в который, в отличие от предыдущего, кроме социалистов вошли три представителя СДЦ, явилось еще одним шагом на том пути реставрации доапрельских порядков, прежде всего в экономике, на какой в последнее время толкают страну правые силы, в том числе церковь и партия, представляющая ее интересы.

Благодаря вхождению в правительство последние получили возможность еще более заметно влиять на внутри- и внешнеполитическое положение Португалии. Ведь хотя из 13 министерских портфелей СДЦ досталось только три (остальные распределены среди социалистов), но это едва ли не самые важные посты в правительстве, разумеется не считая портфеля самого премьер-министра, который сохранил за собой М. Соареш. В частности, один из лидеров СДЦ Витор Са Машаду возглавил министерство иностранных дел, а другой христианский демократ — министерство административной реформы. Таким образом, ныне клерикалы уже не закулисно, как прежде, а вполне официально, притом на самом высоком уровне, определяют курс (по которому уже и без них достаточно неуверенно дрейфовал государственный корабль), а заодно — и судьбы всего того, что еще уцелело от завоеваний революции.

Не удивительно, что состав нынешнего кабинета министров вызвал настоящую бурю протеста у левых сил и брожение и недовольство в рядах самой соцпартии. Результатом этого процесса явилось основание оппозиционными элементами в ее рядах новой политической организации — «Союза социалистических и демократических левых сил», который заявил, что «любое правительство, лишенное поддержки широких народных масс, обречено на провал». Кстати, такое недовольство выражают не только трудящиеся-социалисты, но и некоторые бывшие видные деятели ПСП, например уже упоминавшийся Лопеш Кардозу — теперь один из лидеров этой новой левой организации.

В создавшихся условиях ПКП вместе со всеми истинными демократами, как говорил А. Куньял в своем выступлении в Москве на Торжественном заседании, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, борется «за консолидацию португальской демократии и ее завоеваний (аграрной реформы, национализации и рабочего контроля)... Борьба за конкретизацию перспективы социалистической революции в нашей стране — неотъемлемая часть борьбы в защиту и консолидацию демократического режима».

Португальская компартия в своих программных документах внесла на обсуждение всей страны, оказавшейся перед лицом острого политического и социально-экономического кризиса, предложения о выработке при участии всех политических и социальных сил совместной демократической платформы, которую можно было бы положить в основу деятельности нового правительства, способного защитить демократический строй, соблюдать конституцию и сохранить революционные завоевания.

● Догмы не умирают потому, что они мертвые.

● Камни преткновения носи за пазухой.

Владимир ГОЛОБОРОДЬКО

● Когда говорят: «Дай бог память», — бог в памяти отказывает.

● Боги умирают в сознании.

● Ева — Адаму: «А теперь дай и тебе ребра пересчитаю...»

● Все олухи царя небесного — земные.

Владимир ХОЧИНСКИЙ

Ленинград

● Верил в потустороннюю жизнь, но на всякий случай брал все от жизни по эту сторону.

● Пытался примирить науку и религию: утверждал, что стрелку барометра движет бог.

С. ПУГАЧЕВ

Ленинград

Наше обозрение

ПОЛИТИЗДАТ ВЫПУСКАЕТ

Редакция литературы по научному атеизму Политиздата адресует свои книги самому широкому кругу читателей: пропагандистам, лекторам и агитаторам, организаторам атеистической работы, партийному, профсоюзному и комсомольскому активу, преподавателям и студентам учебных заведений, где читается курс научного атеизма, и всем, кто интересуется проблемами атеизма и религии.

Главная задача, которую редакция ставит перед собой сегодня, — это вооружить необходимыми знаниями всех занимающихся атеистическим воспитанием: от бригадного и цехового политинформатора и беседчика до ректора факультета научного атеизма народного университета и преподавателя вуза. Одновременно решается и еще одна важнейшая задача: удовлетворить интерес к проблемам атеизма читателей самых различных категорий и по уровню образования и культуры, и по возрасту, и по отношению к религии и церкви.

Многие политиздатовские книги доступны молодежи и пенсионерам, домашним хозяйкам и рабочим; тем, кто уже отошел от религии или находится на пороге отречения, и тем, кто пока еще ощущает ее сильное влияние.

В плане выпуска текущего года более 20 названий общим объемом около 200 печатных листов. Часть книг вышла. Многие плановые издания уже перекочевали из редакционных комнат в цехи типографии, чтобы в ближайшее время занять свое место на полках массовых, заводских, сельских, вузовских и школьных библиотек, домов и кабинетов политического просвещения.

Для атеистов издаются учебные пособия, методическая литература. Вышло 4-е, дополненное и переработанное, издание учебника «Научный атеизм», рассчитанного на студентов вузов, а также на слушателей вечерних университетов научного атеизма.

Продолжается выпуск популярной серии для атеистического актива — «Библиотека атеиста», задача которой пропагандировать передовой опыт атеистического воспитания, подводить итоги поиска наиболее эффективных путей преодоления религиозных пережитков. Большой интерес представляет брошюра этой серии «К духовной свободе!». Ее автор кандидат философских наук И. Тимченко обратилась к малоисследованной проблеме: причины и мотивы женской религиозности. В этом году увидит свет и посвященная недостаточно исследованной проблеме брошюра Н. Аширова «Мусульманская проповедь».

Книги Политиздата хорошо известны и верующим. Большой популярностью пользуется серия «Беседы с верующими», специально предназначенная для тех, кто еще находится в плену религиозных представлений. 10 брошюр серии, рассказывающих о происхождении и сущности основных православных праздников, выдержали уже несколько изданий и тем не менее читательский спрос не снижается. В 1978 году часть брошюр этой серии выходит вновь.

Тринадцатый год радует читателей самых различных возрастов и профессий альманах «Атеистические чтения». В очередном, девятом выпуске альманаха читателя ждет встреча с такими интересными авторами, как академик А. Опарин, летчик-космонавт СССР О. Макаров, писательница М. Шагинян и другие.

Для самого широкого контингента читателей, в том числе и для верующих, четвертый год выходят книжки серии «Беседы о мире и человеке». Выпущенная в этой серии брошюра доктора исторических наук В. Ларичева «Поиски предков Адама» посвящена перипетиям борьбы ученых с богословами—защитниками мифа о божественном творении первых людей. Критический анализ христианского таинства покаяния дан журналистом С. Марковым в брошюре «Зачем человеку исповедь».

Из вышедших в 1977 году сборников привлек внимание читателей коллективный труд «Наши праздники». Богато иллюстрированное издание рассчитано на партийных, комсомольских, профсоюзных работников, пропагандистов, лекторов, работников культуры, занимающихся проблемами становления новой, социалистической обрядности. В книге обобщен опыт организации и проведения в нашей стране различных праздников, раскрыта сущность родившихся в социалистическом обществе обрядов и ритуалов, показана их роль в формировании нового человека, в нравственном, патриотическом, интернациональном, трудовом и атеистическом воспитании советских людей.

Читатели нашего журнала, познакомившиеся на его страницах с отрывками из книги известного специалиста по новой и новейшей истории католицизма И. Григулевича «Папство. Век XX», несомненно, постараются прочесть и всю книгу — вскоре она выйдет в свет.

Тот, кого интересует христианская секта свидетелей Иеговы, не пропустит книгу кандидата философских наук В. Коника «Истины» свидетелей Иеговы». Автор ее, используя обширный фактический материал, раскрывает сущность вероучения, рассказывает о деятельности свидетелей Иеговы в различных странах мира, в том числе и в нашей стране.

Известный советский писатель В. Беляев в своей книге «Я обвиняю!» в форме острых политических памфлетов рисует портреты тех, кто, рядясь в религиозные одежды и выдавая себя за поборников национальной независимости украинского народа, в годы Великой Отечественной войны сотрудничал с фашистскими захватчиками, а в наши дни находится в рядах воинствующих антикоммунистов.

Оправдал себя опыт совместной работы ученых нашей страны с коллегами из социалистических стран: выпущенная Политиздатом книга «Католицизм-77», написанная советскими и польскими учеными, пользуется у всех, кто интересуется проблемами атеизма и религии, заслуженным успехом. В 1978 году увидит свет сборник советских и болгарских исследователей «Гуманизм, атеизм, религия».

Для популяризации наших атеистических изданий за рубежом немало дала состоявшаяся в минувшем году первая Международная книжная выставка-ярмарка. Атеистическая литература, издаваемая в СССР, вызвала интерес не только у представителей социалистических стран, но и у руководителей ряда западных фирм. В свою очередь работники Политиздата проявили интерес к западным книгам религиоведческого характера, разоблачающим мистику и суеверия. Особенно успешными были переговоры с главой итальянской фирмы Николо Тети. С ним был заключен договор на перевод на русский язык книги известного ученого-марксиста Амброджо Донини «У истоков христианства». В свою очередь Н. Тети подписал соглашение на ознакомление с такими изданиями, как «Католицизм-77», «Карманный словарь атеиста», книга Б. Рожнова «Пророки и чудотворцы», главы из которой публиковал наш журнал. Работники Политиздата проявили интерес к серии западногерманского издательства «Мэрлин», разоблачающей мистику и суеверия. Решается вопрос о переводе на русский язык ряда работ наших польских и венгерских коллег. Все это говорит о том, что в ближайшие годы Политиздат увеличит выпуск переводных изданий.

М. ДАНИЛОВА

ПРАВДА О КОНКИСТЕ

И. Р. Григулевич. КРЕСТ И МЕЧ. Католическая церковь в Испанской Америке XVI — XVIII вв. М., «Наука», 1977, 295 стр., 31 000 экз., 1 руб. 59 коп.

«Ватикан», «Боги в тропиках», «Симон Боливар», «Сальвадор Альенде», «Мятежная» церковь в Латинской Америке», «Инквизиция» — таков далеко не полный перечень книг известного советского ученого и публициста И. Р. Григулевича, наверняка знакомых каждому интересующемуся историей католицизма и Латинской Америки. Недавно этот автор порадовал читателей еще одной книгой, о которой и пойдет речь.

Знакомя с интереснейшими, малоизвестными большинству читателей подробностями колонизации и христианизации Центральной и Южной Америки, И. Р. Григулевич развенчивает миф современной буржуазной историографии о якобы «неколониальном» характере испанских и португальских захватов и господства в Новом Свете, а заодно и связанную с ним концепцию о мнимо цивилизаторской роли католической церкви в заморских владениях европейских держав. Автор показывает, как в своих попытках обосновать эти антиисторические оценки буржуазные летописцы не брезгуют и прямыми подтасовками, выдавая, например, протесты отважных одиночек вроде прелата Бартоломе де Лас Касаса (1474—1566 гг.) против преступлений конкистадоров, миссионеров и инквизиторов за позицию всей католической церкви.

Перед нами проходит вереница колоритно - жутких портретов людей «с крестом в руке и ненасытной жаждой золота в сердце», как охарактеризовал деятелей конкисты еще Лас Касас. Любопытно, кстати, что эту галерею открывает портрет самого Христофора Колумба, который, по словам того же Лас Касаса, «все свои дела начинал с обращения к св. Троице, к Иисусу и деве Марии... строго соблюдал посты и другие церковные предписания и обряды... и благодарил господа всякий раз, когда доставляли ему отобранное у индейцев золото». Уже после возвращения из своего первого плавания он объявил, что открытая им «Индия» отныне будет давать «рабов сколько... угодно и сколько мне повелят отправить, и будут эти рабы из числа язычников».

Впрочем, как показывает автор, рыцарям креста и меча в Новом Свете отнюдь не приходилось терзаться угрызениями совести. Ведь все их грехи авансом покрывались четырьмя буллами, которые папа Александр VI поспешил издать в 1493 году, чтобы придать видимость законности беззакониям, творимым во вновь открытых землях. «Наместник святого Петра» призвал в них испанских монархов Фердинанда и Изабеллу во имя «возвеличения и распространения католической веры... приступить, уповая на милость божию, к подчинению упомянутых островов и материков и их жителей и обитателей».

Характерно при этом, что

осуществление этих папских призывов было возложено на всевозможных уголовников. Именно им и поручили споспешествовать «обращению индейцев в христианство». Зато «еретикам» и «новым христианам» (то есть евреям и маврам, обращенным в католичество) было строго-настрого запрещено переселяться в Новый Свет, что, впрочем, не помешало многим из них, спасаясь от преследований инквизиции в самой Испании, под чужими именами пробираться на каравеллы, плывущие в «Индию».

Что касается местного индейского населения, то его испанская корона передала вместе с землями и имуществом во «временное» владение новым феодалам из конкистадоров, или, как их стали звать, «энкомендерос». Последние были обязаны платить королю дань в размере четверти всех своих доходов, не считая церковной десятины. Стараясь «возместить» эти потери, энкомендерос столь хищнически и безжалостно эксплуатировали индейцев, что те уже через несколько лет непосильного труда и побоев гибли целыми тысячами. Эту убыль рабочей силы уже в первые десятилетия после конкисты плантаторы стали компенсировать за счет черных африканских рабов, торговля которыми все расширялась и превратилась в одно из решающих условий функционирования колониальной экономики.

Впрочем, истязая и обрекая на верную погибель недостаточно покорных с их точки зрения индейцев, конкистадоры и их наследники, равно как и неразлучные с ними францисканцы и доминиканцы, рьяно пеклись о «спасении душ язычников». Для этого королевские теологи уже в первой четверти XVI века составили на основании упомянутых четырех булл папы Александра VI и Библии потрясающий по своему цинизму документ— так называемое «Рекеримьенто» («Требование») — ставший идейной программой колонизаторов.

«Рекеримьенто» требовало от индейцев признать церковь владычицей Вселенной, а папу и короля — властелинами всех земель в Новом Свете. Этот наглый ультиматум зачитывался через переводчиков всем покоренным племенам. Отказы подчиниться грубой силе чаще всего давали удобный повод миссионерам благословлять конкистадоров на «справедливую войну» и объявлять, будто она ведется в интересах самих «язычников», которые-де, не желая принимать «истинную веру», сами вредят себе, так как тем самым закрывают для себя всякую возможность загробного воздаяния и обрекают себя на «геенну огненную». В этой связи автор обращает внимание на то, что «Рекеримьенто» оправдывается и рядом современных клерикальных историков.

В книге приведены леденящие кровь подробности того, какими зверствами сопровождалась реализация «Рекеримьенто». «Только тот, кто сумел бы сосчитать капли во время бури или песчинки в море, — свидетельствовал монах Мотолиния, — сумел бы сосчитать индейцев, погибших на Карибских островах».

Однако массовое уничтожение коренного населения, которым были отмечены первые десятилетия конкисты, не могло продолжаться бесконечно долго по той простой причине, что к середине XVI века число индейцев в колониях настолько сократилось, что в поместьях энкомендерос и монастырских владениях стала ощущаться острая нехватка рабочей силы. А это в свою очередь грозило сократить приток золота в королевскую казну, что заставило корону издать указ, запрещавший истреблять индейцев и даже вводивший некоторые послабления для тех из них, кто отрекался от «язычества». Крещеные индейцы на первые два года после обращения освобождались от податей, а число обязательных постов для них сокращалось до трех самых главных, причем из 43 католических праздников индейцы обязаны были отмечать только 12 самых чтимых.

Впрочем, наступившее после этого указа некоторое облегчение положения туземного населения колоний вскоре было сведено на нет наступлением новой полосы гонений и репрессий, связанной с контрреформацией. Последняя, как известно, явилась реакцией верхов феодально - католического общества, и в первую голову испанского короля, на успехи Реформации в Северной и Центральной Европе. Усилив для борьбы с протестантской «ересью» свой старый репрессивный аппарат — инквизицию — и создав новый — орден иезуитов, папство и испанская корона—в тревоге, как бы эта «ересь» (прежде всего через англичан и голландцев, делавших тогда свои первые шаги в колонизации Нового Света) не проникла в испанскую и португальскую Америку, — стали учреждать в своих заморских владениях все новые и новые инквизиционные трибуналы и миссии «общества Иисуса».

И хотя террор, чинившийся этими католическими институциями, достаточно фундаментально описан и проанализирован в не так давно опубликованной монографии автора по истории инквизиции, он правильно сделал, что сопроводил свою новую книгу специальной главой, кратко знакомящей с деятельностью этой преступной организации в испанской Америке.

С большим интересом читается также глава, повествующая об изощренных методах, использованных иезуитами, чтобы прибрать к рукам глубинные территории Южной и Центральной Америки и создать там собственные владения, основанные на крепостнической эксплуатации индейцев и почти независимые от колониальных властей. Автор приводит яркие подробности этой экспансии, в результате которой в конце XVII века было создано некое подобие теократического иезуитского государства в бассейне реки Параны на территории нынешнего Парагвая и пограничных с ним районов Аргентины, Бразилии и Уругвая. Книга разоблачает фальсификации тех буржуазных, в том числе клерикальных, историков, которые пытаются выдать эту крепостническую теократию за образец осуществления идей «христианского коммунизма».

С неменьшим интересом читаются страницы, повествующие об участии церкви в развитии работорговли и рабовладения в Новом Свете. «По мнению авторитетных ученых,— пишет автор, — работорговцами было продано от 50 млн. до 200 млн. человек. Достигло же Америки не более 20 млн. ... остальные погибли в пути». И хотя современные клерикальные историки уже не решаются оправдывать рабство, как это делали в прошлом их коллеги, однако напрасно было бы, подчеркивает И. Р. Григулевич, искать в их сочинениях (например, в двухтомной иезуитской «Истории церкви в Испанской Америке») правду о роли религии и церкви в чудовищной эксплуатации и геноциде миллионов и миллионов африканцев, на костях которых, как на дрожжах, взошли колониальные империи европейских держав в Новом Свете. Не сыскать у этих авторов даже признания того факта, что колониальная церковь, ссылаясь на Библию, требовала от рабов терпения, послушания и повиновения. В особенности популярны были ссылки на послание апостола Павла к ефесянам, где он сравнивает Иисуса Христа с рабовладельцем, призывая рабов «со страхом и трепетом» повиноваться своим хозяевам.

Впрочем, такой фигуре умолчания нынешней католической историографии вряд ли стоит особенно удивляться. Ведь тогда бы ей пришлось признать и подлинные источники экономического могущества самой церкви в колониях, основанного на эксплуатации тех же индейцев и рабов. Происхождению церковных доходов и капиталов в американских колониях автор посвятил специальную главу.

К достоинствам книги безусловно нужно отнести и многочисленные рисунки, воспроизведенные с гравюр времен конкисты, которые, несмотря на свойственный им примитивизм, представляют собой наглядные свидетельства современников о массовых зверствах и пытках, применявшихся не только в эпоху конкисты, но и в период «мирного» развития колоний.

Разумеется, редакционная подготовка труда, подобного рецензируемому, в котором упоминаются сотни иностранных имен и названий, притом из относительно далекого прошлого, — дело нелегкое, но с тем большей тщательностью к нему следовало подойти. В этой связи вряд ли, например, оправдана испаноязычная транскрипция некоторых широко известных неиспанских имен и терминов («Элисе Реклю» — стр. 14, «Васко де Гама» — стр. 30, «маникеи» — стр. 185) или употребление слова «мемориал» (стр. 48 и последующие) вместо общепринятого «меморандум» (памятная записка). Не к чему было вводить и новый вариант перевода заголовка известного сочинения Руссо «Об общественном договоре» — «Социальный договор» (стр. 156). Географические параллели спутаны с мери-

дианами (стр. 166). Не стоило и Папскую область переименовывать в «Церковную» (стр. 190). Непонятно также, зачем слово «инфант» (наследник престола) писать с прописной буквы (стр. 180). Встречаются, к сожалению, и стилистические погрешности.

В целом же новая работа И. Р. Григулевича, как и его предыдущие книги, несомненно представляет собой ценное пособие не только для специалистов по общественным наукам и пропагандистов атеизма, но и для достаточно широкого круга читателей, интересующихся историей зарубежных стран.

В. МАЗОХИН,
кандидат исторических наук

В МЕСТНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВАХ

«Заботы сельских атеистов».
Ставропольское книжное издательство, 1977, 80 стр., 5 000 экз., 11 коп.

Книга, написанная коллективом авторов (М. Абдуллаев, В. Сапроненко, М. Чугуев, составитель доктор философских наук А. Авксентьев), посвящена актуальной теме: роли социалистического образа жизни в преодолении религиозных пережитков.

Религиозные пережитки, как известно, нередко препятствуют советскому человеку в выборе активной жизненной позиции, решении не только личных, частных, но и важных, касающихся многих людей вопросов в соответствии с высокими требованиями норм коммунистической нравственности. Анализируя на конкретных примерах опыт сельских атеистов Ставрополья, авторы показывают, как под влиянием нашего образа жизни, а также большой и кропотливой работы пропагандистов отступает религия.

На примерах, взятых из жизни, в книге показывается, какой сложный путь приобщения к общественно-политической деятельности, формирования активной жизненной позиции проходит человек в коллективе. Религия мешает верующим во всей полноте ощутить радость свободного, творческого труда, сознательного участия в строительстве новой жизни. Эти истины человек постигает только в коллективном труде. Более того, товарищеское, дружественное общение людей разных национальностей и вероисповеданий в трудовом процессе способствует их единению, интернационализации быта.

Авторы справедливо отмечают важную роль многонациональных трудовых коллективов как фактора сближения наций и народностей, преодоления национальных предрассудков, воспитания интернациональных взглядов, убеждений и чувств. В таких коллективах происходит критическое переосмысление старых обычаев, питающих религиозно-этнические предрассудки. Рождаются новые советские обряды и традиции, которые сближают, объединяют всех людей независимо от национальности, становятся важным фактором атеистического воспитания. «Все это создает, — подчеркивается в книге, — благоприятные условия для формирования таких черт и качеств личности, как товарищество и дружба, непримиримость к национальной ограниченности, национальным предрассудкам и религиозным пережиткам». Опыт показывает, что в многонациональных коллективах особенно наглядно проявляется неразрывная связь интернационального и атеистического воспитания, являющихся составными частями формирования коммунистических убеждений.

Один из разделов посвящен атеистическому воспитанию в школе. Исследования, проведенные в ряде школ Ставропольского края, показали, что верующих среди школьников 6—10-х классов практически нет. Однако около 40 процентов детей заявили, что в их семьях отмечаются основные религиозные праздники, примерно четверть школьников участвуют в отправлении религиозных обрядов и, как следствие этого, 40 процентов ребят не считают религию вредным явлением. Все это свидетельствует о том, что определенная часть учеников все же находится под влиянием религии. Часть сельских школьников подвержена бытовым суевериям, верит в вещие сны, гадания. В то же время именно школьные годы, когда формируется мировоззрение, — наиболее благоприятны для воспитания у ребят атеистических убеждений. Поэтому, подчеркивается в книге, так велико значение учителя в атеистическом воспитании, которое должно органически вплетаться в учебный процесс. В книге рассказывается, как проводятся в Ставропольском крае «Недели школ». Это яркий пример того, что может дать объединение усилий школы, семьи и общественности.

Авторы книги ставили перед собой локальную задачу — оказать помощь в атеистическом воспитании многонационального сельского населения Ставрополья. Однако отмеченные ими своеобразные условия (многонациональность, переплетение этнических и религиозных признаков и особенностей, проявление пережитков различных вероисповеданий среди жителей одного и того же населенного пункта и т. п.), усложняющие преодоление влияния религии, характерны и для некоторых других регионов нашей страны. Поэтому рассказ об опыте атеистов Ставрополья принесет несомненную пользу пропагандистам атеизма в других областях и республик.

Р. МАВЛЮТОВ,
кандидат философских наук

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Л. М. Брагина. ИТАЛЬЯНСКИЙ ГУМАНИЗМ. Этические учения XIV—XV вв. М., «Высшая школа», 1977, 254 стр., 18 000 экз., 90 коп.

О. И. Величко. СОЦИАЛЬНАЯ ДОКТРИНА КАТОЛИЦИЗМА И РАБОЧИЙ КЛАСС АВСТРИИ. М., «Наука», 1978, 173 стр., 1 100 экз., 95 коп.

ВОПРОСЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА». Вып. 22. М., «Мысль», 1978, 319 стр., 23 000 экз., 1 руб. 20 коп.

Н. Н. Воронин. СМОЛЕНСКАЯ ЖИВОПИСЬ XII—XIII ВЕКОВ. М., «Искусство», 1977, 183 стр. с илл., 25 000 экз., 3 руб. 70 коп.

П. В. Денисов. НИКИТА ЯКОВЛЕВИЧ БИЧУРИН. Чебоксары, Чувашкнигоиздат, 1977, 143 стр., 2 000 экз., 20 коп.

«ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ». Изд. 2-е, испр. и доп. Лениздат, 1977, 359 стр. с илл., 25 000 экз., 1 руб. 10 коп.

«ДУХ ОТРИЦАНЬЯ, ДУХ СОМНЕНЬЯ...» (Из истории западноевропейского свободомыслия и атеизма). М., «Детская литература», 1977, 303 стр. с илл., 50 000 экз., 70 коп.

Л. И. Емелях. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ТАИНСТВ. М., «Советская Россия», 1978, 125 стр., 50 000 экз., 20 коп.

А. Н. Ипатов. МЕННОНИТЫ. М., «Мысль», 1978, 213 стр., 19 000 экз., 75 коп.

В. В. Клочков. РЕЛИГИЯ, ГОСУДАРСТВО, ПРАВО. М., «Мысль», 1978, 287 стр., 32 000 экз., 1 руб. 10 коп.

Е. Козлова. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. Успенский собор. Путеводитель. М., «Изобразительное искусство», 1977, 16 стр. с илл., 300 000 экз., 50 коп.

З. М. Короткова. БОГОРОДИЧНЫЕ ПРАЗДНИКИ. Изд. 3-е. М., Политиздат, 1978, 72 стр., 100 000 экз., 10 коп

З. Косидовский. БИБЛЕЙСКИЕ СКАЗАНИЯ. Перевод с польского. Изд. 4-е. М., Политиздат, 1978, 455 стр. с илл., 100 000 экз., 1 руб. 40 коп.

П. Михалев, В. Павлов и И. Титов. ОЛЬСТЕР! ФАКТЫ О НАРУШЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ. М., Изд-во АПН, 1978, 63 стр., 50 000 экз., 10 коп.

«НАШИ ПРАЗДНИКИ». М., Политиздат, 1977, 183 стр. с илл., 200 000 экз., 1 руб. 20 коп.

Г. В. Плеханов. ОБ АТЕИЗМЕ И РЕЛИГИИ В

ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ. М., «Мысль», 1977, 355 стр., 42 000 экз., 1 руб.

В. Успенский и Л. Успенский. МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ. Изд. 3-е. Л., «Детская литература», 1977, 175 стр. с илл., 150 000 экз., 45 коп.

И. И. Фурсин. ОБРЯДНОСТЬ И ЕЕ МЕСТО В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ. М., «Знание», 1977, 48 стр., 25 000 экз., 5 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

В. Э. Антоненко. Некоторые изменения в психологии верующих под воздействием научно-технической революции. В кн.: «Научно-техническая революция и воспитание всесторонне развитой личности». Новочеркасск, 1977, стр. 59—78.

Ф. Арабов. Концепция «мистического единения» и некоторые проблемы формирования суфийской идеологии. В кн.: «Вопросы эстетики, поэтики и текстологии литератур Востока», т. 2. М., 1977, стр. 42—55.

А. Артыков, С. Нурматова. Атеистическое и интернациональное воспитание — единый процесс. «Коммунист Узбекистана». Ташкент, 1977, № 5, стр. 44—49.

В. Е. Баглай. Природа, боги и человек в древнемексиканской мифологии. «Латинская Америка», 1977, № 4, стр. 166—183.

В. Е. Баглай. Эволюция представления о солнцах в древнеацтекской мифологии. «Советская этнография», 1977, № 4, стр. 122—128.

Ф. С. Башанги. Ислам и «святость» семьи в аспекте современной идеологической борьбы. «Ученые записки Азерб. ун-та. Серия истор. и филос. наук». Баку, 1977, № 1, стр. 64—69.

Н. Н. Бектимирова. Буддийская сангха в Камбодже в 1970—1974 гг. «Вестник Моск. ун-та. Востоковедение», 1977, № 2, стр. 42—51.

Г. А. Гаджиев. Верования лезгин, связанные с животными. «Советская этнография», 1977, № 3, стр. 117—124.

А. А. Гайдис. Становление научно-атеистических убеждений молодежи. В кн.: «Социалистический образ жизни и формирование идейных убеждений молодежи». Вильнюс, 1977, стр. 46—50.

М. А. Гольденберг. Иудаизм на службе сионизма. В кн.: «Международный сионизм: история и политика». М., 1977, стр. 88—98.

И. Григулевич. Несбывшаяся мечта Пия XII. «Новое время», 1977, № 39, стр. 27—30.

Ю. Гуров. О книге «Научный прогресс и религия». «Известия АН Каз. ССР. Серия общественных наук», 1977, № 2, стр. 91—92.

Н. К. Дмитриева, Н. Д. Куфакова. Методика преподавания научного атеизма в высшей школе. «Вестник Мос. ун-та. Философия», 1977, № 3, стр. 74—80.

В. А. Зимаков. ФРГ. Христианско - социальный союз: организация, идеология, программа правоконсервативной партии. В кн.: «Ленинская теория империализма и актуальные проблемы современного капитализма». М., 1977, стр. 199—211.

Н. Д. Зольникова. Абсолютизм и присяга духовенства в 30—60-х годах XVIII в. «Известия Сиб. отд. АН СССР. Серия общественных наук», вып. 2, 1977, № 6, стр. 120—125.

С. Ш. Иманов, К. Б. Болеев. Подготовка студентов-физиков к атеистической работе. «Ученые записки Азерб. пед. ин-та. Педагогика, психология и методика преподавания». Баку, 1977, № 2, стр. 75—81.

М. Б. Кенин-Лопсан. К вопросу о категориях тувинских шаманов. «Советская этнография», 1977, № 4, стр. 92—95.

С. П. Киселев. Психолого-педагогические аспекты управления процессом формирования атеистического мировоззрения в условиях культурно-просветительного комплекса. «Труды научно-исслед. ин-та культуры». М., 1977, т. 52, стр. 260—262.

А. Б. Кокоева. Некоторые элементы погребального обряда у осетин. «Известия Юго-Осетинского научно-исслед. ин-та АН Груз. ССР», 1977, вып. 21, стр. 45—51.

Ю. Г. Круглов. Календарные обряды и обрядовая поэзия в Калужской области. «Советская этнография», 1977, № 4, стр. 96—104.

И. А. Крывелев. Атеистический аспект популяризации естествознания. В кн.: «Просто о сложном». М., 1977, стр. 102—105.

Н. А. Кулматов. Саади и суфизм. В кн.: «Вопросы истории философии». Душанбе, 1977, стр. 92—103.

С. Никишов. Книга о теории и практике атеистического воспитания. Рецензия на кн.: М. Я. Ленсу. Основы атеистического воспитания. «Коммунист Белоруссии». Минск, 1977, № 6, стр. 94—96.

Ф. Г. Овсиенко, А. А. Радугин. «Новая теология» в поисках путей приспособления католицизма к современности. «Вестник Моск. ун-та. Философия», 1977, № 2, стр. 46—54.

И. М. Умаров. Айнулкузот и его суфийская доктрина. В кн.: «Вопросы истории философии». Душанбе, 1977, стр. 79—91.

В. Фищук. Научный прогресс и религия. «Партийная жизнь Казахстана». Алма-Ата, 1977, № 5, стр. 93—95.

«Фольклор и этнография». Л., 1977. Из содержания: **Р. В. Кинжалов.** Проблема реализации вариантов мира в повествовательном фольклоре и изобразительном искусстве, стр. 15—26; **Е. В. Ревуненко.** Миф о батакском жреческом жезле, стр. 27—37; **О. Ю. Чуднова.** Миф и мораль, стр. 38—51; **И. К. Федорова.** Новые данные о мифологии острова Пасхи, стр. 52—63; **Е. Л. Мороз.** Следы шаманских представлений в эпической традиции Древней Руси, стр. 64—72; **Н. А. Лавонен.** О древних магических оберегах, стр. 73—81; **О. Муродов.** Некоторые фольклорные жанры, связанные с древними верованиями таджиков, стр. 82—91; **А. К. Байбурин.** Восточнославянские гадания, связанные с выбором места для нового жилища, стр. 123—30; **Л. П. Потапов.** Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая, стр. 164—178.

К. Хачатуров. Империализм и «мятежная церковь» в Латинской Америке. «Международная жизнь», 1977, № 8, стр. 86—91.

С. Б. Чернецов. Церковь и государство в этнической истории Эфиопии XIII—XIV вв. В кн.: «Этническая история Африки. Доколониальный период». М., 1977, стр. 153—199.

«Этническая история и фольклор». М., 1977. Из содержания: **С. Я. Серов.** Динамика этнографического мифа инков, стр. 33—61; **Г. Г. Стратанович.** Этногенетические мифы об исходе из яйца или из тыквы у народов Юго-Вост. Азии, стр. 62—73.

Авторы этого номера

АНИСИМОВА Надежда Калустовна — преподаватель кафедры философии Московского института электронной техники, автор ряда статей по истории христианства в журналах, «Исторической энциклопедии» и «Карманном словаре атеиста». Специализируется на исследовании истории и современного состояния монофизитства. В нашем журнале печатается впервые.

ВОЛОДИН Борис Генрихович — член Союза писателей СССР, автор повестей «Возьми мои сутки, Савичев!», «Я встану справа», «Вторжение в сердце», документального романа «Мендель» (в серии ЖЗЛ), сборника очерков «На пути к невероятному», двух повестей об академике И. П. Павлове; постоянный автор нашего журнала.

САМСОНОВА Тамара Васильевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник НИИ содержания и методов обучения Академии педагогических наук СССР, доцент. Автор работ по проблемам марксистско-ленинской этики и нравственного воспитания молодежи.

ГЕРАСИМОВ Олег Герасимович — востоковед, кандидат экономических наук, действительный член Географического общества СССР при Академии наук СССР. В течение ряда лет работал в странах Арабского Востока. Автор книг «Десять тысяч километров по Месопотамии» (1968), «От гор Синджара до пустыни Руб-эль-Хали» (1974) и других. В нашем журнале выступает впервые.

А 05226. Сдано в набор 17. II. 78 г. Подписано к печати 29. III. 78 г. Тираж 440 700 экз. Зак. 0927. Формат 60×90¹/₈. Печатных листов 10. Ордена Ленина комбинат печати «Радянська Україна». г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Ф. Гойя. ПОХОРОНЫ САРДИНКИ. 1795—1800 гг.
Мадрид, музей академии художеств Сан Фернандо.

33-13
Цена 30 коп.
70602